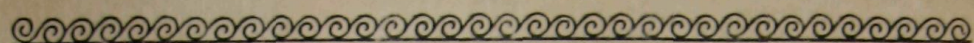
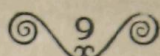

417828

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

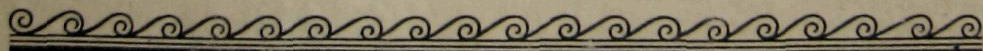

Д. Б. ШЕЛОВ

МОНЕТНОЕ ДЕЛО

БОСПОРА

VI-II в.в. до нашей эры

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И
И И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

П Р И Ч Е Р Н О М О Р Ь Е В А Н Т И Ч Н У Ю Э П О Х У

Под редакцией
проф. В. Н. Д Б Я К О В А

В ы п у с к 9

Д. Б. Ш Е Л О В

М О Н Е Т Н О Е Д Е Л О
Б О С П О Р А
V I — I I в в . д о н . э .

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1956

ВВЕДЕНИЕ

Одним из древнейших государственных образований на территории нашей родины было Боспорское государство, или Боспор. Возникшее в V в. до н. э. и просуществовавшее почти целое тысячелетие, это рабовладельческое государство объединило греческие города и местные племена. Оно способствовало тесному взаимодействию эллинской и местных — скифской, меотской, сарматской и других — культур и оставило заметный след во всей дальнейшей истории народов СССР.

Изучение истории Боспорского царства началось более 200 лет назад. С тех пор и до настоящего времени история этого, одного из наиболее древних государственных образований на территории Восточной Европы не перестает приковывать к себе внимание исследователей. И в отечественной, и в иностранной литературе боспорским древностям посвящено множество исследований, публикаций, статей и монографий. Однако, несмотря на огромное количество общих и специальных работ по истории и археологии Боспора, многие вопросы его экономической, политической и культурной жизни до сих пор остаются не выясненными.

Основным препятствием на пути исследования этих вопросов является скудость литературной традиции по истории Боспора, дающей, в большинстве случаев, лишь совершенно отрывочные сведения. Поэтому особое значение приобретают другие исторические источники: эпиграфические, археологические, нумизматические. Только они в состоянии осветить те стороны боспорской истории, о которых молчат античные авторы. Да во многих случаях и для правильного понимания све-

дений, сообщаемых древними писателями, бывает необходимо всестороннее привлечение вещественного материала.

Значение археологического и нумизматического материала особенно велико в изучении вопросов экономического развития Боспора. Экономическая история Боспора еще не написана. Имевшиеся до последнего времени в руках исследователя археологические данные и отрывочные свидетельства древних авторов позволяли наметить, по выражению академика С. А. Жебелева, лишь «основные линии» экономического развития Боспора.

Новый археологический материал, добытый советскими археологами в процессе раскопок боспорских столиц Пантикапея и Фанагории и целого ряда мелких боспорских городов за последние десятилетия и особенно за послевоенные годы, позволяет по-новому ставить и вопросы экономической истории Боспорского государства. Однако решать эти вопросы невозможно без всестороннего привлечения данных нумизматики. Дело не только в том, что нумизматический материал может до некоторой степени восполнить недостаток литературных свидетельств, но и в том, что денежные отношения в античном мире вообще, а на Боспоре в частности, были весьма развиты и играли значительную роль во всей хозяйственной жизни. К. Маркс отмечал, что даже классовая борьба в античном мире «разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором»¹ и что глубокий антагонизм всех экономических условий жизни отражается в форме денежных отношений. Это обстоятельство заставляет отнестись с пристальным вниманием и к нумизматическим памятникам Боспора.

Изучение монетной системы и денежного обращения может доставить также ценные данные и по ряду частных конкретных, но чрезвычайно важных вопросов. Степень развития денежного обращения позволяет судить и о степени товарности производства, поскольку именно деньги являются «высшим продуктом развития обмена и товарного производства»², и о связи этого производства с различными рынками.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1953, стр. 142.

² В. И. Ленин. Карл Маркс. Соч., т. 21, стр. 44.

В условиях Боспора, где рабовладельческие полисы были экономически и политически тесно связаны с местными племенами, проходившими стадию разложения общинно-родовых отношений, особую роль играло свойство денежных отношений разрушать патриархальные формы быта, натуральное хозяйство, общинные связи. Ведь именно развитие денежных отношений приводит к расширению товарной формы производства и обмена, к резкому усилению имущественного неравенства, к разрушению общинных отношений. «Какие бы другие причины, коренящиеся в развитии производства, ни участвовали в этом процессе, все же деньги остаются наиболее могущественным орудием их воздействия на общинный быт»¹.

Разумеется, изучение денежных отношений еще не может дать полной картины экономической жизни Боспора, хотя бы потому, что на Боспоре, как и в большинстве других античных обществ, деньги не проникали во все области экономической жизни и не выступали еще как господствующий элемент². Однако, прежде чем ставить общие вопросы экономического развития Боспора, следует произвести предварительную разработку отдельных групп источников и мобилизовать нумизматические данные.

Задачей настоящей работы является именно такая мобилизация нумизматического материала для решения вопросов главным образом экономического, а также и политического развития Боспора доспартокидовского и спартокидовского времени. Изучение монетных весовых систем, системы номиналов, хронологии монетных выпусков, распространения боспорских монет, обращения на Боспоре иноземной монеты и т. п. должно подготовить почву и для решения более общих проблем экономического развития Боспорского государства и всего Северного Причерноморья античной эпохи.

Выяснение этих вопросов тем более желательно и необходимо, что именно эта сторона боспорской монетной чеканки, связанная с изучением монет как средства денежного обраче-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 295, стр. 138.

² См. К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, стр. 216.

ния, почти совсем не привлекала внимания исследователей. Изучение боспорских монет шло до последнего времени по совершенно иному руслу.

Монеты Боспора были едва ли не первой категорией материальных памятников античной культуры Северного Причерноморья, привлекая к себе внимание исследователей. Еще в первой половине XVIII в. вышла работа Де-Боза о боспорских царях по нумизматическим данным¹. С этого времени боспорская нумизматика уже не выходит из поля зрения исторической науки.

В XVIII в. разработка боспорской нумизматики находилась в руках иностранных, главным образом французских, исследователей, занимавшихся преимущественно установлением династической хронологии Боспора (работы Де-Боза, Вайана, Сусье, Кари). То же положение оставалось в основном и в первой половине XIX в. Наибольший вклад в изучение боспорской нумизматики был сделан в это время Г. Кёлером, издавшим ряд работ, посвященных исследованию боспорских монет, главным образом царских.

Большие успехи в изучении нумизматических памятников Боспора были достигнуты в конце 40-х и 50-х годах XIX в. Особое значение имел тот факт, что интерес к отечественным древностям получил в это время распространение в русском обществе. Появляются первые нумизматические исследования на русском языке, выдвигаются русские ученые-нумизматы. С этого времени русская наука бесспорно завоевывает первое место в изучении боспорских древностей вообще и боспорской нумизматики в частности; этот приоритет прочно удерживается и советской наукой по настоящее время. Исследование боспорских монет в середине XIX в. связано с именами А. А. Сибирского, Г. И. Спасского, Б. В. Кёне и др. Эти исследователи интересуются уже не только царской монетой, но и автономной чеканкой боспорских городов, главным образом с точки зрения монетной типологии. В их трудах подвергаются

¹ De-Boze. Des Rois de Bosphore Cimmérien. Mémoires de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, XVI. Paris, 1729. Русский перевод в кн. Г. Спасского «Археолого-нумизматический сборник». СПб., 1850.

рассмотрению вопросы религиозной и политической истории Боспора, поскольку они нашли отражение в типах боспорских монет.

Особое значение имела двухтомная работа Б. В. Кёне, посвященная нумизматике и истории греческих городов Северного Причерноморья¹. Она явилась своего рода сводкой всех известных тогда данных по античной нумизматике северного побережья Понта. В это же время нумизматические памятники начинают разбираться в работах, посвященных истории и археологии нашего юга (Ашик, Сабатье), и даже делается первая попытка произвести хронологическую классификацию курганов, пользуясь данными нумизматики (Муральт).

Новый расцвет античной нумизматики в России падает на 80-е и 90-е годы XIX в. В этот период издается ряд каталогов древнегреческих монет (Московского и Киевского университетов, Московского Публичного и Румянцевского музея, собрания А. С. Уварова) и, что особенно важно, П. О. Бурачковым составляется сводный каталог монет античных городов и государств Северного Причерноморья². Несмотря на техническое несовершенство каталога и на полную беспомощность автора в теоретических вопросах, этот каталог явился значительным вкладом в дело изучения нумизматики античных городов Северного Причерноморья, поскольку он был первой сводкой всех типов монет греческих городов северного побережья Понта и боспорских царей.

Исследовательская работа над боспорскими монетами велась в эти годы в основном по двум направлениям: продолжалось изучение царских монет с целью восстановления истории Боспора (многочисленные статьи А. М. Подшивалова и А. В. Орешникова) и начали изучаться ранние автономные монеты Пантикапея и других городов Боспора (главным образом в работах Х. Х. Гиля). Для нашей темы имеют особое

¹ Б. Кёне. Описание музея князя В. В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, равно как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., т. I, 1857; т. II, 1859.

² П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллиским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.

значение издание и изучение Х. Х. Гилем архаических пантикапейских, мирмекийских и аполлонийских монет¹.

Но вся эта работа касалась боспорских монет главным образом с точки зрения их хронологии и типологии. Метрологические вопросы, экономические проблемы, связанные с монетной чеканкой, исследователями XIX в. совсем не затрагивались. Первенство в этом отношении принадлежит одному из крупнейших русских нумизматов начала XX в. А. Л. Бертье-Делагарду. Огромное значение имеют опубликованные им сводки весов всех известных золотых и серебряных монет греческих городов и царей Северного Причерноморья². Большой интерес представляет также написанная на основании изучения этого весового материала статья А. Л. Бертье-Делагарда о весовых системах в Пантикапее и Ольвии и об относительной стоимости золота и серебра в этих городах³, хотя ряд основных положений автора в этой статье ошибочен.

В начале XX в. продолжается и разработка отдельных вопросов боспорской нумизматики в трудах А. В. Орешникова, А. Л. Бертье-Делагарда, В. В. Шкорпила и других. В таких общих работах, как вышедшие в конце XIX—начале XX в. труды В. В. Латышева и Э. Миннза, касающихся истории Боспора, был широко использован нумизматический материал для общенсторических выводов⁴.

В советское время до начала Великой Отечественной войны изучение античной нумизматики вообще и боспорской в частности связано в основном с именами трех ученых: А. В. Орешникова, издавшего в 20-х годах «Этюды по нумизматике Черноморского побережья», Е. А. Пахомова и особенно А. Н. Зографа. Двумя последними исследователями положено начало

очень важному делу — собиранию сведений о находках монет по определенным областям («нумизматическим провинциям», по выражению Е. А. Пахомова)¹. А. Н. Зографом впервые сделана попытка классификации автономной боспорской меди².

Из западноевропейских исследований, затрагивающих вопросы автономной боспорской чеканки, кроме уже указанного труда Э. Миннза, следует упомянуть статью К. Реглинга о кладе из Принкипо, в которой дается классификация золотых пантикапейских статеров IV в.³, и работы М. И. Ростовцева, посвященные истории и археологии Северного Причерноморья вообще⁴.

В последние годы, уже после Отечественной войны, широко развернулось систематическое издание античного нумизматического материала, особенно кладов (статьи Ю. С. Крушкю, Л. П. Харко, К. В. Голенко, В. В. Кропоткина и др.); кое-что сделано и по интерпретации отдельных групп боспорских монет.

Но особое значение имеет, конечно, выход в свет в 1951 г. капитальной монографии покойного А. Н. Зографа «Античные монеты», написанной им еще в 1940 г.⁵ Во второй части этого труда, посвященной специально монетам Северного Причерноморья, автор впервые дает полное изложение истории всей античной чеканки северочерноморских городов, в том числе и автономной чеканки Боспора. В вопросах ранней боспорской чеканки А. Н. Зограф выдвигает ряд оригинальных положений: такова новая датировка пантикапейских золотых статеров, классификация пантикапейского серебра IV в. до н. э.,

¹ Ch. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886.

² А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древне-греческих городов и царей Сарматии и Тавриды. Нум. сб., II, М., 1913.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене. Нум. сб., I, М., 1911.

⁴ В. Latyshev. IosPE, II, 1891. В. В. Латышев, ПОНТИКА. СПб., 1909; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—VI. Баку, 1926—1954; А. Н. Зограф. Золотые монеты Кавказа. ИГАНМК, 110, 1934; А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, I, 1945.

² А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекий в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941.

³ K. Regling. Die Griechische Goldschatz von Prinkipo. Z. f. N., 1931.

⁴ M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922; M. Rostowzew. Skythien und der Bosphorus. Berlin. 1931, русское издание — Скифия и Боспор, 1925.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951.

анализ денежного кризиса на Боспоре в III в. и многое другое. Этот труд А. Н. Зографа как бы подводит итог результатам столетней работы русских ученых над нумизматическими памятниками Северного Причерноморья. Для нас работа А. Н. Зографа особенно важна тем, что в ней полностью систематизированы нумизматические материалы Боспора и подготовлена возможность их использования для решения историко-экономических вопросов.

В современных исторических исследованиях, посвященных Северному Причерноморью, широко используется и нумизматический материал¹. Но все же до сих пор нумизматические памятники, особенно автономные монеты боспорских городов, еще недостаточно привлекаются для изучения экономического и политического развития Боспора. Это объясняется в большинстве случаев несколько однобоким направлением, которым отличалось изучение боспорских монет.

Это изучение касалось, как правило, лишь монетной типологии. Вопросы последовательности монетных выпусков, техники чеканки, фактуры монет, метрологии и т. п. до работы А. Н. Зографа почти никогда не ставились. Вследствие этого привлечение нумизматического материала для решения отдельных вопросов истории Боспора ограничивалось почти исключительно одной категорией монет: боспорской царской чеканкой. То обстоятельство, что монеты боспорских царей обязательно снабжались именем царя или его монограммой, а часто и датой выпуска, облегчало сопоставление их в хронологические ряды и использование в качестве исторического источника.

В совершенно ином, гораздо менее выгодном положении, находятся автономные монеты боспорских городов, составлявшие основную часть денежного обращения Боспора домитридатовского времени. Отсутствие на этих монетах дат и дру-

гих прямых указаний для хронологической классификации затрудняет датировку и привлечение их в качестве исторического источника. Автономные монеты боспорских городов, как правило, не подвергались специальному исследованию, они лишь перечислялись в каталогах и описаниях, располагаясь, за редкими исключениями, без какого-либо определенного порядка. Обычно классификация этих монет производилась совершенно формально по типам лицевой и оборотной стороны (например, таким образом распределены автономные боспорские монеты в каталоге П. О. Бурачкова).

До последнего времени мы не имели сколько-нибудь разработанной хронологической классификации боспорских монет домитридатовского периода. Понятно, что отсутствие твердых хронологических рамок для отдельных монетных выпусков являлось препятствием для широкого использования боспорских домитридатовских монет в целях исторического исследования. В значительной степени именно благодаря этому обстоятельству боспорские городские монеты рассматривались до последнего времени почти исключительно с точки зрения их типологии. В этом отношении особняком стоят лишь упомянутые работы А. Л. Бертье-Делагарда, посвященные метрологическому исследованию монетных систем в Северном Причерноморье.

Для того, чтобы монеты боспорских городов могли быть полностью использованы в качестве источника по экономической и политической истории Боспора, необходимо изучение их прежде всего в аспекте той роли, которую играли они когда-то в экономической жизни страны, т. е. изучение их как средства денежного обращения, а не как изделий монетного искусства. Под этим углом зрения особое значение приобретают такие стороны монетного дела Боспора, как весовые монетные стандарты и их изменения, системы номиналов, интенсивность выпуска монеты, применение в чеканке различных металлов, устойчивость или колебание нормальных «указных» весов монет, наличие или отсутствие системы надчеканок и перечеканок, ареал распространения находок монет и многое другое.

Создание А. Н. Зографом твердой хронологической классификации автономных городских боспорских монет, которая нуждается лишь в небольших частных уточнениях и измене-

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949; Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1950; Е. С. Голубцова. Рим и Боспор в I в. до н. э.—I в. н. э. М., 1951; В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954; его же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. Античные города Северного Причерноморья. I. М.—Л., 1955.

ниях, позволяет теперь с достаточной определенностью ставить эти и подобные им вопросы. Правда, решение их чрезвычайно затрудняется тем, что отсутствует corpus nummorum античных городов Северного Причерноморья. Нет до сих пор и каталогов монетных собраний наших крупнейших музеев: Эрмитажа, ГМИИ, ГИМ. Совершенно не собраны сведения по топографии находок боспорских монет (за исключением Кавказа). Отсутствуют каталоги совместных находок монет и других вещей в погребениях, которые могли бы дать очень большой материал для датировки не только погребального инвентаря, но и самих монет. Составление таких сводок является насущной задачей, и до тех пор, пока эта работа не проделана, невозможно окончательное решение многих проблем не только нумизматики, но и истории Боспора. Однако и сейчас уже на основании имеющихся материалов по чеканке боспорских городов домитридатовского времени можно сделать некоторые выводы исторического и историко-экономического характера.

Настоящая работа ставит своей целью дать общий обзор монетной чеканки и денежного обращения на Боспоре с момента возникновения этого обращения до конца спартокидовской эпохи. Хронологические рамки работы естественно определяются самим нумизматическим материалом: с одной стороны началом чеканки монеты в Пантикапее около середины VI в. до н. э., с другой — резкими переменами в денежном обращении Боспора, наступившими в связи с подчинением последнего Митридату Понтийскому. В области денежного обращения рассматриваемая эпоха знаменовалась сменой подъема и упадка, чередованием различных, иногда весьма ярких, иногда едва намечающихся изменений, так или иначе всегда отражавших общие тенденции в экономическом, социальном и политическом развитии страны.

Глава I

МОНЕТНОЕ ДЕЛО БОСПОРА

в VI—V вв. до н. э.

Ни одно экономически развитое государственное образование античного мира не могло сколько-нибудь продолжительное время обходиться без разработанной монетной системы, без упорядоченного денежного рынка. Тем более это невозможно было для столь мощной в экономическом отношении державы, как Боспор в эпоху Спартокидов. Ядром этой державы явились античные полисы, расположенные по обеим сторонам Боспора Киммерийского; ко времени их объединения в первой четверти V в. до н. э. многие из них были уже весьма развитыми торгово-ремесленными центрами, обладавшими своей сельскохозяйственной округой. Нет ничего удивительного в том, что еще до возникновения Боспорского царства, на заре античной государственности в Северном Причерноморье, в VI в. до н. э. здесь возникла собственная чеканка монеты.

Наиболее ранние боспорские серебряные монеты имеют на лицевой стороне грубо исполненное изображение львиной головы впрямь, а на оборотной — квадратное углубление (*quadratum incusum*), не получившее еще правильной формы (табл. I, 1). На этих ранних монетах еще отсутствуют надписи, но сравнение их с позднейшими монетами Пантикапея, с надписью PA или PANTI, не оставляет сомнений в том, что эти древнейшие монеты также принадлежали Пантикапею. Сложнее вопрос об их датировке. Мы не располагаем прямыми свидетельствами о дате начала пантикапейской чеканки и при датировке первых пантикапейских монет должны базироваться исключительно на стилистических и общеисторических соображениях.

А. М. Подшивалов и А. Л. Бертъе-Делагард предположительно датировали древнейшие пантикапейские монеты кон-

цом VI—началом V в. до н. э.¹ А. Н. Зограф считал возможным отодвигать начало пантикапейской чеканки «далеко в глубь VI века»².

Нам представляется, что чеканка первых пантикапейских монет должна быть датирована еще серединой VI в. до н. э. За это говорят прежде всего фактурные и стилистические особенности первых пантикапейских монет (табл. I, 1) в частности чрезвычайно архаичский облик львиной головы и наличие на реверсе не оформленного еще *quadrati incusi*³. Некоторые детали изображения львиной головы на первых пантикапейских монетах: отсутствие гривы, резкое выделение носовой кости, наличие двух шариков на лбу — заставляют датировать эти изображения примерно серединой VI в. до н. э. Такая датировка оправдывается и сравнениями первых пантикапейских монет с архаическими ионийскими монетами. Наконец, некоторые общесторические соображения не позволяют относить начало пантикапейской чеканки к более позднему времени. Раскопки Пантикапея с 1945 г. экспедицией ИИМК под руководством В. Д. Блаватского заставляют отодвигать дату основания Пантикапея в первую половину, может быть даже в первую четверть VI в. до н. э.⁴ Если принять во внимание, что VI в. был для Пантикапея временем большого экономического расцвета и что уже в середине VI в. кроме Пантикапея существовал ряд боспорских поселений, в том числе таких, как Мирмекий, расположенный в непосредственной близости от города и экономически с ним связанный, то придется признать вполне закономерным относительно раннее возникновение монетной чеканки в Пантикапее.

У нас нет никаких данных для того, чтобы говорить об обращении на Боспоре чужой монеты до возникновения собственной чеканки. Археологически засвидетельствовано только наличие кизикских статеров VI в.⁵ Но статеры эти относятся уже ко второй половине VI в., а попасть на Боспор могли еще позднее, так как длительное их обращение — явление обычное.

¹ A. Podschivalow, Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosphorus Cimmerius aus der Sammlung A. M. Podschivalow. Moskau, 1882, стр. 5; А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 72.

² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 164.

³ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 2, ср. А. Л. Бертье-Делагард. Поправки общего каталога монет П. О. Бураčkova. М., 1907, стр. 19; A. Podschivalow. Указ. соч., табл. I, 2; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 9—11.

⁴ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 219, 227; его же. Архаический Боспор. МИА, № 33, стр. 17.

⁵ Д. Б. Шелов. Кизикские статеры на Боспоре. ВДИ, 1949, № 2, стр. 93 и сл.

Надо думать, что до начала пантикапейской чеканки систематического денежного обращения на Боспоре не существовало. Да это и естественно, так как местное население, с которым столкнулись греки-переселенцы на Боспоре, вообще еще не знало денежной торговли, а сами греческие города на первых порах не были еще достаточно экономически развиты, чтобы остро нуждаться в развитой монетной системе. Как только в этих городах, прежде всего в Пантикапее, внутренний рынок достиг известного развития, началась чеканка и собственной монеты.

Первое пантикапейское серебро выпускается в VI в. по тем техническим и стилистическим образцам, которые дает пумизматика ионийских центров в архаическую эпоху. Не являясь непосредственно копиями чужих монет, первые пумизматические памятники Боспора, несомненно, входят в общую орбиту архаической ионийской чеканки, неся на себе печать общих для Ионии того времени культурных представлений, технических навыков и стилистических приемов.

Первый период денежного обращения на Боспоре открывается началом пантикапейской серебряной чеканки около середины VI в. до н. э. Период этот продолжается более 150 лет — до начала IV в. В выделении этого периода мы следуем за А. Н. Зографом, который также определял границы первого, архаического периода, с одной стороны, началом пантикапейской чеканки в середине VI в., с другой — переходом в начале IV в. до н. э. к чеканке пантикапейских монет с новыми типами и введением в чеканку новых монетных металлов — золота и меди¹. Разница заключается однако в том, что А. Н. Зограф определял этот период лишь как период в монетной чеканке Пантикапея, «характеризующийся постепенным переходом от архаической односторонней монеты к монете, снабженной типами с обеих сторон». Чеканка второстепенных боспорских городов, а также вопросы монетной системы, денежного обращения, монетной политики выпадают из поля зрения А. Н. Зографа при выявлении им границ периода и оставляются как бы вне этих границ, определявших лишь известную ступень в техническом, типологическом и стилистическом развитии пантикапейской монеты. Между тем есть все основания считать этот период определенным этапом не только в развитии монетного дела Пантикапея, но и в истории всего денежного обращения на Боспоре.

В области монетного права этот первый период характеризуется самостоятельной чеканкой нескольких автономных боспорских полисов, каждый из которых помещает на монете

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 164—168.

свои собственные типы и свое название в сокращенной форме: в области монетной техники — чеканкой серебра с применением архаического мотива *quadrati incusi*, который выступает сначала в виде полноценного технического приема, а к концу периода лишь в роли рудиментарного элемента, сохранившего только декоративные функции; в области денежного обращения — чеканкой только мелкой серебряной монеты, рассчитанной исключительно на внутренний городской рынок, и употреблением для операций на внешнем рынке чужой монеты — кизикинов.

Пантикапейская серебряная чеканка, начавшись в середине VI в. до н. э., равномерно развивается в течение всего этого первого периода до начала IV в. Уже в первой четверти V в. до н. э. появляются мелкие боспорские монеты с оригинальным типом лицевой стороны — изображением муравья. По общепринятому мнению, монеты эти принадлежат соседу с Пантикапеем городку Мирмекию¹. В то же время или несколько позднее, во второй четверти V в. до н. э. начинается чеканка третьего боспорского города — Аполлонии Таврической, местонахождение которой пока определено быть не может. Аполлония и Мирмекий чеканят свою монету параллельно с Пантикапеем примерно до начала последней четверти V в. Затем чеканка обоих этих второстепенных городов внезапно прекращается, зато начинают почти одновременно чеканить свою монету Нимфей, Феодосия и синды: несколько позднее на рубеже V и IV вв. до н. э. появляются серебряные монеты фанагорийского чекана. Однако этот бурный подъем автономной городской чеканки на Боспоре был весьма непродолжителен. Уже к границе V—IV вв. прекращается выпуск нимфейских и синдских монет. Вряд ли более чем на десятилетие переживают их монеты Феодосии и Фанагории. Во втором десятилетии IV в. до н. э. Пантикапей уже является единственным поставщиком монеты на боспорский внутренний рынок. С этого момента начинается второй период в истории боспорского монетного дела.

1. Монеты боспорских городов и синдов

Из ранних нумизматических памятников Боспора наибольший интерес представляют для нас, разумеется, монеты Пантикапея; и не только потому, что Пантикапей раньше других городов Боспора начинает чеканить свою монету и чеканит ее

¹ Сб. Giel. Указ. соч., стр. 24; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике черноморского побережья. ИРАИМК, II, стр. 128; Д. Б. Шелов. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 143 и сл.; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 166.

непрерывно, но и потому, что пантикапейское серебро VI—V вв., насколько можно судить по имеющимся у нас данным, составляло основу денежного обращения на Боспоре в эту эпоху, о чем речь будет ниже. По сравнению с этой пантикапейской чеканкой монетные эмиссии остальных городов, расположенных по берегам Боспора Киммерийского, были лишь неправомерными и сравнительно небольшими эпизодами.

Разбирать здесь подробно раннюю чеканку Пантикапея в отношении типологии, стиля, техники и т. п. нет необходимости, поскольку об этом уже говорилось в статьях, специально посвященных этому вопросу¹. Здесь нужно лишь наметить основную линию пантикапейской чеканки VI—V вв. до н. э.

Неизменным типом лицевой стороны всех ранних серебряных пантикапейских монет является львиная морда впрямь, часто неточно называемая львиным скальпом или львиной шкурой. Собственно скальпом это изображение не является, так как здесь нет необходимого расплывания и раздвоения нижней челюсти, столь обычного на самосских монетах с изображением львиного скальпа². Это живая голова льва, изображаемая спереди и несколько сверху (табл. I). Сюжет этот, появляясь на первых монетах Пантикапея, исчезает только с применением совершенно нового типа лицевой стороны (голова сатира) на рубеже V и IV вв. до н. э. и впоследствии эпизодически встречается на пантикапейских монетах среди других типов уже на оборотной стороне.

В нумизматической и исторической литературе нередко высказывалось мнение, что морда льва на ранних пантикапейских монетах заимствована из типологии самосской нумизматики. Этой точке зрения отдал дань и крупнейший советский нумизмат А. Н. Зограф³. Однако ни формально-типологическое сопоставление пантикапейских и самосских монет, ни метрологические сравнения, ни историко-культурные соображения не дают оснований для подобного заключения. Наоборот, все данные говорят о том, что никакого непосредственного воздействия самосской чеканки на пантикапейскую не было и не могло быть. Изображение на пантикапейских монетах львиной головы или позднее — льва стоит в непосредственной связи с культом наиболее почитаемого божества Боспора — Аполлона, среди атрибутов которого был и лев. Очевидно, сюжет льва или львиной головы на пантикапейских монетах был заимствован вместе с самим культом Аполлона из Милета, в нумизматике

¹ ВДИ, 1949, № 1; ИСИМК, XXXIX, 1951.

² Ср. Num. Chr., 1882, табл. VIII—X.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 164.

которого лев, как символ Аполлона Дидимского, весьма обычен¹.

Несмотря на то, что все пантикапейские монеты VI и V вв. до н. э. имеют на аверсе одно и то же изображение головы льва впрямь, они значительно отличаются друг от друга в стилистическом отношении. Тип лицевой стороны древнейших монет Пантикапея при одностороннем сюжета проходит долгую и сложную стилистическую эволюцию, которая идет в том же направлении, что и все развитие греческой монетной типологии, но в значительной степени самостоятельно. По крайней мере, невозможно указать ни одного типа пантикапейского серебра этого времени, непосредственно заимствованного с чужих монет. Древнейшие монеты Пантикапея, имеющие на реверсе еще грубое, неоформленное углубление—*quadratum incusum*— и датирующиеся серединой VI в. до н. э., имеют на лицевой стороне изображение морды льва, выполненное весьма схематически. Характерными особенностями ее являются отсутствие гривы, удлинённые пропорции всей морды, наличие двух шариков на лбу, круглые, близко посаженные друг к другу глаза, резкое выделение носовой кости² (табл. I, 1). На более поздних монетах конца VI в. эта голова изображается уже с некоторым подобием гривы в виде коротких торчащих над лбом волос, все изображение становится менее вытянутым, несколько заостренным книзу; но в основном голова еще сохраняет прежнюю архаическую трактовку³ (табл. I, 2, 3).

¹ Подробнее об этих вопросах см. Д. Б. Шелов. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах. КСИИМК, XXXIX, 1951.

² A. Podschivalow. Указ. соч., табл. I, 2; E. Minns. Указ. соч., табл. V, 3; Ю. С. Крушк. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник. ВДИ, 1950, № 1, табл. I, 1—2; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 9—11.

³ Ch. Giel. Указ. соч., табл. III, 19—22; Ю. С. Крушк. Указ. соч., табл. I, 3; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 13—15; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 12) помещает в таблице ранних пантикапейских монет один весьма интересный экземпляр, резко отличный по стилю от остальных. Эта монета принадлежала когда-то собранию Ф. Ф. Прова, в 1904 г. была продана в Вене в коллекцию Поци (Egge. Aukzionskatalog. 1904, Nov., Wien, № 331), а затем попала в коллекцию Нантеуля, который издал ее, как пантикапейскую [H. de Nanteuil. Collection des monnaies grecques. Paris, 1925, т. I (текст), стр. 234; т. II (табл.), XLII, 687]. По типу реверса она должна быть отнесена к древнейшим нумизматическим памятникам: она отражает переход от грубого нерегулярного углубления к правильному, разделенному на четыре части, углубленному квадрату, формирование которого как будто бы еще не закончилось. Морда льва на этой монете оригинальна и, несмотря на архаизирующие черты, никак не вяжется с только что рассмотренными изображениями древнейших пантикапейских монет и представляет собою совершенно особую трактовку того же сюжета. Голова льва имеет округлую форму, очень хорошо заполняющую поле монеты,

В течение V в. до н. э. этот лицевой тип пантикапейских монет претерпевает дальнейшую стилистическую эволюцию, соответствующую общему развитию греческой монетной типологии. Голова льва сохраняет в основном прежнюю форму, но рельеф становится гораздо мягче, изображение живописнее, моделировка выпуклостей лба, носа, трактовка глаз — значительно тоньше; грива изображается то в виде длинных волнистых волос, то в виде коротких заостренных прядей, выступающих друг из-под друга¹ (табл. I, 4—12). Уже эта стилистическая эволюция лицевой стороны пантикапейских серебряных монет VI—V вв. до н. э. позволяет определить, хотя бы приблизительно, их относительную хронологию, последовательность монетных выпусков. Но гораздо яснее эта последовательность прослеживается по ступеням развития рисунка реверса тех же монет.

На оборотной стороне первых пантикапейских монет грубо отщипнуто неправильной формы углубление (*quadratum incusum*). Затем это углубление принимает правильные очертания квадрата с двумя перпендикулярно перекрещивающимися рельефными перегородками; в четырех, образованных этими перегородками, отсеках квадрата возникают рельефные точки, которые, сливаясь с перегородками, превращаются в рельеф-

продолговатые косо поставленные глаза с хорошо моделированными веками и зрачками; волосы на макушке короткие и прямые, вокруг шеи баки в виде коротких торчащих прядей; уши острые и направлены в стороны. Другие экземпляры этой монеты или подобные ей неизвестны. Стиль ее резко отличен от стиля не только боспорских, но и ионийских архаических монет, с которыми должны быть сопоставлены ранние боспорские нумизматические памятники. Ближе всего он подходит к трактовке львиных голов на монетах собственно Греции: на афинской монете с горгоподобным на аверсе и львиной мордой в углубленном квадрате оборотной стороны (RN, 1856, табл. XI, 12) и на эвбейской монете с теми же типами (Miles. Greek coinage. Oxford, 1931, табл. V, 3). Объяснить появление этой монеты в боспорской нумизматике было бы очень затруднительно. Не зная, где была найдена эта монета (коллекция Ф. Ф. Прова составлялась главным образом путем покупок — как в России, так и за границей), трудно сказать, какие причины побудили А. Н. Зографа поместить ее в число пантикапейских монет, но сравнение ее с другими монетами этого города говорит скорее за какой-то иной центр ее чеканки. Во всяком случае, она резко отличается от всего предыдущего типологического ряда и от последующих монет с тем же изображением.

¹ A. Podschivalow. Указ. соч., табл. I, 5—8, 11; Ch. Giel. Указ. соч., табл. III, 29—36, 38—43; X. X. Гиль. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. ЗРАО, VII, табл. XIX, 39—42; Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII, М., 1887, табл. II, 336; F. R. Imhoof-Bulmer. Choix des monnaies grecques. Winterthur, 1871, табл. I, 5; E. Minns. Указ. соч., табл. V, 6; Ю. С. Крушк. Указ. соч., табл. III, 2—3; IV, 2; В. М. Скундинов. Два клада монет из Нимфея. ВДИ, 1950, № 4, табл. I; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 16—21, 29—37.

ные таблички, расположенные в углах отсеков; таблички получают затем правильную квадратную форму и занимают собой почти всю площадь каждого отсека, соединяясь в центре при помощи остатков первоначальных перегородок. Так получается внутри углубленного квадрата весьма характерный рисунок, напоминающий свастику или лопасти крыльев ветряной мельницы (табл. I, 2—4). Этот рисунок получает затем дальнейшее развитие: на рельефных табличках появляются четырехлучевые звездочки, а затем — и первые буквы названия города — ΓΑ, ΓΑΝ и, наконец, ΓΑΝΤΙ (табл. I, 5, 7, 8, 9). Описанная эволюция рисунка реверса пантикапейских монет не позволяет сомневаться в последовательности их выпусков. Последовательность эта была прослежена нами вслед за А. Л. Бертье-Делагардом¹ и А. Н. Зографом², в специальной статье, посвященной монетам Аполлонии и Мирмекии³. Уже в этой статье указывалось на одну своеобразную группу пантикапейских монет, хотя и не имеющую характерного рисунка реверса, но все же, безусловно, принадлежащую к пантикапейской чеканке этого времени. Это — мелкие монетки, имеющие на оборотной стороне углубленный квадрат, разделенный двумя перегородками на четыре отсека, с точками внутри них (табл. I, 6); однако они не относятся к VI в. до н. э., как более крупные монеты Пантикапея с подобным типом реверса, а современным монетам с уже выработанным свастическим рисунком в углубленном квадрате. Находка этих монеток в составе нимфейского клада 1949 г.⁴ как будто бы подтверждает сделанное нами ранее хронологическое сопоставление⁵. Тот же нимфейский клад дал образцы одной категории боспорских монет, выпадающей из вышеприведенной схемы развития реверсного типа. Это мелкие монетки, имеющие на оборотной стороне в углубленном квадрате восьмиконечную звездочку⁶ (табл. II, 13). Уверенности в пантикапейском происхождении этих анэпиграфных монеток у нас быть не может: не исключена возможность чеканки их в другом боспорском

городе — Аполлонии, о которой подробнее речь будет идти дальше. Но если бы они даже и оказались принадлежащими Пантикапею, они все же не могли бы поколебать той общей картины постепенного развития типов пантикапейских монет, которая намечена выше, так как все эти выпадающие из общей схемы монетки принадлежат к мельчайшим номиналам и составляют лишь разменную мелочь в соответствующей серии первой четверти V в.

Хронологические границы всего этого развития монетной типологии V в. определяются с большим трудом лишь на основании стилистических и фактурных особенностей монет. Ко второй половине VI в. должны быть отнесены ранние серии пантикапейских монет, на реверсе которых quadratum incusum еще не содержит рисунка, напоминающего крылья мельницы (табл. I, 2, 3). Анэпиграфные монеты с выработанным уже рисунком должны занять первую четверть V в.; к тому же времени относятся и разобранные мелкие монетки с простым перекрестьем и точками и монетки с восьмиконечной звездочкой во все поле углубленного квадрата (табл. I, 4—6; II, 13). Пантикапейские монеты с буквами ΓΑ и двумя звездочками на рельефных табличках (табл. I, 7) относятся, грубо говоря, ко второй четверти того же столетия; наконец, третью четверть V в. до н. э. занимают монеты с более развитой формой надписи — ΓΑΝ и ΓΑΝΤΙ (табл. I, 8—10). Основания для таких датировок указаны в книге А. Н. Зографа¹ и в нашей статье о монетах Аполлонии и Мирмекии². На начало последней четверти V в. до н. э. падает чеканка серебра уже с новым типом реверса — головой барана. На лицевой стороне это серебро продолжает сохранять прежнее изображение львиной головы впрямь, выполненное в том же стиле, что и на последней серии пантикапейских монет с рельефными табличками, из чего явствует, что выпуск монет с головой барана непосредственно следует за этой последней серией³. На оборотной стороне этих монет в четко выраженном неглубоком вдавленном квадрате помещается профильное изображение головы барана вправо, трактованное довольно сухо и схематично. Над бараньей головой, вдоль верхнего края углубления идет надпись ΓΑΝΤΙ⁴

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 72 и сл.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 164.

³ Д. Б. Шелов. ВДИ, 1949, № 1, стр. 144 и сл.

⁴ В. М. Скуднова. Указ. соч., стр. 78, № 2—9.

⁵ ВДИ, 1951, № 1, стр. 263—264.

⁶ В. М. Скуднова. Указ. соч., табл. I, 16—17; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 16. Подобные монеты были в двух экземплярах известны и до находки нимфейского клада, но мы не решились поместить их среди пантикапейских монет, так как происхождение их было неизвестно, а характерного для пантикапейских монет рисунка оборотной стороны они не имеют. Присутствие этих монет в нимфейском кладе подтверждает их боспорское происхождение и датировку их первой четвертью V в. до н. э., данную А. Н. Зографом (Античные монеты, стр. 165).

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 165 и сл.

² ВДИ, 1949, № 1, стр. 152.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 166. Издания А. Заллетом (A. Sallet. Beschreibung der antiken Münzen d. Königl. Museum zu Berlin, I. Berlin, 1888, стр. 9, № 3, табл. II, 13) монета, свидетельствующая якобы об обратной последовательности типов, — несомненная подделка.

⁴ Х. Х. Гиль. Указ. соч., стр. 222, табл. XIX, 39—42; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 33—34; Ю. С. Крушкoл. Указ. соч., табл. IV, 2.

(табл. I, 11). Голова барана удерживается на реверсе и следующего выпуска пантикапейских серебряных монет. На этой серии углубленный квадрат уже исчезает, но поверхность оборотной стороны монеты получает некоторую вогнутость. Исчезновение *quadrati incusi* свидетельствует о более позднем происхождении этих монет по сравнению с предыдущей серией. А. Н. Зограф относит чеканку этого последнего выпуска пантикапейских архаических серебряных монет к самому концу V в. до н. э.¹ Голова барана на этих монетах повернута влево. Она менее схематична и детали более моделированы, чем раньше; надпись *GANTI* над головой барана идет не горизонтально, а полукругом, следуя форме головы. Под бараньей головой появляется добавочный символ — осетр или звездочка² (табл. I, 12).

Выбор головы барана в качестве типа оборотной стороны для последних серий пантикапейских монет V в., надо думать, не случаен. Изображение барана или его головы часто встречается в греческой нумизматике и имеет в различных случаях разные значения. Б. В. Кёне пытался объяснить появление головы барана на пантикапейских монетах связью этого изображения с культом Диониса³. Однако нам представляется гораздо более верным предположение А. Н. Зографа, который относит этот тип к культу Аполлона⁴. Голова барана на реверсе, в таком случае, имеет то же значение, что и морда льва на лицевой стороне монеты, являясь символом главного божества Пантикапея. Надо заметить также, что изображения бараньих голов, как и львиных морд, имели в ту эпоху нередко апотропейский характер⁵, и в качестве апотропеев присутствие их на монетах очень вероятно. Что касается трактовки бараньей головы на наших монетах, то ближайшую аналогию ей представляет фокейская электровая гекта, опубликованная Д. Сестини⁶, на близость которой к пантикапейским монетам указывали еще Б. В. Кёне и А. М. Подшивалов⁷. Подобная же голова (с добавлением тунца под ней) встречается на кизик-

ской гекте V в.¹ Хотя обе указанные монеты довольно близки по типу к пантикапейским и по времени предшествуют им, все же у нас нет оснований говорить о заимствовании пантикапейцами этого монетного типа. Сходство типов названных монет может быть объяснено просто одинаковыми стилистическими приемами, свойственными всей монетной типологии этого времени.

В этой последней серии пантикапейского серебра V в. мы впервые встречаемся с изображением осетра в боспорской нумизматике. Изображение осетра попадает и на медные пантикапейские монеты IV в. до н. э. Осетровая рыба была одним из главных богатств Боспора; появление ее на пантикапейских монетах имеет то же значение, что изображения сиффия на монетах Киренаики, колоса — на монетах Метапонта, виноградной кисти — на монетах Менды и Маронеи и т. п.² С примерами подобного значения монетных изображений нам еще неоднократно придется встречаться в боспорской нумизматике.

Рассмотренной серией заканчивается первый период пантикапейской монетной чеканки. В начале IV в. до н. э. в Пантикапее начинается чеканка монеты уже с новым типом лицевой стороны, меняется система номиналов, вводится новый монетный металл — медь, а затем и золото. Для удобства рассмотрения ранней серебряной чеканки Пантикапея VI—V вв. до н. э. на следующей странице помещена графическая схема развития реверсного типа пантикапейских монет VI—V вв. до н. э. Для сравнения в схему введены также монеты двух других боспорских городов — Аполлонии и Мирмекия, к обозрению чеканки которых мы теперь и переходим.

Боспорские монеты с надписью *ΑΡΟΛ* известны очень давно и не раз являлись предметом внимания нумизматов. Они имеют на лицевой стороне изображение морды льва впрямь, точно такое же, как на монетах Пантикапея, на оборотной стороне — разделенный перегородками или четырехлучевой звездой на четыре отсека углубленный квадрат (табл. II, 14, 15). Уже Д. Сестини, опубликовавший одну из этих монет, заметил разительное сходство ее с ранними пантикапейскими монетами³. Он колебался, приписать ли монету Аполлонии во Фракии или Аполлонии на Дунае, явно склоняясь ко второму предположению; Борелл отнес эти монеты к Аполлонии в Хал-

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 167.

² А. Podschivalow. Указ. соч., табл. I, 11; Е. Minns. Указ. соч., табл. V, 6; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 35—37.

³ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 333, 345.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 167.

⁵ Ср. Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, вып. 34, 1914, стр. 26.

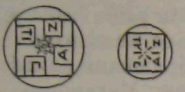

⁶ D. Sestini. Descrizione degli stateri antichi. Firenze, 1817, табл. I, 21.

⁷ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 333; А. Podschivalow. Указ. соч., стр. 5.

¹ B. V. Head. A Guide to the coins of the ancients. London, 1881, табл. X, 19.

² Ср. М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пр., 1918, стр. 117—118; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 167, 176.

³ D. Sestini. Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore Baron St. di Shaudoir. Firenze, 1831, стр. 30, табл. I, 7.

	Пантикапей	Мирмекий		Аполлония
		пантикапей- ский чекан	аполлоний- ский чекан	
4 четверть V в. до н.э.	Голова барана в углубленном квадрате	—	—	—
3 четверть V в. до н.э.				
3 четверть V в. до н.э.				
2 четверть V в. до н.э.				
1 четверть V в. до н.э.				
1 четверть V в. до н.э.				
2 половина VI в. до н.э.				
Середина VI в. до н.э.				

кидике¹, а Лике — к Аполлонии в Македонии². Б. В. Кёне высказал предположение о принадлежности этих монет Аполлонии Илирийской, очень странно аргументировав свою мысль

¹ Num. Chr., 1849, стр. 57.

² Numismata Hellenica, Europ. Graece. London, 1854, стр. 16; Suppl., стр. 114.

близостью их к монетам Пантикапея¹. Ф. Имхоф-Блумер приписал монеты с надписью АΠΟΛΛ Απολλонии Понтийской во Фракии² и к его мнению присоединились А. Заллет, Б. Хэд и П. Гарднер³.

Совершенно новое предположение высказал Х. Х. Гиль. Обратив внимание на то, что большинство изучаемых монет найдено на берегах Боспора Киммерийского и что по типам они почти идентичны пантикапейским, он заключил отсюда, что они принадлежат Пантикапею и что Аполлония есть лишь древнейшее название Пантикапея⁴. Гипотеза Гили была принята А. Л. Бертье-Делагардом, А. Заллетом, Б. Хэдом⁵. Э. Миннз также склонен был принять это предположение, но делал оговорку, что название Аполлония принадлежало, может быть, не самому Пантикапею, а какому-нибудь близлежащему поселению, позднее поглощенному столицей Боспора⁶. В последнее время с решительной защитой гипотезы Х. Х. Гили выступила Ю. С. Крушкол⁷. А. В. Орешников, соглашаясь с мнением Гили относительно боспорского происхождения этих монет, полагал, что чеканил их не Пантикапей, а Мирмекий, к которому он и относил древнее название Аполлонии⁸. А. Н. Зограф, отвергая гипотезу А. В. Орешникова, в то же время указывает на ряд непреодолимых противоречий и в гипотезе Х. Х. Гили. По мнению А. Н. Зографа, pro и contra обеих гипотез «настолько уравнивают друг друга в этом вопросе, что дать на него окончательный ответ в настоящий момент нет возможности»⁹. В своей вышеуказанной статье мы пытались найти третье решение этой загадки, которое устранило бы все недоуменные вопросы и объяснило бы не только существование, но и эволюцию монет с надписью АΠΟΛΛ, а также их отношение к монетам Пантикапея и Мирмекия.

В настоящее время уже не может быть сомнения в боспорском происхождении монет с надписью АΠΟΛΛ¹⁰. Боспорское

¹ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 332.

² Num. Chr., 1873, стр. 42, примеч. 9; ср. Fr. Imhoof-Blumer. Monnaies Grecques. Paris, 1883, стр. 42.

³ ZN, 1874, I, стр. 288; BMC, Thrace, стр. 87.

⁴ Ch. Giel. Указ. соч., стр. 23—24; ЗРАО, V, стр. 347—348.

⁵ Num. сб., II, стр. 129; A. Sallet. Beschreibung der antiken Münzen der königlichen Museum zu Berlin, I, стр. 137; B. V. Hea d. Historia numorum. Oxford, 1911, стр. 280.

⁶ E. Minns. Указ. соч., стр. 20, 569, примеч. 10; 628.

⁷ Ю. С. Крушкол. ВДН, 1950, № 1.

⁸ А. В. Орешников. Этюды. ИРАИМК, II, стр. 128.

⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 165—166.

¹⁰ Поэтому совершенно непонятно, какими мотивами руководствовалась Ю. С. Крушкол, когда она, пытаясь доказать пантикапейское происхождение аполлонийских монет, писала: «Если допустить, что она

происхождение их засвидетельствовано как чрезвычайной близостью этих монет в типологическом, фактурном и весовом отношениях к пантикапейским монетам V в. до н. э., так и тем, что встречаются они исключительно в районе Боспора¹. Более точно локализовать Аполлонию на основании находок ее монет, к сожалению, пока невозможно².

Вопрос о том, какому боспорскому городу принадлежали монеты с надписью АΡΟΛ, т. е. о том, какой город носил в V в. название Аполлонии, может быть предварительно решен,

[Аполлония] находилась в Иллирии, в Колхиде или еще в каком-либо другом месте, то, во-первых, необъяснимо, почему ее монеты принадлежат к тем же нумизматическим типам, как и монеты Пантикапея, а, во-вторых, почему монеты данной Аполлонии находятся исключительно в Крыму, около Керчи, и не встречаются на предполагаемом месте этой Аполлонии» (Ю. С. Крушк. Указ. соч., стр. 187). Повторим, что в настоящее время уже никому не приходит в голову помещать центр, чеканивший монеты с надписью АΡΟΛ «в Иллирии, в Колхиде или еще в каком-либо другом месте», кроме территории Боспора, однако боспорское происхождение аполлонийских монет еще не может служить доказательством тождественности Аполлонии и Пантикапея.

¹ Ю. С. Крушк. несколько раз ссылается, в доказательство своей точки зрения о тождестве Пантикапея и Аполлонии, на частые находки монет с надписью АΡΟΛ «в Крыму около Керчи» или «в Керчи и ее окрестностях» (Ю. С. Крушк. Указ. соч., стр. 187—188). Однако ссылки эти равно ничего доказать не могут. Ни одного точно засвидетельствованного случая находки аполлонийской монеты на территории Керчи (Пантикапея) нет. Между тем хорошо известно, что в старой литературе под выражением «Керчь и ее окрестности», которое так доверчиво повторяет Ю. С. Крушк., всегда понималась территория всего Боспора, включая не только весь Керченский, но и Таманский полуостров. Таким образом, эти свидетельства о находке аполлонийских монет говорят только в пользу их боспорского происхождения, в котором никто и не сомневается, а вовсе не в пользу отождествления Аполлонии и Пантикапея. Именно так и понимает дело А. Н. Зограф, когда он пишет: «В настоящее время перед лицом факта находки этих монет в Керчи и ее окрестностях... происхождение их из этих мест и принадлежность Аполлонии Таврической не могут уже вызывать споров, тем более, что Аполлония Фракийская имеет теперь свои, с большим основанием приписываемые ей монеты» (А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 165). Да и сама Ю. С. Крушк., говоря о том, что находки монет подтверждают такое отождествление, не может сослаться ни на один конкретный факт находки аполлонийских монет, кроме находки их в кладе из Эльтегея. Но эта последняя ссылка в вышней степени странна. Ведь Эльтегей (ныне Героевка) находится не на месте древнего Пантикапея, а на месте древнего Нимфея, так что факт находки там аполлонийских монет говорит скорее не за, а против точки зрения Ю. С. Крушк., если вообще полагается в этом вопросе на свидетельство монетных находок. Ниже нам придется еще говорить о том, в какой мере данные топографии находок монет могут привлекаться для решения подобных вопросов. Сейчас же укажем лишь, что нам известен еще только один конкретный случай находки аполлонийских монет: в Фанатории в 1949 г.

² В. Д. Блаватский выдвинул недавно гипотезу, согласно которой Аполлония является первоначальным названием Нимфея. Об этом см. стр. 34.

до находки новых эпиграфических свидетельств, лишь путем изучения самих аполлонийских монет и сравнения их с монетами Пантикапея. По глубокому нашему убеждению такое сравнение решительно исключает возможность отождествления Аполлонии и Пантикапея, так как на монетах Аполлонии всегда отсутствует столь характерный для пантикапейских монет рисунок, напоминающий крылья ветряной мельницы¹. Поэтому нельзя помещать аполлонийские монеты, как делает это Ю. С. Крушк., между разными сериями пантикапейских монет, на которых этот рисунок, как мы видели, развивается непрерывно. Отсылая читателя к ранее опубликованной статье, не будем приводить здесь наших прежних доводов в пользу того мнения, что монеты Аполлонии и монеты Пантикапея в течение второй и третьей четверти V в. выпускались одновременно в двух различных центрах²; высказанные ранее положения хорошо иллюстрируются приведенной выше схемой развития рисунка на реверсе пантикапейских, аполлонийских и мирмекийских монет. Укажем здесь лишь на два дополнительных соображения по этому вопросу.

Во-первых, одновременность чеканки аполлонийских и пантикапейских монет хорошо доказывается полным стилистическим совпадением их аверсных типов. Для первой серии аполлонийских монет аналогию составляют пантикапейские монеты с буквами ΓΑ и двумя звездочками на реверсе³, для второй серии — пантикапейские монеты с надписью ΓΑΝ и ΓΑΝΤΙ⁴. Попытка втиснуть чеканку всех монет с надписью АΡΟΛ в промежуток между чеканкой анаэпиграфных монет и монет с надписью ΓΑΝ и ΓΑΝΤΙ неизбежно приводит к тому, что становится непонятным не только последовательность развития рисунка оборотной стороны пантикапейских монет,

¹ Указание Ю. С. Крушк. (указ. соч., стр. 186), что этот рисунок встречается на монетах Аполлонии — недоразумение: монета, на которую она ссылается, опубликованная Х. Х. Гилем в ЗРАО, V, табл. IV, 17, имеет обычный для аполлонийских монет второй серии рисунок реверса; ср. ВДИ, 1949, № 1, стр. 147.

² Д. Б. Шелов. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекии. ВДИ, 1949, № 1.

³ Сравните особенно трактовку гривы: А. P o d s c h i w a l o w. Указ. соч., табл. I, 7, 8; Каталог собрания древностей гр. Уварова, вып. VII, табл. II, 366; С. H. G i e l. Указ. соч., табл. III, 32—36; Ю. С. Крушк. Указ. соч., табл. III, 3; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 19, 20, 21, 29 и С. H. G i e l. Указ. соч., табл. III, 15—16; Х. Х. Гилем, ЗРАО, V, табл. IV, 18; Ю. С. Крушк. Указ. соч., табл. III, 5; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 23—24.

⁴ Ср. С. H. G i e l. Указ. соч., табл. III, 38—43; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 30—32 и Х. Х. Гилем, ЗРАО, V, табл. IV, 17; С. H. G i e l. Указ. соч., табл. III, 17.

но и нарушается нормальная стилистическая эволюция лицевого типа.

Во-вторых, одновременность чеканки аполлонийских и пантикапейских монет подтверждается и некоторыми метрологическими наблюдениями. В третьей четверти V в. до н. э. в монетном деле Пантикапея была сделана попытка немного повысить средний вес основного номинала системы — диобола, который с начала чеканки успел уже несколько понизиться в весе. Такую же точно картину наблюдаем мы и в чеканке второй серии аполлонийского серебра, которую по типологическим соображениям также следует относить к третьей четверти V в. до н. э.¹ Это совпадение может служить лишним доводом в пользу синхронности указанных двух серий монет.

Из вышеприведенной схемы развития реверсного типа аполлонийских монет видно, что монеты этого центра распадаются на две серии и что чеканка их относится ко второй и третьей четверти V в. до н. э. Начало чеканки первой серии видимо падает уже на конец второй четверти столетия, так как львиная голова на этой серии аполлонийских монет всегда имеет гриву, трактованную в виде коротких заостренных прядей, выступающих друг из-под друга, а подобная трактовка волос появляется на различных греческих монетах в конце первой половины V в.² Впрочем, весьма вероятно, что к изделям аполлонийского монетного двора должны быть отнесены упомянутые выше мелкие монетки с изображением восьмилучевой звезды во все поле оборотной стороны, встреченные в нимфейском кладе 1949 г. По крайней мере, поскольку они не имеют буквенных обозначений и характерного для пантикапейских монет рисунка реверса, они могут быть приписаны Аполлонии не с меньшим, если не с большим, правом, чем Пантикапею. Если эти монетки действительно принадлежат Аполлонии, то начало ее чеканки следует датировать еще первой четвертью V в., т. е. тем же временем, что и начало чеканки Мирмекии. Однако для окончательного решения этого вопроса данных у нас пока нет.

Все монеты небольшого городка Мирмекии имеют на лицевой стороне изображение муравья (табл. II, 16—19). Именно исходя из этого признака, Х. Х. Гиль, опубликовавший несколько таких монет, высказал предположение³, что они выпущены Мирмекием (*Μυρμηκίου*) и что муравей (*μύρμηξ*) является говорящим типом (*arme parlante*) этого города. Дей-

ствительно, только это предположение может объяснить появление в боспорской нумизматике такого необычного типа¹. Трудность заключается в том, что на оборотной стороне этих небольших монеток с муравьем, находится надпись либо с именем Пантикапея (в формах ΓΑ и ΓΑΝΤΙ), либо с именем Аполлонии (ΑΡΟΛ); встречаются и анэпиграфные монетки с муравьем, соответствующие по типу реверса анэпиграфным монетам Пантикапея первой четверти V в. до н. э. Это обстоятельство заставило А. Н. Зографа отказаться от решения вопроса о самостоятельной мирмекийской чеканке². Подробное рассмотрение типов мирмекийских монет неизбежно приводит к выводу³, что все монеты Мирмекии, имея на лицевой стороне говорящий тип города, на оборотной стороне несут не собственный тип, а типы соседних городов — Пантикапея и Аполлонии. При этом пантикапейские и аполлонийские типы продлеваются на мирмекийских монетах совершенно ту же эволюцию, что и на собственных монетах Пантикапея и Аполлонии. Чеканка мирмекийских монет с типами Аполлонии и с типами Пантикапея производится одновременно. Объяснить эти явления можно, на наш взгляд, только предположив, что маленький городок Мирмекия, нуждаясь в мелкой разменной монете, но не имея собственного монетного двора, чеканил эту монету на монетных дворах соседних городов — Пантикапея и Аполлонии. При этом лицевая сторона мирмекийских монет всегда занята говорящим типом этого города, а оборотная получает реверсный тип монет того города, в котором производилась чеканка. Только такое предположение может разрешить те недоуменные вопросы, которые связаны с монетами, носящими изображение муравья, в том числе и «странный, необъяснимый и подозрительный», по выражению А. Н. Зографа, параллелизм в выпуске мельчайших номиналов серебра с одной и той же надписью ΓΑΝΤΙ, но с изображением то львиной головы, то муравья.

Сопоставление мирмекийских монет с монетами пантикапейскими и аполлонийскими позволяет датировать начало мирмекийской чеканки еще первой четвертью V в. до н. э. Прекращается эта чеканка тогда же, когда перестают выпускаться и монеты Аполлонии, на границе третьей и четвертой четверти V в. Следует заметить однако, что все 50 с лишним лет, которые длилась чеканка мирмекийских монет, она касалась только мельчайших номиналов — гемниоболов, тетартемориев

¹ Д. Б. Шелов. Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э. МИА, № 19, 1951, стр. 128—129.

² Ср. К. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin. 1924, табл. XIII, 308; XVII, 393, 397 и др.

³ Ch. Giel. Указ. соч., стр. 24.

¹ Гипотеза С. А. Жебелова о том, что название города Мирмекия произошло не от слова «муравей», а от созвучного имени собственного *Μυρμηξ* (МИА, № 4, стр. 149 сл. = СП, стр. 303), дела, конечно, не меняет.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 166.

³ Д. Б. Шелов. ВДИ, 1949, № 1.

и гемитетартемориев; ни оболы, ни более крупные монеты с типом муравья никогда не чеканились¹. Особенно показательно отсутствие среди мирмекийских монет диоболов, составивших в то время основной номинал в серебряной чеканке боспорских городов. Совершенно очевидно, что мирмекийские монеты составляли лишь разменную мелочь для монет двух других боспорских центров.

Внезапное прекращение аполлонийской и мирмекийской чеканки, повидимому, связано с какими-то изменениями в политической жизни боспорских городов. В то же время в самом Пантикапее происходит смена монетного типа: вместо прежнего рисунка оборотной стороны, развивавшегося постепенно в течение целого столетия, вводится новый тип реверса — голова барана в углубленном квадрате. Время этих перемен может быть определено лишь весьма приблизительно. Чеканка пантикапейских монет с головой барана падает, грубо говоря, на последнюю четверть V в. до н. э. Прекращение автономной чеканки Мирмекия и Аполлонии могло произойти, следовательно, в начале 20-х годов этого столетия. Незадолго перед тем, в начале 30-х годов, на Боспоре произошел какой-то политический переворот, проявившийся в замене прежнего правящего рода Археанактидов новым — Спартокидами. Было бы очень заманчиво объяснить перемены в монетном деле Боспора новым политическим курсом, направленным на объединение и централизацию боспорских владений. Однако дальше самых общих предположений идти в этом вопросе невозможно, тем более, что и природа самого политического переворота, приведшего к власти Спартокидов, нам совершенно неизвестна. Столь же гадательно и очень осторожное предположение А. Н. Зографа о том, что появление головы барана в качестве типа пантикапейских монет могло быть следствием попытки Спартокидов снискать себе популярность пантикапейских греков путем обращения к исконному божеству Милета — Аполлону².

Кроме Пантикапея, Аполлонии и Мирмекия еще два города на европейской стороне Боспора Киммерийского чеканили свою монету в V в. до н. э. — Нимфей и Феодосия.

Монеты Нимфея весьма немногочисленны, они составляют всего одну серию серебра, имеющую во всех номиналах одинаковые типы. Лицевая сторона занята женской головой влево; волосы подхвачены сеткой или повязкой. На оборотной стороне — очень отчетливый вдавленный квадрат, внутри которого помещено изображение виноградной лозы с гроздью ви-

нограда и с одним или с двумя листьями; над лозой помещается надпись ΝΥΝ или ΝΥ¹ (табл. II, 20).

Значение женской головы на лицевой стороне нимфейских монет не совсем ясно. А. М. Подшивалов видел в ней голову Артемиды², П. О. Бурачков — Афродиты³, но оба эти предположения ни на чем не основаны. Гораздо более вероятна гипотеза Б. В. Кёне⁴, принятая затем Х. Х. Гилем⁵ и другими исследователями, что в женской голове нимфейских монет надо видеть изображение нимфы, от которой получил свое название сам Нимфей, но собственного имени которой мы не знаем. В таком случае это изображение является своего рода говорящим типом города.

Тот же Б. В. Кёне предположил также, что изображение виноградно-й лозы на оборотной стороне нимфейских монет является указанием на «богатство нимфеонской почвы в произрастании винограда»⁶. Если это действительно так, мы имеем еще один пример применения в боспорской монетной типологии мотивов, связанных с экономической жизнью страны, мотивов, известных нам по монетам Пантикапея (осетр, колос, плуг, может быть, бык), Фанагории и синдов (зерно, конь). Однако

¹ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XVIII, 10—11; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 6—8. Б. Хэд (Historia numorum, стр. 280) говорит об одной маленькой монетке с надписью ΝΥΜ, но подобных монет нам видеть не приходилось, и они нигде не издавались; вероятно Б. Хэд был введен в заблуждение плохим экземпляром монеты и принял виноградный лист за букву Μ. Надпись ΝΥΝ привела к ошибке первого издателя этих монет Рауха, который, не найдя ни одного названия греческого города, начинающегося с Νυ..., предположил, что буквы эти относятся к магистратскому имени, а самой нимфейской монете склонен был приписывать фракийское происхождение (Mitteilungen der numismatische Gesellschaft in Berlin, 1er Heft, 1846, стр. 17, табл. 1, 5). Но затем Пановка отнес ее к Нимфею в Крыму, и это предположение было принято без возражений всеми нумизматами (ср. Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 323; А. Podschivalow. Указ. соч., стр. 3; П. О. Бурачков. Указ. соч., стр. 133; Ch. Giel. Указ. соч., стр. 3; В. Heald. Historia numorum, стр. 238; A. Sallet. Указ. соч., стр. 8 и др.). Орфографическая замена Μ на Ν перед аспиратами в греческом языке довольно обычна. В эпиграфических памятниках встречаются постоянные примеры этому, в том числе и в именах собственных: Ἀνεστέρης Ἀνεστέρης и т. п. (Meisterhans, Grammatik der attischen Inschriften. Berlin, 1888, стр. 64, 88); известны также случаи и в боспорских надписях, ср. например, вувεδνς в стихотворной эпиграфике Никия и Анхала из Репчи (Ios PE, IV, 256).

² А. Podschivalow. Указ. соч., стр. 3—4.

³ П. О. Бурачков. Указ. соч., стр. 133.

⁴ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 324.

⁵ Ch. Giel. Указ. соч., стр. 3.

⁶ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 324. Этого мнения придерживаются В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство, стр. 103) и В. Д. Блаватский (Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 87).

¹ Ср. А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 74 и сл. №№ 61—63, 70—72, 79—80, 94—97, 103—104.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 167.

у нас не может быть уверенности в правильности гипотезы Б. В. Кёне. В греческой нумизматике имеется достаточное число примеров именно такого значения изображения на монетах виноградной кисти или лозы. Укажем хотя бы на подобные мотивы (в качестве самостоятельных монетных типов или в виде дополнительных эмблем) в монетном деле Маронеи, Аканфа, Менда, Наксоса, Пепарета, Тенедоса, Хиоса, Родоса, Книда и других центров. Но все эти местности или славились своими виноградниками и винами, или были известны как центры крупной торговли вином¹. В этих случаях в монетных типах действительно отражались черты экономической жизни этих государств.

С Нимфеем дело обстоит иначе. У нас нет пока никаких оснований считать, что в Нимфее в V в. до н. э. виноградарство было развито настолько значительно, что составляло существенную сторону экономической жизни города. Правда, на Боспоре открыты винодельческие комплексы и факт выделки здесь собственного вина в античную эпоху несомненен². Но этот промысел имел, по видимому, на Боспоре чисто местное значение и вряд ли мог быть очень заметным явлением в экономической жизни боспорских городов, по крайней мере, в раннюю эпоху, что хорошо иллюстрируется обилием на Боспоре привозной керамической тары из всех наиболее крупных греческих центров, импортировавших вино. Характерно также и то, что виноделие никак не отразилось в пантикапейской чеканке³, тогда как основные отрасли экономики Боспора — хлебопашество, рыбная ловля и скотоводство — получили ясное выражение в нумизматических памятниках. Раскопки самого Нимфея не дали до сих пор никаких свидетельств, подтверждающих раннее развитие здесь виноделия. Да и все то, что известно о виноделии на Боспоре, относится к гораздо более позднему времени, в рассматриваемую же эпоху виноградарство и виноделие либо совсем здесь отсутствовали, либо находились в зачаточном состоянии⁴. Поэтому объяснение по-

¹ Ср. Dagemberg-Saglio, *Vinum*, т. V, стр. 913 и сл.

² ВДИ, 1937, № 1, стр. 226 и сл.; 1940, № 3—4, стр. 304, 308 и сл.; МИА, № 4, стр. 114 и сл.; В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, стр. 102 и сл.; В. Д. Блаватский, *Земледелие*, ..., стр. 86 сл.

³ На монетах Пантикапея митридатовой эпохи встречаются изображения виноградной кисти, но эти изображения несомненно относятся к культу покровителя Митридата Диониса, голова которого помещена на тех же монетах, и, как многие другие монетные типы этого времени, обнаруживают ясную связь с самим Митридатом.

⁴ Самые ранние винодельни, открытые на Боспоре, относятся уже к III—II вв. до н. э. См. В. Ф. Гайдукевич, *Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекии*. ВДИ, 1947, № 3, стр. 194; его же, *Боспорское царство*, стр. 103 и сл. Правда, в Мирмекии были обнаружены виноградные косточки в слое V в. до н. э. (КСИИМК, VIII, стр. 118),

явления лозы в качестве реверсного типа нимфейских монет V в. до н. э. местными хозяйственными условиями представляется все же весьма гипотетичным. Возможно и другое объяснение этого типа, уже из области религиозных представлений. Лоза может свидетельствовать о почитании в Нимфее Диониса или может относиться к нимфе, голова которой украшает собой лицевую сторону тех же монет. В последнем случае изображение лозы на оборотной стороне в связи с головой нимфы на лицевой позволило бы высказать предположение о характере культа этой анонимной покровительницы города, поскольку примеры связи культа нимф с культами Диониса или Пана достаточно известны¹. К сожалению, у нас нет пока никаких данных для решения этого вопроса.

Монеты Нимфея отличаются хорошей выделкой, четкостью изображений, ясностью линии рисунка. По фактуре и стилю их нужно сопоставить с пантикапейскими монетами, носящими изображение головы барана на реверсе и морды льва впрямь на аверсе, причем скорее с первой серией этих монет, чем со второй (ср. табл. I, 11 и II, 20). Это позволяет датировать нимфейские монеты последней четвертью V в. до н. э. За эту же дату говорит и преобладание в нимфейском серебре мелких номиналов², находящее соответствие в пантикапейской чеканке V в. Пантикапейские монеты с головой барана на оборотной стороне дают, как увидим ниже, все те номиналы и почти того же веса, которые встречаются в нимфейской чеканке³. А. Н. Зограф привлекает для датировки нимфейских монет также небольшой клад, найденный в Эльтегене, где нимфейские монеты находились вместе с пантикапейским серебром второй половины V и начала IV в.⁴ Но то обстоятельство, что клад этот прошел через руки известного подделывателя древних монет Сазонова, не позволяет принимать его за неопровержимое доказательство⁵. Тем не менее датировка нимфейской чеканки последней четвертью V в. вряд ли может оспариваться. А. Л. Бертье-Делагард давал несколько более позднюю дату для этой чеканки — конец V — начало IV в. до н. э.⁶, но нам представляется, что помещать монеты Нимфея в IV в. никоим образом не следует: еще очень четко выраженный *quadratum incusum* на реверсе нимфейских монет,

но у нас нет оснований утверждать, что косточки эти принадлежат местному винограду, а не попали на Боспор из Средиземноморья, например, в изюме.

¹ Ср. P—W, RE, XXXIV, стр. 1573—74.

² А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 163.

³ См. Д. Б. Шелов, *Монетная система*, ..., МИА, № 19, стр. 131.

⁴ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 166.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард, *Материалы*, ..., стр. 91.

исчезающий уже у второй серии пантикапейских монет с головой барана, заставляет помещать монеты Нимфея никак не позже начала выпуска этой серии. Таким образом, приходится признать, что чеканка монеты с надписью ΝΥΝ длилась очень недолго — не более 20—25 лет. Малочисленность известных нимфейских монет вполне согласуется с таким выводом.

Увязка рассмотренной чеканки Нимфея с теми фактами из жизни города, которые нам известны, представляет значительные трудности. Основание Нимфея как греческого полиса относится не позднее чем к середине VI в. до н. э., а торговая фактория на месте Нимфея существовала, вероятно, еще ранее. Таким образом, Нимфей являлся одним из наиболее древних городских центров на Боспоре¹.

Раскопки показали, что уже в VI—V вв. до н. э. Нимфей был значительным городом, в котором были развиты торговля и ремесло. При таких обстоятельствах мы вправе были бы ожидать сравнительно раннего возникновения здесь чеканки монеты. Между тем известные нимфейские монеты относятся лишь к концу V в.²

¹ М. М. Худяк. Работы нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1939—1941 гг. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 124; е го же. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, стр. 233; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 174—175; В. Д. Блаватский. Архангелский Боспор. МИА, № 33, стр. 17, 25—26.

² Недавно В. Д. Блаватский (Архангелский Боспор, МИА, № 33, стр. 24 и сл.) выдвинул любопытную гипотезу, согласно которой известная нам по нумизматическим памятникам Аполлония Таврическая соответствует древнейшему Нимфею. Если бы это предположение оправдалось, мы могли бы датировать начало монетной чеканки в Нимфее еще первой половиной V в. до н. э. К сожалению, гипотеза В. Д. Блаватского пока не может быть подкреплена твердыми данными и остается лишь более или менее субъективной догадкой. Правда, в пользу этого предположения можно привести ряд фактов: во-первых, отсутствие ранних нимфейских монет, в то время как значение этого города в V в. казалось бы должно было предполагать раннее возникновение там чеканки; во-вторых, полное совпадение во времени прекращения аполлонийской чеканки и начала чеканки Нимфея; в-третьих, находка именно в Нимфее аполлонийских монет в составе уже упоминавшегося Эльтегенского клада. Однако нельзя не отметить, что имеются и соображения противоположного характера, затрудняющие принятие гипотезы В. Д. Блаватского. Прежде всего возникает вопрос: когда могло быть произведено переименование Аполлонии в Нимфей. Очевидно это могло иметь место лишь при захвате города афинянами (ср. там же, стр. 26); но согласно мнению большинства исследователей этот захват произошел еще в 40-х годах V в. во время периклийской экспедиции Перикла, прекращение же чеканки Аполлоний и начало нимфейской чеканки, судя по всему, должны относиться к несколько более позднему времени. Не совсем понятны и мотивы, которые могли побудить афинян произвести переименование города: название «Нимфей» вряд ли было ближе афинянам, чем старое наименование «Аполлония». Кроме того, в том случае, если бы такое переименование осуществилось, можно было бы ожидать возвращения к старому названию

Повидимому, сравнительно позднее начало чеканки собственной монеты в Нимфее может быть объяснено наличием вблизи этого города достаточно мощного пантикапейского монетного двора, снабжавшего своим серебром соседние поселения на берегах Киммерийского Боспора. Обращение ранних пантикапейских серебряных монет в Нимфее засвидетельствовано находкой их там в составе двух кладов¹.

Чеканка Нимфеем собственной монеты длилась очень недолго. Уже на рубеже V и IV вв. она внезапно обрывается, чтобы никогда больше не возобновиться. Это обстоятельство могло быть только следствием какой-нибудь катастрофы, военной или политической, прервавшей благоприятное развитие полиса. Следы этой катастрофы обнаружены при раскопках Нимфея. Здесь открыты развалины зданий V в. до н. э., на которых была затем, в начале IV в., выстроена новая оборонительная стена². Хотя город и был восстановлен, самостоятельная чеканка монеты в нем больше уже не возобновлялась. Поэтому кажется вполне вероятным предположение М. М. Худяка о том, что разрушение Нимфея произошло в момент его присоединения к Боспорскому государству³. М. М. Худяк полагает, что это присоединение имело место во время похода Левкона I на Феодосию, но гораздо вероятней представляется более ранняя датировка этого события. Поход Левкона на Феодосию должен быть датирован восьмидесятыми годами IV в., между тем самостоятельная чеканка Нимфея прекратилась, как мы видели, еще на грани V и IV вв. Кроме того, трудно предположить, что Сатир I, осаждавший Феодосию, мог бы миновать Нимфей: географическое расположение обоих этих пунктов естественно приводит к убеждению, что Нимфей был включен в состав Боспорского государства раньше, чем Феодосия. Поэтому вернее будет предположить, что присоединение Нимфея произошло либо во время первого похода Сатира против Феодосии, либо непосредственно перед этим походом.

Обстоятельства присоединения Нимфея к Боспорскому государству очень туманны, они связаны с вопросом о принадлежности Нимфея Афинам и о так называемой «измене Ги-

после перехода города в руки боспорских правителей, однако этого не случилось. Все эти соображения заставляют нас пока воздержаться от принятия гипотезы В. Д. Блаватского и попрежнему считать Аполлонию Боспорскую особым центром, локализация которого за недостатком данных остается делом будущего.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 163; В. М. Скуднова. Указ. соч.

² М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. ТОАМГЭ, I, 1945, стр. 165; КСИИМК, XIII, 1946, стр. 124; СА, XVI, стр. 240.

³ КСИИМК, XIII, стр. 124.

лона». Этот вопрос уже являлся предметом рассмотрения в специальной литературе. С. А. Жебелев в свое время пришел к отрицательному решению его, высказав мнение, что не только не существовало никакой «измены Гилона», но и что Нимфей никогда не принадлежал афинянам¹. Точка зрения С. А. Жебелева была принята Дилем в его статье в словаре Паули-Виссова² и встретила сочувственный прием во всей почти советской литературе³. Насколько нам известно, только К. Э. Гриневич решительно возражал против выводов С. А. Жебелева⁴. В последнее время наблюдается некоторый перелом во взглядах по этому вопросу: ряд исследователей, разделивших ранее точку зрения С. А. Жебелева, возвращается теперь к старому мнению. Пересмотрел свои взгляды В. Ф. Гайдукевич⁵, с решительными возражениями против гипотезы Жебелева выступил и Д. П. Каллистов⁶. Тем не менее предположение С. А. Жебелева до сих пор находит сторонников среди исследователей. Так, руководитель раскопок Нимфея М. М. Худяк в одной из последних статей присоединился к точке зрения С. А. Жебелева⁷. Особенно горячо отстаивает точку зрения С. А. Жебелева И. Б. Брашинский⁸. Он однако не может добавить к аргументации С. А. Жебелева чего-либо нового.

Здесь нет необходимости подробно рассматривать этот вопрос, достаточно разобранный в упомянутых статьях С. А. Жебелева и Д. П. Каллистова. Достаточно лишь несколько замечаний общего порядка.

Представляется, что выводы С. А. Жебелева должны быть решительно отвергнуты: они основаны на недоверии к источникам, с которыми невозможно согласиться. Если восстановление вновь открытого и опубликованного Меритом отрывка афинской надписи, на котором строит свое заключение Д. П. Каллистов, представляется весьма спорным⁹, то все же вызывает возражения самый гиперкритицизм, с которым Же-

белев подходит к толкованию античных авторов. Он отвергает совершенно ясное свидетельство Эсхина о том, что Нимфей в V в. принадлежал Афинам, а затем был передан Гилоном, дедам Демосфена, боспорским правителям¹, только на том основании, что верить Эсхину нельзя и что речи его тенденциозны. Не видя возможности примирить показания Эсхина и слова Демосфена относительно его, Демосфена, деда², С. А. Жебелев предполагает, что Эсхин выдумал и измену Гилона и сам факт владения Афин Нимфеем лишь бы очернить своего политического врага — Демосфена. Однако кажется невероятным, чтобы Эсхин мог говорить о Нимфее, как об афинском владении, если этого владения на самом деле никогда не было. Такая грубая ложь может быть и могла бы пройти незамеченной веком или двумя позже, когда интерес к Боспору в Афинах уже упал, но не в 30-х годах IV в., в период наиболее оживленных сношений с Боспором, когда о боспорских делах постоянно говорили и в курсе этих дел было большинство афинян. Великий оратор не мог не понимать, что такую грубую передержку сможет разоблачить почти любой из его слушателей. Действительно, показания Эсхина со свидетельством Демосфена полностью примирены быть не могут. Что Эсхин тенденциозен и в чем-то лжет, это сомнению не подлежит. Но, надо думать, он искажает факты, касающиеся личной судьбы Гилона, а не афинского владения Нимфеем³. Роль Гилона в переходе Нимфея из рук Афин в руки боспорских архонтов не ясна, но самый факт перехода представляется несомненным.

Судьба Гилона сама по себе не может нас занимать, она интересна только в том отношении, что проливает некоторый свет на обстоятельства, при которых произошла его «измена». Как могло случиться, что Гилон, совершивший, по словам Эсхина, акт государственной измены и приговоренный к смертной казни в порядке неангелии, тем не менее остался жив, сохранил афинское гражданство и оказался государственным должником? Как мог при таких условиях предоставить ему убежище и даже наградить его дружественный Афинам боспорский правитель Сатир? Наиболее возможным объяснением этих противоречий кажется следующее. Передача Гилоном Нимфея в руки боспорского архонта, вероятно, не рассматривалась в Афинах как государственная измена, в таком случае Гилон мог быть приговорен не к смертной казни, а к денежному штрафу, вследствие чего он и оказался государственным должником, но сохранил права афинского гражданства.

¹ С. А. Жебелев. Боспорские этюды. II, ИГАНМК, вып. 104, стр. 24—37 = СП, стр. 180—195.

² R-W. RE. XXXIV, 1601 (Nymphaion).

³ Б. Н. Граков. ВДИ, 1939, № 3, стр. 238; Д. П. Каллистов. ВДИ, 1940, № 1, стр. 170; В. Ф. Гайдукевич. СА, VII, 1941, стр. 10—11.

⁴ ВДИ, 1946, № 2, стр. 162 сл.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 176—177.

⁶ Д. П. Каллистов. Очерки..., стр. 206 и сл.; его же. Измена Гилона. ВДИ, 1950, № 1, стр. 27.

⁷ М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, стр. 233 и примеч. 4.

⁸ И. Б. Брашинский. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. ВДИ, 1955, № 2.

⁹ Там же, стр. 148—151.

¹ Aeschin. In Ctesiph., 171.

² Demosth. XXVIII, 2.

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 177.

Эсхин же, видимо, сознательно утрирует вину Гилона и представляет его государственным изменником: он нарочно не упоминает имени Сатира, а говорит о каких-то неопределенных «врагах» афинского государства, чтобы еще больше очернить деда своего политического противника. Снисходительность афинского суда к действиям Гилона и квалификация их не как измены, а как проступка, наказуемого денежным штрафом, могла вытекать из обстановки, в которой произошло присоединение Нимфея к Боспору. Это скорее всего могло случиться в самом конце Пелопоннесской войны, после 405 г., когда разгром афинского флота при Эгоспотамах лишил Афины всякой возможности удерживать за собой отдаленные владения. В этих условиях отпадение таких городов как Нимфей было неизбежным и захват Нимфея дружественным в общем Афинам боспорским архонтом мог рассматриваться в Афинах, как не особенно большое зло¹. В таком случае и Сатир мог принять и даже наградить услужившего ему Гилона, не рискуя вызвать ухудшение отношений с Афинами. Эти соображения заставляют датировать присоединение Нимфея к державе Спартокидов последними годами V в., что полностью соответствует тем нумизматическим и археологическим свидетельствам, о которых говорилось выше.

Конечно, во всем этом построении много гипотетичного и недоказуемого, но все же оно представляется более вероятным и больше согласуется со всеми нашими данными, чем предположение С. А. Жебелева.

Что касается принадлежности Нимфея афинянам, то прямых археологических свидетельств об этом мы не имеем², но некоторые косвенные данные привести все же можно. Большое количество аттической посуды V в.³, аттических терракот⁴, находимое при раскопках города, свидетельствует об очень оживленных и постоянных торговых связях Нимфея с Афинами именно в V в. до н. э. Данные просопографии говорят о наличии понийско-аттического элемента среди населения города еще в III в. до н. э.⁵ Очень интересна находка в Нимфее посвященной надписи с именем Гармония, позволяющая

утверждать, что этот афинский герой почитался здесь уже в первой половине V в.¹

Характер афинской опеки над Нимфеем нам совершенно неизвестен: была ли это колония, получившая автономию, или член афинского морского союза, или клерухия — приходится только гадать. Неизвестно также, когда Нимфей стал афинским владением: большинство исследователей считает, что это могло случиться во время экспедиции Перикла в Понт в 40-х годах V в. до н. э., хотя вышеупомянутая посвященная надпись Гармодию с ее шрифтом раннего V в. указывает как будто бы на афинское влияние и в более раннюю эпоху. Во всяком случае во второй половине V в. к моменту возникновения самостоятельной нимфейской чеканки Нимфей состоял уже в какой-то зависимости от Афин.

Вопрос о том, отразилось ли каким-нибудь образом аттическое влияние на самой нимфейской чеканке, безусловно, должен быть решен отрицательно. Нимфейские монеты ни по типам, ни по фактуре не напоминают современные им афинские нумизматические памятники, их технические и стилистические особенности связывают их с чеканкой Пантикапея и других боспорских центров. Особенно ясно выступает эта связь при рассмотрении весовой системы нимфейского серебра, о чем речь будет ниже, здесь же достаточно указать, что по всем признакам монеты Нимфея прочно входят в круг боспорских нумизматических памятников второй половины V в., свидетельствуя тем самым о том, что и Нимфей, несмотря на какую-то форму политической зависимости от Афин, в экономическом отношении тесно связан был с другими полисами на берегах Боспора Киммерийского.

Монетную чеканку Феодосии мы знаем очень плохо. До сих пор известно всего лишь несколько типов серебряных и медных монет этого города. Да и эти монеты имеются в очень незначительном числе экземпляров, почти каждая серия представлена всего несколькими монетами. Это очень затрудняет решение всех вопросов, связанных с феодосийской чеканкой, и не позволяет делать какие-нибудь окончательные выводы в этой области².

Только две серии феодосийских монет могут быть отнесены к периоду самостоятельного существования города до присоединения его к Боспорскому государству³. Первая из них вклю-

¹ Ср. мнения Реггот. *Revue historique*, IX, 1877, стр. 47 и В. В. Латышева, *Понтика*, стр. 74.

² М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. *СА*, XVI, стр. 233. *СГЭ*, I, 1940, стр. 23; *ТОАМГЭ*, I, 1945, стр. 157—158; *СА*, XVI, 1952, стр. 262, 266, 279.

³ ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 315—316; *СА*, XVI, стр. 261 и сл.

⁴ Е. Миннс. Указ. соч., стр. 560. В. В. Шкорпил предполагал, что встречающиеся в списке нимфейских граждан аттические имена принадлежат потомкам афинских колонистов времен Гилона. См. В. В. Шкорпил. Нимфей и первый список нимфейских граждан. *ЗООИД*, XX, 1897, стр. 27.

¹ *ИАК*, вып. 10, стр. 25—26; ср. Е. Миннс. Указ. соч., стр. 560.

² Ср. А. Н. Зограф. Аттические монеты, стр. 162—163.

³ А. Л. Бертье-Делагард ошибочно полагал, что вся чеканка Феодосии принадлежит уже IV в. до н. э. и относится ко времени пребывания Феодосии в составе Боспорского царства. А. Л. Бертье-Делагард. Монетные новости древних городов Тавриды. *ЗООИД*, XXX, 1912, стр. 52.

чают серебряные монеты одного номинала, имеющие на лицевой стороне изображение безбородой головы вправо, а на оборотной — голову быка вправо и надпись ΘΕΟΔΕΟ в углубленном квадрате (табл. II, 21)¹. Нет никаких данных для определения изображения на аверсе этих монет. Характерные атрибуты того или иного божества отсутствуют, а наличие на реверсе головы быка еще не дает достаточной точки опоры для попытки подобного определения². Фактура монеты, компоновка типа оборотной стороны в углубленном квадрате, известная схематизация изображения головы быка, расположение надписи вдоль обреза *quadrati incusi*, — все это сближает первое феодосийское серебро с первой серией пантикапейских монет с головой барана на реверсе и с монетами синдов и позволяет датировать феодосийские монеты временем, к которому относится и указанная пантикапейская серия, т. е. последней четвертью V в. до н. э.³

Следующей по времени серией феодосийских монет являются серебряные монеты, имеющие на лицевой стороне изображение Афины Паллады в круглом шлеме, а на реверсе — букраний, украшенный гирляндой, и надпись ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ⁴ (табл. II, 22). А. Н. Зограф датирует эту серию гранью IV и III вв. до н. э.⁵, однако ряд соображений заставляет отнести ее к гораздо более раннему времени, к рубежу V и IV вв. до н. э. Во-первых, изображение головы Афины на лицевой стороне этих монет по стилю очень близко к изображению безбородой головы на предыдущей серии феодосийских монет, и само по себе еще достаточно архаично. Во-вторых, фактура оборотной стороны разбираемых монет очень напоминает фактуру реверса второй серии пантикапейских монет с головой барана: углубленный квадрат, присутствующий на первой серии феодосийских монет, уже исчез, но все поле оборотной стороны получило значительную вогнутость. В-третьих, наличие в изучаемой серии очень мелкого номинала весом

0,25 г¹. предполагает отсутствие медной монеты в то время, когда эта серия находилась в обращении, и находит полную аналогию в чеканке Пантикапея и других боспорских городов конца V в. до н. э. Наконец, и это особенно важно, датировка наших монет временем более поздним, чем середина IV в. до н. э. необходимо предполагала бы двукратное изменение легенды феодосийских монет: ΘΕΟΔΕΟ — ΘΕΟΔΟ, (на медных монетах середины IV в. до н. э.) и опять ΘΕΟΔΕΩ. Сопоставление всех указанных фактов позволяет признать феодосийские монеты с головой Афины и букранием современными второй серии пантикапейских монет с головой барана и датировать их последним десятилетием V в. или самыми первыми годами IV в. Таким образом, эта серия по времени совпадает с последними годами независимости Феодосии перед завоеванием ее Левконом.

Изображение на феодосийских монетах головы Афины-Паллады интересно в том отношении, что оно указывает, вероятно, на какое-то воздействие афинской монетной типологии. Не только боспорской нумизматике вплоть до II в. до н. э. совершенно чужды изображения Афины или ее атрибутов, но и самый культ Афины на Боспоре не был распространен. Следует также отметить, что исследователь истории Феодосии Э. Р. Штерн особенно подчеркивает преобладание аттической керамики среди находок из Феодосии именно того периода, к которому относятся только что рассмотренные феодосийские монеты с головой Афины-Паллады на аверсе, т. е. конца V — начала IV вв. до н. э.² Можно думать, что Феодосия в это время входила в орбиту влияния Афин.

Обращает на себя внимание форма легенды ранних монет Феодосии. Надпись ΘΕΟΔΕΟ или ΘΕΟΔΕΩ не может быть образована от названия города *Θεοδοσία* (*Θεοδοσία*). Более поздние монеты Феодосии, чеканенные в IV и III вв. до н. э., имеют легенду ΘΕΟΔΟ или ΘΕΥΔΟ, хорошо согласующуюся с переданным нам письменными источниками названием Феодосии. Еще Б. В. Кёне высказал предположение³, принятое затем Э. Минном⁴, что первоначальное имя города было *Θεοδῆς* или *Θεοδῆς*, затем оно было заменено Левконом I, близким по звучанию именем *Θεοδοσία*. Б. В. Кёне опирается при этом на свидетельство схоласта Ульпиана по поводу речи

¹ Х. Х. Гиль. ЗРАО, V, табл. IV, 14; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 2.

² Предположение А. Л. Бертье-Делагарда о том, что эта голова принадлежит Гераклу (ЗООИД, XXX, стр. 52, Нум. сб., II, стр. 72, № 53) совершенно гипотетично и имеет своим основанием лишь тот факт, что изображение этого героя присутствует на более поздней феодосийской меди.

³ Ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 162.

⁴ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XVIII, 1; Х. Х. Гиль. ЗРАО, V, табл. IV, 17; E. Minns. Указ. соч., табл. IX, 4; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 1. Опубликованная в книге В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», табл. I, 24 точно такая же монета, но с бородатой головой на аверсе, является подделкой.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 162.

¹ Одна такая монета есть в собрании ГИМ; ср. П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XVIII, 2, где она неправильно указана как медная; ср. также E. Minns. Указ. соч., стр. 559.

² Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, стр. 5, 11, 33.

³ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 271, примеч. 2, стр. 276.

⁴ E. Minns. Указ. соч., стр. 555.

Демосфена против Лептина, который сообщает, что название «Феодосия» было дано городу Левконом I в честь его жены или сестры¹. А. Н. Зограф сомневался в правильности этого предположения, так как согласно его датировке монеты Феодосии с букранием и надписью ΘΕΟΔΕΩ принадлежат уже времени после присоединения города к Боспору². Датировка этих монет гранью V и IV вв. устраняет это затруднение. Во всяком случае гипотеза Б. В. Кёне заслуживает внимания, так как она более всего согласуется и с сообщением Ульпиана и с нумизматическими данными.

На второй серии серебряных монет феодосийская чеканка прерывается. Это происходит, как мы видели, в первой четверти IV в. до н. э. Можно думать, что прекращение чеканки явилось следствием завоевания Феодосии боспорскими правителями; аналогичное явление имело место в соседнем Нимфее. К сожалению нам неизвестно время присоединения Феодосии к державе Спартокидов, но некоторые косвенные данные говорят за то, что Феодосия утеряла свою самостоятельность еще в первые годы правления Левкона I³. Последующая чеканка Феодосии в середине IV в. и третьей четверти III в. до н. э. проводилась уже в рамках Боспорского государства; она, повидимому, была связана, как нам уже приходилось говорить, с повторными попытками Феодосии отложиться от этого государства и при помощи Гераклеи Понтийской вновь обрести утраченную при Левконе I самостоятельность⁴. К рассмотрению этой более поздней феодосийской чеканки придется вернуться ниже в связи с разбором истории монетного дела на Боспоре в IV и III вв. до н. э.

Ввиду значительного и довольно раннего развития городов азиатского Боспора (Гермонасса, Фанагория), мы вправе были бы ожидать и раннее возникновение монетной чеканки в этих городах. Однако выпуск монеты в них начался сравнительно поздно и продолжался очень недолго. Из греческих центров этой части Боспора только одна Фанагория выпускает свою серебряную монету на рубеже V и IV вв. до н. э. Зато таманская сторона Боспора дала в области нумизматики другое в высшей степени любопытное явление: самостоятельную монетную чеканку уже в V в. до н. э. одного из местных племен Северного Причерноморья — синдов. Существование у синдов собственной монетной чеканки свидетельствует

о весьма значительной степени экономического и социального развития их уже в эту раннюю эпоху. Синдская монетная чеканка является существенным показателем при оценке уровня развития северочерноморских народов в момент возникновения и в первые века существования античных государств на северном берегу Понта Евксинского. Наличие высокоорганизованной денежной системы убеждает нас в том, что синды уже к концу V в. достигли высокой ступени общественного развития — перехода к классовому обществу. Повидимому, у них уже возникли элементы собственной государственности. То обстоятельство, что этот переход совершается в условиях воздействия экономики и культуры греческих боспорских городов на экономику и культуру синдо-меотских племен, дела не меняет, так как предыдущее социально-экономическое развитие самой Синдики должно было быть достаточным для осуществления этого перехода.

Невозможно согласиться с Д. П. Каллистовым, который пытается отрицать существование собственной чеканки синдов в конце V в., ссылаясь на то, что синдские монеты «являлись по своему типу чисто греческими» и «были выпущены одним из греческих городов»¹. Первое замечание Д. П. Каллистова, хотя и правильно по существу, еще ничего не доказывает, так как греческий характер типологии лишь свидетельствует о значительной эллинизации синдов, а отнюдь не о том, что синды не могли чеканить эту монету. Второе его замечание ошибочно: синдские монеты были выпущены, вероятно, в одном из греческих городов, а не «одним из греческих городов», что далеко не одно и то же. Так, монеты скифского царя Фарзоя чеканились на монетном дворе Ольвии, но они не стали от этого ольвийскими монетами. Надпись ΣΙΝΔΩΝ на синдских монетах свидетельствует о том, что они выпускались от имени синдов, которые предприняли выпуск монеты, используя для этого монетный двор одного из греческих городов Боспора (скорее всего Фанагории). Предположение Д. П. Каллистова о том, что монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ выпускались боспорскими властями с какими-то политическими целями², не имеет решительно никаких оснований и должно быть отвергнуто.

В типологическом отношении все синдские монеты могут быть разделены на три серии (табл. II, 23—25): 1. голова Геракла — голова коня; 2. грифон и зерно — голова коня; 3. Геракл, опустившийся на одно колено — сова. Большинство этих типологических сюжетов имеет свои прототипы в нумизматике

¹ Schol. Ulp. a. Demosth. c. Lept., XX, 33.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 163.

³ Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3, стр. 171.

⁴ Там же.

¹ Д. П. Каллистов. Очерки..., стр. 150—153.

² Там же, стр. 152.

других центров. Так, голова Геракла на синдских монетах восходит, возможно, к изображению этого героя на гераклейском серебре последней четверти V в., фигура колесопреклощенного воина-Геракла — к одному из типов кизикских статов, Изображение совы явно повторяет тип афинских тригемисов второй половины V в. Изображения головы коня и пшеничного зерна являются совершенно оригинальными, но в трактовке этих сюжетов синдские монетарии следуют обычным стилистическим нормам монетного дела своего времени¹.

¹ Вопросам типологии синдских монет была посвящена наша особая заметка (Д. Б. Шелов. Монеты синдов. КСИИМК, XXX, 1949), в которой, вслед за А. В. Орешниковым, А. Н. Зографом и другими исследователями, рассматривается происхождение и значение типов синдских монет. В. П. Шидлов выступил со специальной статьей (В. П. Шидлов. Синдские монеты. СА, XV, 1951) с возражениями против наших положений и против взглядов, высказанных ранее в науке по этому вопросу. Основные выводы В. П. Шидлова сводятся к следующему: 1) ни один из типов синдских монет не является подражательным — все они вполне оригинальны; 2) в типологии синдских монет ярко проявляется смешение местных и греческих элементов; 3) Синдика не испытала значительного греческого влияния и не является районом более эллинизованным, чем другие местности Боспора. По нашему убеждению, согласиться с аргументацией и выводами В. П. Шидлова невозможно уже потому, что они построены на неверных методических основах. Отказываясь от сопоставления конкретных нумизматических памятников, он стремится растворить их в массе сюжетных аналогий, взятых из разных областей и из различных временных периодов; особенно заметно это при рассмотрении им происхождения типов совы и грифона на синдских монетах. Более твердая почва у него под ногами при анализе типа головы Геракла, гераклейское происхождение которого далеко не бесспорно: но ведь ни в работе А. Н. Зографа, ни в нашей заметке категорически и не утверждается гераклейское происхождение этого типа, а лишь высказывается предположение в этом смысле. Другой ошибкой В. П. Шидлова является его стремление видеть «местное», т. е. негреческое, во всем, что не заимствовано прямо из других греческих центров. Так, он изображает против нашего тезиса то, что лошади на синдских монетах трактованы совершенно в духе развитого греческого искусства; при этом он ссылается на аналогии этим изображениям в таких пафосах Северного Причерноморья, как Кульбеская гривна или Чертомделаны мастером-греком и тоже «в эллисском духе», ведь в них нет черт, в которых можно было бы уловить какое-либо влияние местных, негреческих, чуждых греческому искусству художественных традиций. То же следует сказать и об изображении на синдских монетах грифона. Ничего нового придает такое значение В. П. Шидлов; такие сопоставления фигуры животного с дополнительной эмблемой обычны для монетной типологии очень многих античных центров. В этом смысле и приходится говорить об отсутствии в синдской монетной типологии местной художественной раскраски, проводимые в последние годы на ее территории археологические ИИМК, полностью подтверждают представление об очень раннем и сильном, чем это имело место на европейской стороне Боспора.

Две последние эмблемы синдских монет представляют особый интерес для изучения экономической жизни Боспора, так как они, очевидно, связаны именно с основами экономического благополучия страны. Уже А. Н. Зограф приписал появление изображения головы коня на синдских монетах местным условиям Синдики¹. Что коневодство было широко распространено в Синдике, как и на Боспоре вообще, не позволяют сомневаться и имеющиеся уже в нашем распоряжении археологические данные. В пантикапейской нумизматике изображение лошадиной головы, а затем — и целой фигуры коня встречается на меди и серебре, начиная с IV в. до н. э. Вряд ли могут быть сомнения и в том, что зерно на синдских монетах символизирует собой развитие земледельческой культуры в Синдике, также засвидетельствованное археологическими находками. В том же значении изображение зерна появляется несколько позднее и на фанаторийских монетах. На монетах Пантикапея IV—II вв. до н. э. встречается изображение хлебного колоса; особенно показательно присутствие его на золотых статерах IV в., рассчитанных главным образом на внешнее обращение. Голова коня и пшеничное зерно на синдских монетах последней четверти V в. являются первыми по времени примерами применения на Боспоре в качестве монетных типов предметов, символизирующих экономическое благодеяние страны.

Вся чеканка синдов должна быть датирована примерно одним временем, о чем убедительно говорят стилистические и технические признаки в равной степени присущие всем синдским монетам. Повидимому, монеты различных типов выпускались более или менее одновременно или последовательно в течение небольшого промежутка времени. Все исследователи датируют эту чеканку концом V в. до н. э.² Сравнение синдских монет с монетами Пантикапея заставляет предполагать, что выпуск их осуществлялся в последней четверти V в., до конца столетия. Такая датировка согласуется и с указанными выше типологическими заимствованиями — монеты, послужившие сюжетными образцами для синдских монетариев, имели хождение в последней трети V в.

Рассмотрение синдской чеканки ставит перед нами ряд вопросов, связанных с положением Синдики в этот начальный

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 168.

² А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 94; Е. Мипс. Указ. соч., стр. 632; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 168. Только В. В. Шкорнид пытался отнести синдскую чеканку ко второй четверти IV в. на том основании, что в это время Синдика переживала эпоху расцвета (ИАК, вып. 63, стр. 110); однако датировка его строится лишь на общих соображениях и опровергается анализом самих синдских монет. В период подчинения Боспору синды своей монеты, безусловно, не чеканили.

период истории Боспора. К сожалению, ответы на эти вопросы в большинстве случаев оказываются довольно гадательными ввиду крайней скудости наших источников. Повидимому, к тому времени, когда имела место синдская чеканка, относятся правление синдского царя Гекатея, о котором сообщает нам Полиен¹. Гекатей был современником Сатира I, пользовался его покровительством и даже породнился с ним².

Возникновение в Синдике собственной чеканки и существование синдской царской династии во времена Сатира I предполагается, что в этот период Синдика еще не была окончательно включена в состав Боспорского государства, хотя, как это явствует из рассказа Полиена, синдские династии находились в зависимости от Спартокидов и в трудные моменты прибегали к их помощи и покровительству. Эта зависимость Синдики от экономически и политически более мощного Боспорского государства, вероятно, подготовила включение ее в состав Боспора при Левконе I. Отмеченная выше близость синдских монет к современному им пантикапейскому серебру в области стили, техники и композиции является скорее всего результатом влияния пантикапейской чеканки на синдскую. Однако нам представляется совершенно невозможным говорить о включении Синдики в состав державы Спартокидов уже в это время, как это делает Д. П. Каллистов, и считать Гекатея, оказавший ему Сатиром, греческим наместником на синдской территории³. Из текста Полиена явно следует, что Гекатей был местным царьком, скорее всего, синдского происхождения, хотя и носил греческое имя. Сатир оказывал ему поддержку, вероятно, ради усиления своего влияния на азиатской стороне пролива⁴.

¹ Polyæn. Strategem., VIII, 55.

² О датировке правления Гекатея см. В. В. Латышев, ПОНТИКА, стр. 75; ср. С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 17 = СП, стр. 171; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 59. Особого мнения о времени Гекатея держится М. И. Ростовцев, помещающий его правление в III в. до н. э. (М. И. Ростовцев, Помещающий Тиргатао. ЗООИД, XXXII, 1915, стр. 66 сл.). Однако доводы его нельзя считать убедительными. Он исходит из того, что Синдика имела свою собственную династию «во все время существования Спартокидов». Это допущение не только совершенно беспочвено, но и противоречит известным нам фактам, в частности титулатуре боспорских Спартокидов и дан-стр. 17, примеч. 4 = СП, стр. 171, примеч. 8.

³ Д. П. Каллистов, Очерки..., стр. 152—153.

⁴ Нельзя согласиться с точкой зрения В. П. Шилова, согласно которой «в 438 г. до н. э. синды заняли руководящее положение в Боспорском государстве» (В. П. Шолов. Указ. соч., стр. 214—215). Тот факт, что династия Спартокидов имела какие-то местные корни, может быть даже синдские, еще отнюдь не определяет места синдов в государстве

Изучение типологии синдских монет приводит к убеждению, что вся чеканка синдов по характеру своему является чисто греческой. В этой чеканке совершенно не обнаруживается того «синкретизма двух культур», о котором говорит В. П. Шолов¹ и который столь характерен для различных сторон культурной жизни Боспора. Даже если не признавать сужетного заимствования некоторых типов синдских монет из нумизматики других центров, то все же ни в одном из них нельзя обнаружить влияния каких-нибудь культурных или художественных традиций, связанных с местным, негреческим населением страны. Слово «местный» можно применять к этой чеканке лишь в географическом, но не в этническом смысле (смешение этих двух понятий и привело к ошибке В. П. Шилова, который из стилистического и технического единства синдских и пантикапейских монет и из факта употребления синдскими монетариями оригинальных композиций (грифон и зерно) и оригинальных типов (конь), делает незакономерный вывод о синкретизме двух культур). Это тем более удивительно, что в нумизматике античных городов Северного Причерноморья неоднократно встречаются монетные типы, связанные с местными, негреческими по происхождению, хотя и эллинизованными, культовыми представлениями. Таковы, например, изображения сатириподобного божества и львиноголового грифона на монетах Пантикапея², изображение богини Девы на монетах Херсонеса³ и др. Указанная особенность синдской чеканки свидетельствует об очень сильной степени эллинизации Синдики, более сильной, чем в других районах Северного Причерноморья. Значительная эллинизация Синдики неоднократно отмечалась в исторической литературе. Она проявлялась и в присвоении синдской знатью типично греческих имен уже в очень раннее время⁴, и в распространении греческих имен в Синдике вообще⁵, и в участии коренного насе-

вообще. Тезис В. П. Шилова о «руководящем положении» синдов в Боспорском государстве противоречит тут же высказанному им совершенно правильному утверждению о существовании у синдов в это время собственного государства. Надо полагать, что независимо от происхождения Спартокидов, синды явились для них таким же объектом агрессивной политики, как и другие меотские племена; при Левконе I эта политика увенчалась присоединением Синдики к державе Спартокидов.

¹ В. П. Шолов. Указ. соч., стр. 125.

² Д. Б. Шолов. К вопросу о взаимодействии местных и греческих культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, XXXIV.

³ А. В. Орешников. Херсонес, божество Херсонеса Таврического. ИАК, вып. 65; А. Н. Зограф. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики. ИРАИМК, т. II.

⁴ М. И. Ростовцев. ЗООИД, XXXII, стр. 65, 67, примеч. 6; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 59.

⁵ ВДИ, 1946, № 3, стр. 208; С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 44—45.

ления страны в таких чисто эллинских мероприятиях как горгиппийские агоны¹ и в чисто греческом характере большинства погребений, вскрытых на территории Синдики², и в распространении привозных изделий в быту местного населения, насколько это выясняется раскопками поселений.

В последние годы экспедицией ИИМК под руководством В. Д. Блаватского проведено обследование ряда мелких поселений на территории Синдики. Раскопки показали, что многие из этих поселений возникли еще в допартокидовское время и существовали в течение всего античного времени. Характерной особенностью этих поселений, особенно в раннее время, является подавляющее преобладание импортной керамики среди находок и очень незначительное количество посуды местных форм. Позднее, когда налаживается ремесленное производство керамики на месте, формы местных керамических изделий оказываются в большинстве своем совершенно идентичными формам привозной посуды³. Особенно показательно это явление в отношении тех селищ, которые расположены в глубинной части Таманского полуострова и, следовательно, должны быть приписаны синдскому населению. Эта картина очень значительной эллинизации быта местного населения, проявляющейся в характере керамического материала, резко контрастирует с теми явлениями, которые мы наблюдаем на европейской стороне пролива, где процент фрагментов керамики местных форм и пегреческой техники среди находок всегда значительно выше. Греческий облик синдских монет хорошо согласуется с указанными фактами, характеризующими культуру Синдики V в. до н. э.

Наличие в нумизматике синдов типологических заимствований с монет других центров позволяет поставить вопрос об отношении между Синдикой и этими центрами. Об этом нам приходилось уже говорить в указанной выше статье⁴. К сожалению, в этом отношении мы можем строить лишь более или менее правдоподобные гипотезы, доказать или хотя бы под-

¹ В. В. Латышев. ПОНТИКА, стр. 244—258. В. В. Латышев вероятно ошибочно считает всех упомянутых в горгиппийском каталоге носителей греческих имен эллинами. Можно думать, что значительная часть этих имен принадлежала эллинизированным синдам или скифам, за что говорят такие сочетания, как *Σινδός Ἀριστοτριών* или *Ἀριστοτριῶς Σινδός*.

² М. И. Ростовцев. ЗООИД, XXXII, стр. 65; Скифия и Боспор, стр. 370 сл.

³ См. В. Д. Блаватский. Первый год работы Синдской экспедиции. КСИИМК, XLVIII; его же. Второй год работы Синдской экспедиции. КСИИМК, вып. 51; его же. Третий год работ в Синдике. КСИИМК, вып. 58; Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, вып. 51; его же. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. КСИИМК, вып. 58.

⁴ Д. Б. Шелов. Монеты синдов. КСИИМК, XXX, стр. 111 и сл.

твердить которые каким-нибудь иным материалом чрезвычайно трудно¹. Неясны для нас и причины прекращения выпуска синдского серебра. А. Н. Зограф высказал предположение, что оно было связано с вхождением Синдики в состав Боспорского государства². Однако хронологически увязать два эти события затруднительно. Насколько позволяет судить титулатура Спартокидов, присоединение Синдики к Боспорскому государству произошло уже при Левконе I, после того, как этот правитель овладел Феодосией, примерно в конце 80-х годов IV в. до н. э.³ Чеканка же синдов, как мы видим, прекратилась, по крайней мере, на два десятилетия раньше — в конце V в. Таким образом, не присоединение к Боспору прервало хорошо налаженную синдскую чеканку. Может быть, прекращение выпуска монеты синдами было связано с началом чеканки фанагорийской монеты. В этой связи заслуживает внимания предположение А. Н. Зографа о том, что и монеты синдов чеканились на фанагорийском монетном дворе⁴.

Наиболее ранние, известные нам, монеты Фанагория должны быть датированы началом IV в. до н. э. Все они составляют одну серию серебра. На лицевой стороне их помещена безбородая или реже бородатая голова с длинными волосами; обычно она изображается в остроконечном пилосе, иногда украшенном лавровым венком, но на самых мелких монетах пилос отсутствует. На оборотной стороне находится изображение бодающего быка влево или передней половины бодающего быка или, наконец, бычьей головы. Типы эти явно заимствованы из гераклеиско-херсонесской нумизматики. В качестве добавочной эмблемы всегда присутствует изображение хлебного зерна; на мельчайших монетах это зерно является единственным типом реверса; надпись на этих монетах *ΦΑΝΑ* или *ΦΑ*. Углубленный квадрат на реверсе фанагорийских монет отсутствует, что заставляет считать их более поздними, чем синдские; но тип оборотной стороны на них все еще расположен в круглой, очень глубокой вдавленности⁵ (табл. II, 26—28).

Значение головы, изображенной на лицевой стороне фанагорийских монет, определялось исследователями различно.

¹ Ср., например, возражения В. П. Шилова. Указ. соч.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 169.

³ *IosPE*, II, 6; С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 17—СП, стр. 171; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 59—60.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 169.

⁵ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXIII, 2, 4, 5; А. Родschivalow. Указ. соч., табл. I, 16; X. Х. Гиль. ЗРАО, VII, табл. XIX, 53—54; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX, 43—45; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, табл. I, 12—15.

Высказанное Г. Кёлером мнение, что здесь изображена голова Нептуна¹, было быстро отвергнуто, и в нумизматической литературе получило преобладание другое предположение, выдвинутое тем же Г. Кёлером², что голова на фанагорийских монетах принадлежит основателю и ктису Фанагории — Фанагору³. Эта точка зрения широко распространена и в настоящее время⁴. Однако еще в начале текущего столетия Г. Фрице в своей работе об изображениях кабиров на монетах дал новое определение этого типа⁵. Изображение на фанагорийских монетах он считал головой кабира, принимая во внимание двойственный характер этой головы, то бородатой, то безбородой. Кабира же видит в этих изображениях Б. Хэд⁶ и к такому же толкованию типов фанагорийских монет склоняется А. Н. Зограф⁷. Некоторым косвенным свидетельством в пользу этого мнения может быть открытие в Нимфее святилища кабиров, которое подтверждает распространение этого культа на Боспоре V в. до н. э.⁸

А. Н. Зограф датирует фанагорийские монеты первой половиной IV в. до н. э., точнее концом первой четверти этого столетия⁹, ссылаясь при этом на их фактуру и на аналогии с монетами Херсонеса. Нам, однако, представляется возможным датировать их немного более ранним временем — рубежом V и IV в. и первым десятилетием IV в. до н. э. Такую датировку подсказывает сравнение фанагорийских монет со второй серией раннего пантикапейского серебра с головой барана на реверсе. Технические и стилистические особенности обеих этих групп монет настолько близки, что нельзя сомневаться в их хронологической близости. Если фанагорийская чеканка и не одновременно выпуску этой серии пантикапейских монет, то она во всяком случае должна непосредственно за ней следовать и не может быть моложе первой серии пантикапейского серебра с изображением головы Сатира, где вдавленность оборотной стороны сохраняется уже в очень слабой степени.

Такой датировке на первый взгляд противоречит сравнение фанагорийских монет с монетами Херсонеса, которые, воспродвигая тот же тип бодающего быка, относятся к несколько более позднему времени — к концу первой и ко второй четверти IV в.¹. Но нет никакой необходимости связывать фанагорийскую чеканку с херсонесскими монетами. Общность типов свидетельствует здесь не о воздействии херсонесского монетного дела на фанагорийское, а об общем источнике типологического сюжета. Сравнение фанагорийских монет с херсонесскими, с одной стороны, и с гераклейскими — с другой, ясно показывает, что фанагорийцы заимствовали свои типы непосредственно из Гераклеи, а не через Херсонес. Некоторые типы гераклейских монет не только подобны, но тождественны фанагорийским с той только разницей, что надпись на них не $\Phi\Lambda\Lambda\Lambda$, а $\Pi\Lambda\Lambda\Lambda$ и добавочной эмблемой служит не зерно, а полумесяц². Между тем в херсонесской типологии мы не находим ни добавочных эмблем позади протома быка, ни подобного расположения надписи, да и в номиналах нет никакого соответствия, поскольку в Херсонесе с типом бодающего быка чеканятся только более крупные монеты; гераклейские же и фанагорийские монеты с одинаковыми типами совершенно совпадают, если не точно по номиналам, то по размеру монетного поля.

Точной датировки гераклейских монет этого времени, к сожалению, нет: издателями они относятся вообще к I половине IV в. до н. э.³, но ничто не противоречит предположению, что наиболее ранние из них относятся к самому началу IV в. Вероятно, тогда же их типы и были заимствованы фанагорийскими монетариями. Каковы были основания для такого заимствования — сказать невозможно. По аналогии с феодосийской чеканкой можно было бы предположить, что гераклейские типы свидетельствуют о сепаратистских тенденциях в Фанагории по отношению к Боспору⁴. Но дальше предположений в этом вопросе мы идти не можем ввиду отсутствия конкретных исторических свидетельств и вынуждены ограничиться лишь констатацией вышеуказанных нумизматических фактов. Можно надеяться, что дальнейшее накопление материала, прежде всего археологического, позволит в будущем с большей уверенностью говорить о различных сторонах экономической и политической жизни Боспора времени первых Спартокидов.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 146, табл. XXXV, 4—6.
² Ср. E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. Paris, 1908, I, 2, табл. LV, 8, 9.
³ Там же, стр. 346.
⁴ Ср. Н. С. Белова. Политическое положение боспорских городов в IV в. до н. э. Автореферат диссертации. М.—Л., 1954, стр. 9.

¹ Koehler. Serapis. II, стр. 121.

² Koehler. Mémoire sur quatre médailles du Bosphore, SPb. 1808, стр. 11.

³ Б. Кёне, Указ. соч., I, стр. 404; A. Podschiewow. Указ. соч., стр. 7; E. Minns. Указ. соч., стр. 620.

⁴ Ср. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 582.

⁵ H. Fritze. Biryus und die Kabiren auf Münzen. Z. f. N., 1904, стр. 114.

⁶ B. V. Head. Historia numorum, стр. 494.

⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 170.

⁸ М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 81 и сл.

⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 164—170.

2. Весовая система монетной чеканки боспорских городов

Если мы попытаемся теперь сопоставить раннюю чеканку автономных городов, расположенных по берегам Боспора Киммерийского и вошедших впоследствии в состав Боспорского государства, мы сразу же столкнемся с фактом явного и постоянного преобладания в этой области одного города — Пантикапея. Только он чеканил монету непрерывно с середины VI в. до н. э. Выпуск монеты каждым из второстепенных городов Боспора продолжался очень недолго. Только Мирмекий и Аполлония, раньше других городов (за исключением Пантикапея, конечно) начавшие чеканку, выпускали свою монету в течение довольно продолжительного времени (Мирмекий — более полу столетия, Аполлония — немногим меньше). Чеканка синдов, Нимфея, Феодосии продолжалась не более четверти века, выпуск монеты Фанагорией — еще меньше. Разнообразие типов и номиналов в чеканке этих городов тоже очень невелико. Наиболее многочисленные из автономных монет — синдские — представлены всего четырьмя сериями, включающими в себя пять или шесть номиналов, монеты Нимфея все составляют одну серию с тремя номиналами, монеты Феодосии — две серии с четырьмя номиналами и т. д. Количество известных нам экземпляров монет каждого номинала и серии, по которому мы можем в какой-то мере судить об интенсивности чеканки, тоже крайне мало. Обычно однотипные монеты одного номинала исчисляются единицами и лишь в очень редких случаях количество их достигает двух-трех десятков¹. Особенно плохо представлены в находках монеты Феодосии, которых известно всего восемь.

Эта малочисленность монет второстепенных боспорских центров, а также то обстоятельство, что большинство этих центров начало чеканить монету сравнительно поздно (в конце V в. до н. э.), тогда как сами эти города возникли не позднее середины VI в., заставляет предполагать, что местные рынки в значительной степени использовали для своих нужд пантикапейское серебро. Для доказательства этой мысли была бы чрезвычайно важна регистрация условий находок раннего боспорского серебра, особенно находок пантикапейских монет VI—V вв. вне территории боспорской столицы. Такая регистрация позволила бы проследить распространение ранних боспорских серебряных монет и установить степень проникновения монет одних боспорских полисов на территории других. Находящиеся в наших собраниях монеты не сопровождаются сведениями об условиях и месте их находки, единственным указанием во всей старой литературе является

перечисление К. К. Герцем находок древнейших монет на Таманском городище, т. е. на территории древней Гермонассы. Здесь были найдены ранние монеты Пантикапея, Фанагории, синдов¹. Однако этому свидетельству нельзя вполне доверять, так как оно основывается на словах известного поддельателя древних монет Сазонова, и, по крайней мере, две из десяти изображенных у К. К. Герца монет являются фальшивыми.

И все же у нас есть некоторые данные, проливающие свет на этот вопрос. Мы имеем в виду находку двух кладов ранних серебряных монет в Нимфее. Один из этих кладов, опубликованный В. М. Скудной², найден при археологических раскопках и благодаря этому дает нам совершенно бесспорное доказательство обращения пантикапейской монеты VI—V вв. на нимфейском рынке. Не менее любопытен и второй клад, найденный в 70-х годах XIX в. в Эльтегене (ныне Героевка), т. е. в том же Нимфее. Он содержал, судя по сообщению Е. Е. Люценко, пантикапейские монеты второй половины V—самого начала IV в., т. е. уже того времени, когда в самом Нимфее монета чеканилась. Кроме пантикапейских в кладе были найдены монеты аполлонийские, нимфейские и мирмекийские³. К сожалению, эльтегенский клад прошел через руки того же Сазонова и поэтому нет абсолютной уверенности в его составе. Вышеприведенные факты не могут дать ясной картины распространения раннего пантикапейского серебра, но все же служат доводами в пользу предположения, что пантикапейское серебро уже в VI—V вв. являлось платежным средством не только в Пантикапее, но и в других полисах Боспора. Явление это, как увидим ниже, отнюдь не было случайностью, а обуславливалось рядом экономических причин.

Типология ранних серебряных монет боспорских городов представляет довольно пеструю картину. Пантикапейские монеты, как уже говорилось, следуют в этот период ионийским образцам и носят на лицевой стороне неизменный тип львиной головы; аполлонийские монеты заимствуют тот же мотив, что вполне естественно, поскольку он связан с почитанием Аполлона. Мирмекийское серебро украшается изображением муравья (*myrmex*), напоминающего о названии города, — это один из ранних случаев употребления «говорящего типа» — *arme parlante*. В чеканке синдов и Фанагории встречается

¹ К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 44—46; ср. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 281.

² В. М. Скудная. Указ. соч., стр. 78—79.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 163, 165, 166.

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 72 и сл.

займствование типов чужих монет — из нумизматики Гераклеи Понтийской, Кизика, Афин, но имеются и местные мотивы, отражающие специфические условия хозяйственной жизни азиатского Боспора — голова коня, зерно. Такое же значение имеет изображение осетра на последней серии раннего пантикапейского серебра. Некоторые монетные сюжеты были связаны с развитием тех или иных культов на Боспоре: типы нимфейских монет, голова барана на реверсе пантикапейского серебра той же последней серии. Несмотря на разнообразие типологических сюжетов, применяемых в чеканке боспорских городов V в. до н. э., технические и стилистические приемы изготовления монет всех боспорских центров этого времени едины. Что касается монет Аполлонии и Мирмекии, то они и по стилю, и по типологии, и по другим признакам так тесно примыкают к пантикапейским, что это породило даже стремление приписать их одному центру и попытки идентификации Аполлонии то с Пантикапеем, то с Мирмекием. Монеты других боспорских городов, значительно отличаюсь от пантикапейского серебра в типологическом отношении, все же очень близки по стилю, композиции, фактуре и т. д. к современным им пантикапейским монетам. Так, монеты синдов и Нимфея, а также первая серия феодосийских монет связаны с пантикапейскими монетами с головой барана на реверсе (I серия) последней четверти V в. до н. э. рядом общих черт: наличием неглубокого, но еще ясно выраженного квадрата на реверсе и компоновкой типа оборотной стороны внутри этого квадрата, расположением надписи вдоль обреза *quadrati incusi*, известной схематизацией реверсного типа (головы быка, барана, коня), характером букв надписей и т. п. Монеты II серии феодосийской серебряной чеканки и монеты Фанагории в отношении стиля и фактуры должны быть сопоставлены с пантикапейскими монетами с головой барана II серии, относящимися к рубежу V—IV в. и к первым годам IV в.

Таким образом, уже простое внешнее сопоставление одно-временных монет различных боспорских городов свидетельствует о наличии ряда общих черт в их чеканке и о влиянии пантикапейского монетного дела на чеканку других центров. Но особенно показательны в этом отношении данные метрологического исследования, позволяющие восстановить монетную систему боспорских городов — весовые нормы, количество номиналов, терпимость веса и т. п.

Для решения вопроса о подразделении ранних автономных монет боспорских городов на номиналы и о весовой системе в нумизматике этих городов единственной точкой опоры может служить сводка А. Л. Бертье-Делагарда, в которой он чрезвычайно тщательно собрал веса всех известных ему монет, под-

разделил все серии на номиналы и вывел средние цифры по каждому номиналу¹.

Сводка А. Л. Бертье-Делагарда очень полна, она содержит, как указывает в предисловии сам автор, весовой материал, собранный во всех крупнейших общественных и частных собраниях, как в России, так и за границей. Эта полнота приведенного у А. Л. Бертье-Делагарда материала позволяет и нам пользоваться его таблицами, несмотря на то, что с момента их составления прошло уже около 50 лет. За это время интересующий нас материал почти не увеличился: в систематических раскопках, проводимых различными организациями в Пантикапее, Фанагории, Мирмекии, Тиритаке и других местах, серебро VI—V вв. почти не встречалось. Исключение составляет лишь упомянутый выше небольшой кладик, найденный при раскопках Нимфея, и единичные находки в раскопках Пантикапея, Патрэя и др. О случайных находках ранних боспорских монет сведений также почти нет. Отдельные экземпляры ранних монет, оставшиеся почему-либо неизвестными А. Л. Бертье-Делагарду или найденные позже, легко могут быть прибавлены к его таблицам.

Однако таблицы А. Л. Бертье-Делагарда, вполне удовлетворительные с точки зрения полноты и тщательности подбора весового материала, вызывают некоторые возражения в другом отношении. Дело в том, что, при единых для всех номиналов изображениях лицевой и оборотной стороны в пределах какой-нибудь серии, отнесение монеты к тому или иному номиналу часто становится затруднительным. При этом единственным критерием является вес монеты (и отчасти ее размер). Но в раннегреческой чеканке вес отдельных монет внутри одного и того же номинала часто колеблется очень значительно и отдельные монеты соседних номиналов получают почти одинаковый вес. Это нередко приводит к ошибкам, которых не избежал и А. Л. Бертье-Делагард. Подразделение выпусков на номиналы является у него иногда весьма спорным², в один и тот же номинал попадают иногда монеты со слишком большим колебанием в весе, причем для вывода средних весов принимаются в расчет и наиболее отдаленные от средних цифры. Имеются у А. Л. Бертье-Делагарда ошибки и при определении нормального веса номиналов некоторых серий, объясняющиеся тем, что он получал эти веса просто как средние арифметические из известного числа индивидуальных весов, не обращая внимания на значительные отступления индивидуальных весов отдельных экземпляров от этого среднего в ту или другую сторону. Между тем, в некоторых случаях это имеет большое

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 49—134.

² Ср. Е. Миппс. Указ. соч., стр. 631, примеч. 1.

значение, особенно для определения границ между номиналами и для определения нормального («указного») веса каждого номинала. Без учета влияния этих отклонений на вывод среднего веса в ряде случаев совершенно невозможно правильно определить номиналы.

Для того, чтобы по возможности избежать подобных ошибок, нами был применен другой метод для определения нормального веса каждого номинала и для разбивки монет одной серии на самые эти номиналы — метод «весовой шкалы». Для пояснения этого метода возьмем ту же серию анэпиграфных мирмедейских монет. К ней относятся 48 монет со следующими индивидуальными весами: 0,37; 0,28; 0,25; 0,25; 0,25; 0,23; 0,23; 0,22; 0,22; 0,20; 0,19; 0,18; 0,17; 0,17; 0,16; 0,16; 0,16; 0,16; 0,15; 0,15; 0,15; 0,15; 0,14; 0,14; 0,14; 0,14; 0,13; 0,13; 0,13; 0,13; 0,12; 0,12; 0,12; 0,12; 0,12; 0,11; 0,11; 0,11; 0,10; 0,10; 0,09; 0,09; 0,09; 0,09; 0,07. Если представить это графически

В этой таблице прежде всего бросается в глаза особняком стоящая монета весом 0,37. Она значительно тяжелее остальных.

Таблица А

[illegible]

Таблица Б

	310	305	300	295	290	285	280	275	270	265	260	255	250	245	240	235	230	225	220	215	210	205	200
Вес в сантиграммах																							
Количество экземпляров		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+

ных монет и не имеет близких по весу. Совершенно очевидно, что при разделении всей серии на номиналы, эту монету надо либо отнести к особому, более высокому номиналу, либо признать ее случайным изделием большего веса. И в том и в другом случае нет никаких оснований объединять ее с монетой 0,28 в одном номинале, как это делает А. Л. Бертье-Делагард, поскольку последняя монета стоит гораздо ближе к монетам меньшего веса 0,25—0,23 и, очевидно, принадлежит к одному с ними номиналу, в котором монета 0,37 была бы совершенно непонятной. Выделив эту слишком тяжелую монету, мы получим почти непрерывный ряд весов от 0,28 до 0,07. Колебание веса между наибольшим и наименьшим в четыре раза не позволяет видеть здесь один номинал, а заставляет искать по меньшей мере два. Но как найти границу между двумя, так близко подходящими друг к другу номиналами? Таблица ясно показывает, что все эти монеты распадаются на две группы, колеблющиеся вокруг весов 0,25—0,23 и 0,13—0,12, с постепенным уменьшением числа известных нам экземпляров в стороны от этих средних цифр. Естественно предположить, что эти группы и образуют два искоемых номинала. Тогда граница между номиналами пройдет где-то около 0,19. Конечно, и здесь имеется неточность: куда должны мы отнести монету 0,19 (или монету 0,18) — к высшему или к низшему номиналу? Но такое близкое соприкосновение номиналов в одном-двух экземплярах не должно нас удивлять, так как одна-две монеты всегда могли выйти по весу несколько большими или меньшими и приблизиться к соседнему номиналу; подобное же тесное соседство десятка монет, как это получается у А. Л. Бертье-Делагарда, совершенно необъяснимо и делает невозможным распознавание стоимости монеты при ее обращении.

Применение метода весовой шкалы приводит к значительному изменению намеченных А. Л. Бертье-Делагардом средних весов для номиналов рассмотренной серии. Вот соответствующая табличка определения номиналов этой серии по методу А. Л. Бертье-Делагарда и по методу весовой шкалы:

	Геминиобол		Тетартеморий		Гемитетартеморий	
	нормальный (средний) вес	колебания в весе	нормальный (средний) вес	колебания в весе	нормальный (средний) вес	колебания в весе
По А. Л. Бертье-Делагарду . . .	0,33(?)	0,37—0,28	0,18	0,25—0,14	0,11	0,13—0,07
По методу весовой шкалы	0,37(?)	—	0,24	0,28—0,19	0,13	0,18—0,07

Относительная правильность второго цифрового ряда хорошо подтверждается весовыми данными одновременной пантикапейской чеканки, дающей почти те же самые цифры. Сравнение мирмекийских монет между собою по величине тоже говорит против деления на номиналы, установленного А. Л. Бертье-Делагардом, и в пользу второго решения этого вопроса.

Таким образом, при подразделении монет одной и той же серии на номиналы необходимо учитывать не только общее колебание веса между наиболее тяжелыми и наиболее легкими монетами, но и, если можно так выразиться, «расположение» монет на весовой шкале и количество находок монет каждого веса. Монеты, в отношении веса слишком далеко отстоящие в ту или иную сторону от основной массы монет данной группы, не могут приниматься в расчет при определении весовых границ номинала и должны быть рассматриваемы либо как особый номинал, либо, если для последнего нет достаточных оснований, оставляться в стороне от определенных номиналов системы до тех пор, пока не будет найдено достаточно ясное объяснение их необычного веса.

Метод весовой шкалы должен применяться в некоторых случаях и для определения нормального, «указного» веса монет того или иного номинала, так как средний вес, выведенный арифметическим путем из индивидуальных весов нескольких монет, сплошь и рядом не может считаться нормальным для данного номинала. Это случается тогда, когда значительная часть экземпляров монет располагается достаточно кучно в одном месте весовой шкалы, а остальные располагаются разбросанно выше или ниже этой группы. В таком случае можно подозревать, что нормальным весом номинала является тот вес, который показывает эта тесная группа монет, в то время как средний вес, полученный из арифметического подсчета, может несколько отклониться вверх или вниз под влиянием индивидуальных весов остальных, разбросанных по шкале, монет (применяемый в этом смысле метод весовой шкалы получил в английской пумизматической литературе название frequency—table).

В качестве примера возьмем группу древнейших пантикапейских триоболов¹. А. Л. Бертье-Делагардом зарегистрировано 33 монеты этого номинала со следующими индивидуальными весами:

3,04	3,02	2,95	2,91	2,87	2,84
2,83	2,80	2,80	2,79	2,79	2,77
2,76	2,75	2,74	2,73	2,70	2,60
2,53	2,48	2,45	2,33	2,30	2,27
2,24	2,24	2,22	2,18	2,14	2,10
2,09	2,04	2,03			

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы . . . , стр. 73, № 56.

А. Л. Бертъе-Делагард выводит для этого номинала средний вес 2,48, получаемый как арифметическое среднее из всех индивидуальных весов. Однако этот средний вес вызывает некоторое сомнение. Размещение индивидуальных весов триоболов на весовой шкале дает нам таблицу Б на стр. 57.

Обращает на себя внимание значительное количество монет, весящих около 2,70—2,80. Можно думать, что именно этот вес и является искомым нормальным весом древнейших пантикапейских триоболов, хотя арифметически вывести его невозможно.

Конечно, и метод весовой шкалы не дает полной гарантии в определении номиналов и их нормальных весов, но все же он в какой-то степени уменьшает возможность ошибок, поскольку привлекает для исследования еще один критерий — частоту находок монет того или иного веса, — который ускользает от внимания при простом арифметическом подсчете. Наименее эффективен этот метод был бы при исследовании большого числа монет одного номинала. К сожалению, раннее боспорское серебро представлено очень немногими экземплярами монет каждой серии: число монет одного номинала в пределах данной серии никогда не превышает двух-трех десятков, а обычно номинал представлен лишь несколькими монетами. Это очень затрудняет исследование и придает выводам известный оттенок гипотетичности. Тем не менее можно все же при помощи весовой шкалы рассмотреть, насколько позволяет материал, распределение номиналов в чеканке отдельных боспорских городов VI—V вв. до н. э. с тем, чтобы наметить основные черты весовых монетных систем этих городов.

Все боспорские города употребляли для ранней серебряной чеканки так называемую эгинскую весовую систему, одну из наиболее распространенных в греческом мире. Основной единицей этой системы является серебряный статер. Статер делится на две драхмы, драхма — на шесть оболов, обол в свою очередь дробится на более мелкие подразделения. Практически помимо статера, драхмы и оболы, часто чеканились лишь монеты достоинством в два и три оболы (диобол, триобол), а также части оболы: $\frac{1}{2}$ (гемиобол), $\frac{1}{4}$ (тетартеморий), и $\frac{1}{8}$ (гемитетартеморий). Гораздо реже выпускались тригемиоболы (4 оболы) и тригемиоболы (12 оболов), пентоболы (5 оболов), тетробиноминалы и не всегда чеканились в городах Боспора. Даже номиналы в чеканке боспорских городов VI—V вв. до н. э. не отличаются постоянством. Регулярно чеканятся почти во всех сериях только диоболы и монеты мельчайших подразделений достоинством в $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ оболы. Остальные

номиналы появляются лишь спорадически в той или иной серии.

Древнейшие монеты Пантикапея с большим трудом поддаются делению на номиналы. Самые ранние монеты с еще не оформленным углубленным квадратом на оборотной стороне подразделяются А. Л. Бертъе-Делагардом на семь номиналов. Средний вес крупнейшего из них составляет 5,61 г. А. Л. Бертъе-Делагард считает эти монеты, вероятно вполне правильно, эгинской драхмой¹. О некотором уменьшении веса этой драхмы, по сравнению с обычной для эгинской системы нормой, будет сказано дальше. Следующий номинал — тетробиноминал представлен всего одной монетой с весом 3,55². Далее идет почти непрерывный ряд монет весом от 3,04 до 1,27, который А. Л. Бертъе-Делагард подразделяет на два номинала — триоболы со средним весом 2,48 (колебание веса от 3,04 до 2,03) и диоболы со средним весом 1,64 (колебание веса 1,96—1,27)³, но мы уже говорили о том, что нормальный вес триоболов в этой серии должен быть по видимому несколько выше — около 2,75. Три монеты этого же типа отнесены А. Л. Бертъе-Делагардом к номиналу в $1\frac{1}{2}$ оболы (ср. вес около 0,99) и две маленькие монетки он считает гемитетартемориями (вес 0,13 и 0,10)⁴. Наконец, существуют еще монеты этой же серии, вес которых колеблется от 0,68 до 0,24. А. Л. Бертъе-Делагард причисляет их все к одному номиналу — гемиоболу со средним весом 0,48⁵. Значительное колебание в весе, более чем в 2,5 раза могло бы указывать на то, что здесь мы должны различать два номинала и в наиболее тяжелых монетах этой группы (тяжелее 0,50) видеть обол, средний вес которого оказался бы тогда 0,60, а средний вес полуоболы упал бы до 0,38. Но против такого предположения говорит, кажется, то обстоятельство, что в следующей серии пантикапейских монет средний вес полуоболы составляет 0,47, т. е. почти точно совпадает с весом, выведенным А. Л. Бертъе-Делагардом для этих ранних гемиоболов. Слишком незначительное число найденных монет не позволяет воспользоваться здесь методом графического размещения весов на весовой шкале. Впрочем, всякие выводы по этой серии монет надо делать осторожно, так как А. Л. Бертъе-Делагард включил в нее, видимо, некоторые веса более поздних монет, которые могут до известной степени затемнить общую картину.

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 72, № 54.

² Там же, № 55.

³ Там же, стр. 73, №№ 56—57.

⁴ Там же, №№ 58 и 60.

⁵ Там же, № 59.

Следующая серия пантикапейских монет, имеющих на оборотной стороне углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека с точками внутри них, должна быть датирована, грубо говоря, второй половиной VI в. до н. э. Она представлена у А. Л. Бертье-Делагарда тремя номиналами. Безусловно триболами являются монеты весом 2,95; 2,75; 2,57; 2,54¹. Средняя цифра, выводимая из этих индивидуальных весов, — 2,70 — хорошо согласуется с указанным выше нормальным весом триболов в предыдущей пантикапейской серии. Одна монета весом 0,77 определяется А. Л. Бертье-Делагардом как обол, а несколько монет меньшей величины (колебание веса 0,59—0,36) признаются им за гемииоболы со средним весом 0,47². Тетартемории этой серии А. Л. Бертье-Делагарду известны не были; несколько штук их найдено в составе нимфейского клада, опубликованного В. М. Скудной³, средний вес их — 0,33.

Монеты с риеунком, напоминающим крылья ветряной мельницы в углубленном квадрате оборотной стороны, чеканка которых падает на конец VI или начало V в. до н. э. А. Л. Бертье-Делагардом в особую группу не выделены, поэтому определение номиналов их весьма затруднительно. Наиболее крупные монеты этой серии имеют вес 2,69; 2,53; 2,23; 2,18; 2,11⁴ и являются, очевидно, триболами; монеты более мелкие: 1,85; 1,69; 1,62; 1,58⁵ — скорее всего диоболы. Наконец, монеты с весом 1,02 и 1,04⁶ — вряд ли могут быть диоболами, скорее в них можно видеть номинал в 1½ оболы. Более мелкие монеты этой серии помещены в таблице А. Л. Бертье-Делагардом под №№ 76—77⁷. Несколько монеток с весом от 0,32 до 0,17 он считает гемииоболами, вывод для этого номинала средний вес 0,25. Но мы видели, что в предыдущих сериях средний вес гемииоболы составляет 0,47—0,48. Поэтому представляется более верным видеть в этих монетках не гемииобол, а тетартеморий; во всяком случае вес 0,25 слишком низок для полуоболов даже облегченной эгнесской системы. Единственная

известная мельчайшая монетка весом 0,07, вероятно, справедливо принимается А. Л. Бертье-Делагардом за гемитетартеморий.

Гораздо более ясную картину дает следующая серия пантикапейских монет, имеющих на реверсе две четырехлучевые звездочки, помещенные на рельефных табличках внутри углубленного квадрата. Эта последняя аэпиграфная серия пантикапейских монет, датируемая первой четвертью V в., представлена тетроболами (вес от 3,51 до 2,85; нормальный вес 3,29) и диоболами (вес от 1,85 до 1,23; нормальный вес — 1,58)¹. Мелких монет с этим же типом реверса известно всего две. Одну из них, весящую 0,13, А. Л. Бертье-Делагард считает гемитетартеморием², другая, оставшаяся ему неизвестной, весит 0,24³ и скорее всего является тетартеморием. Выше уже было высказано предположение о том, что в этой серии роль мелких номиналов играли монетки, имеющие на оборотной стороне углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека поперечными перегородками с точками в двух накрест лежащих отсеках. Эти монетки в таблице А. Л. Бертье-Делагарда представлены тремя номиналами: гемииоболом со средним весом 0,36 (колебание индивидуальных весов 0,57—0,27), тетартеморием со средним весом 0,20 (индивидуальные веса 0,26—0,14) и гемитетартеморием со средним весом 0,12. Последний номинал представлен всего двумя полновесными монетами и средний вес его условен⁴. С этими подразделениями А. Л. Бертье-Делагарда вполне можно согласиться, хотя границы между номиналами несколько гадательны. Так может быть, учитывая размещение монет на весовой шкале, монеты весом 0,14 и 0,15 следовало бы отнести в группу гемитетартемориев, что несколько повысило бы средний вес и тетартемория и гемитетартемория. Но это во всяком случае не изменит сколько-нибудь заметно общей картины. Средний вес полуоболы этой серии — 0,36 — значительно ниже, чем в предыдущих выпусках. Это могло бы породить сомнения в правильности нашего разделения на номиналы, если бы последующие серии не давали примерно такого же веса. Соответственно понижен в этой и в последующих сериях и вес тетартемория. Это понижение веса служит лишним аргументом в пользу нашего предположения о сравнительно позднем пропехождении мелких монет с двумя точками в отсеках *quadrati incusi*.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 76. №№ 73—74.

² Там же, № 75.

³ BMC, Thrace etc, стр. 187, № 4.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 74—75. №№ 67, 68, 69.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 74, № 64.

² Там же, №№ 65, 66.

³ В. М. Скудная. Указ. соч., стр. 78 и сл., ср. ВДИ, 1951, № 1, стр. 263.

⁴ Ch. Giel. Указ. соч., стр. 21, табл. III, 19—20; П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 1; В. Г. Egger. Auction-Katalog der Sammlung... Th. Prowe. Wien, 1904, стр. 21, № 329.

⁵ Ch. Giel. Указ. соч., стр. 21, табл. III, 29. П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 5; Egger. Указ. каталог, стр. 21, №№ 333, 334.

⁶ Egger. Указ. каталог, стр. 21, № 335.

⁷ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 76. №№ 76, 77.

Монеты с первыми буквенными обозначениями (буквы **ΓΑ** на рельефных табличках), выпускавшиеся в Пантикапее во второй и может быть в начале третьей четверти V в. до н. э., разделены А. Л. Бертье-Делагардом на четыре номинала. Наиболее крупные из них с весом 4,35, 4,32, и 4,31 он считает пентоболами¹; средний вес этой группы по таблицам А. Л. Бертье-Делагарда равен 4,33, а если добавить еще одну монету, изданную Ф. Имхоф-Блумером² (вес 4,71), то — 4,42; большая группа монет средней величины (вес от 1,70 до 1,09) признается А. Л. Бертье-Делагардом за диоболы со средним весом 1,39³. Все более мелкие монеты он делит на геммоболы и тетартемории (средний вес соответственно 0,34 и 0,22, колебание веса 0,57—0,27 и 0,26—0,17)⁴. Но применение графического метода размещения весов на весовой шкале заставляет несколько изменить это деление. Прежде всего сомнение вызывает особняком стоящая монета с весом 0,57. Она значительно тяжелее остальных и может принадлежать иному номиналу (обол?) или же являться просто случайным изданием, резко превышающим норму. Поэтому она не должна приниматься в расчет при выведении нормального веса номинала. Удаление этой монеты и некоторое передвижение границы между весами геммобола и тетартемория, диктуемое той же весовой шкалой, изменит нормальный вес этих номиналов до 0,31 и 0,21.

Совсем необычный номинал дает следующая серия монет, имеющая на реверсе буквы **ΓΑΝ** и звездочку. Выпуск этой серии падает на начало третьей четверти V в. Три монеты этой серии весом в 8,54; 8,16 и 7,20 А. Л. Бертье-Делагард объединяет в один номинал, считая их монетами в девять оболов⁵. Веса их как будто бы отвечают этому предположению, но самый факт чеканки монеты такого номинала кажется несколько странным, коль скоро ни в одной другой серии ни Пантикапея, ни других боспорских городов номинал этот неизвестен. Все три монеты, указанные А. Л. Бертье-Делагардом, не изданы и сам он их не видел, а сведения о них получил из вторых рук⁶. Поэтому в подлинности этих монет абсолютной уверенности быть не может. Между тем известны в нескольких экземплярах подделки монет как раз этой серии и именно монет с большим весом⁷. Все это заставляет относиться с чрезвычайной осто-

рожностью к этим необычным в боспорской нумизматике монетам, считаясь с возможностью фальсификации. Среди остальных монет этой серии А. Л. Бертье-Делагард различает два номинала: диобол (вес 1,42—1,02, ср. вес 1,34) и геммобол (вес 0,33—0,20, ср. вес 0,27)¹. Но может быть было бы правильнее три наиболее легкие монеты высшей группы выделить в особый номинал. Веса их — 1,12; 1,09; 1,02 — довольно далеко отстоят на весовой шкале от весов остальных монет (не ниже 1,32) и сами по себе скорее могут принадлежать тригеммоболам. В таком случае средний вес диоболов повысится до 1,42.

Монеты с буквами **ΓΑΝΤΙ** на рельефных табличках дают только два номинала — диобол (средний вес 1,68, колебание веса от 1,87 до 1,20) и геммобол (средний вес 0,37)². К этой же серии относятся монеты, на которых рельефные таблички уже исчезли и буквы **ΓΑΝΤΙ** помещены прямо в поле *quadrati incusi*. Эти монеты бывают двух номиналов: геммобол (вес 0,40—0,29, средний вес 0,33) и тетартеморий (вес 0,25—0,15, средний вес 0,20)³. Средний вес диоболов этой серии значительно выше соответствующих цифр предыдущих выпусков, в которых наблюдалась тенденция к постепенному понижению веса. Несмотря на небольшое количество известных нам диоболов, это все же не производит впечатления случайного преобладания находок с высоким весом. Такое повышение веса основного номинала может быть объяснено сознательным стремлением стабилизировать вес монеты и помешать дальнейшему его падению, вернуть к первоначальному уровню (1,64). Такое предположение тем более вероятно, что чеканка всей этой серии в весовом отношении кажется гораздо более тщательной, чем чеканка предыдущих и последующих выпусков: об этом говорит уже одно перечисление весов известных нам диоболов (1,87; 1,79; 1,76; 1,75; 1,72; 1,71; 1,67; 1,66 и только одна монета стоит особняком—1,20) и геммоболов. Если это предположение верно, и попытка возвращения пантикапейской монеты к первоначальному ее весу была сделана в третьей четверти V в., то она, очевидно, не достигла желаемого результата, так как в следующих пантикапейских сериях вес диобола опять значительно понижается.

Пантикапейские монеты, украшенные головой барана, чеканившиеся в последней четверти V в., составляют, как говорилось выше, две серии. К первой из них (голова барана вправо)

р а ч к о в. Указ. соч., табл. XIX, 15 и А. Л. Бертье-Делагард. Поправки общего каталога монет Бурачкова. М., 1907, стр. 19.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 77, №№ 82, 83.

² Там же, стр. 78, №№ 88—89.

³ Там же, №№ 91, 92.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 77, № 84.

² Fr. Imhoof-Blumer. Monnaies grecques, стр. 41, 43.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 77, № 85.

⁴ Там же, стр. 78, №№ 86, 87.

⁵ Там же, стр. 77, № 81.

⁶ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 53.

⁷ A. Oreschnikow. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosphorus. Moskau 1883, стр. 20; Ch. Giel. Указ. соч., стр. 23. П. О. Бу-

относится монета весом в 3,10, которую А. Л. Бертье-Делагард считает тетроболом¹, ко второй (голова барана влево, под ней осетр или звезда) — монеты с весом 5,47; 5,33 и 4,63, являющиеся скорее всего драхмами². Монеты всех меньших номиналов имеются одинаково в обеих сериях, но распределить их по сериям не представляется возможным, ибо А. Л. Бертье-Делагард в своей сводке не произвел разделения на выпуски и дал все веса вместе. Он различает в этой чеканке диоболы (вес 1,78—0,87, средний вес 1,44, причем все монеты с весом менее 1,00 при выводе среднего веса не учитывались), гемиболы (вес 0,72—0,27, средний вес 0,38) и тетартемории (вес 0,26—0,13, средний вес 0,20)³. Однако с таким разделением на номиналы согласиться нельзя. Прежде всего в графу диоболов включены монеты слишком легковесные. А. Л. Бертье-Делагард и сам чувствует это, и чтобы не получить слишком низкой цифры среднего веса, вынужден отбрасывать наиболее легкие из них. Между тем, при графическом расположении монет на весовой шкале довольно отчетливо вырисовываются среди диоболов А. Л. Бертье-Делагарда две группы монет: одна из них охватывает веса от 1,78 примерно до 1,25, в другую входят все монеты от 1,20 и ниже. Если монеты первой группы являются диоболоми (средний вес их получается около 1,49), то монеты второй группы скорее всего нужно признать тригемиболоми со средним весом 1,08. Монеты меньшего веса при распределении их на весовой шкале также дают более сложную картину распределения на номиналы, чем представляет ее себе А. Л. Бертье-Делагард. Три монеты, весящие более 0,50, могут быть выделены в особый номинал, в таблицах А. Л. Бертье-Делагарда отсутствующий, — обол. Они слишком далеко отстоят от компактной группы монет весом 0,40—0,30 (гемибол), да и по абсолютному весу своему они непомерно велики для полуоболов. Средний вес обولا, если только можно выводить его из веса всего трех экземпляров, составляет около 0,63. Остальные монеты этой серии распадутся на две группы; хотя граница между этими группами не очень ясна, все же нормальные веса гемиболола и тетартемории могут быть примерно определены: 0,34 и 0,20.

Переходя к рассмотрению монетных систем второстепенных городов Боспора, следует отметить, что чеканка их гораздо слабее чеканки Пантикапея, сравнительно кратковременна и бедна номиналами.

Для чеканки Аполлонии трудно установить исходный пункт, поскольку серия аэгиграфных монет, имеющих на оборотной

стороне в углубленном квадрате одну большую восьмилучевую звезду, может быть приписана этому городу, как мы видели, лишь предположительно. Если это предположение верно, первый выпуск аполлонийских монет должен быть датирован первой четвертью V в. до н. э. В этой серии нам известны только монеты с весом 0,28—0,30¹, являющиеся скорее всего гемиболоми, хотя вес их несколько ниже обычной для гемиболов нормы. Незначительное количество известных монет этой категории не позволяет с уверенностью говорить об их номинале.

Заведомо аполлонийские монеты, имеющие на реверсе надпись АПОΛ, делятся на две серии, первая из которых датируется приблизительно второй четвертью V в. до н. э., а вторая — третьей четвертью того же века. Однако мы лишены возможности проследить номиналы по обеим этим сериям в отдельности, так как А. Л. Бертье-Делагард серии эти не различает и в своих таблицах дает веса всех аполлонийских монет вместе. Можно только сказать, что набор номиналов в обеих сериях примерно одинаков, но пользоваться таблицами А. Л. Бертье-Делагарда для определения нормального веса основного номинала — диоболола невозможно: колебание в весе, согласно его таблицам, очень велико: 2,00—0,92, а средний вес, выведенный им из этих цифр — 1,44², — затуманивает возможные различия в весе монет той и другой серий. Поэтому приходится обращаться к индивидуальным весам диоболов обеих серий, известных нам помимо сводки А. Л. Бертье-Делагарда. Вот какая картина при этом получается:

I серия

- 1,56 — BMC. Thrace, стр. 87, № 1.
- 1,51 — Fr. Imhoof-Blumer. Monnaies grecques, стр. 42
- 1,45 — Ch. Giel. Указ. соч., стр. 21, № 15
- 1,45 — BMC. Thrace, стр. 87, № 2
- 1,45 — E. Minns. Указ. соч., табл. X, 10
- 1,44 — BMC. Thrace, стр. 87, № 3
- 1,42 — SAN. Plates, III, 1930, табл. 20 с.
- 1,41 — Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, в. VII, М., 1887, стр. 50, № 367.
- 1,32 — Гиль. ЗРАО, V, стр. 347.

II серия

- 1,77 — Fr. Imhoof-Blumer. Monnaies grecques, стр. 42
- 1,74 — Sylloge numorum graecorum Danish national museum. Thrace, т. I. Copenhagen, 1942, табл. I, 19.
- 1,72 — Гиль. ЗРАО, V, стр. 347.
- 1,60 — Imhoof-Blumer. Указ. соч., стр. 42.

¹ В. М. Скудниова. Указ. соч., стр. 79.

² А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 79, № 99.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 80, № 106.

² Там же, № 105.

³ Там же, стр. 80—81, №№ 107—109.

Бросается в глаза разница цифр в первом и втором столбцах. Совершенно очевидно, что диоболы первой серии значительно легче диоболов второй. Средние цифры по обеим сериям получаются 1,44 и 1,70. Конечно, нельзя быть твердо уверенным в абсолютной правильности этих средних цифр, выведенных из такого небольшого числа взвешиваний. Если бы удалось в таблице А. Л. Бертье-Делагарда выделить монеты, относящиеся к первой и ко второй сериям, и вывести средние веса, принимая во внимание все произведенные им взвешивания (а их у него пятьдесят), мы получили бы гораздо более точный и надежный результат. Но общая тенденция достаточно ясно выступает и из приведенных цифр. Вспомним, что вторая серия аполлонийских монет по времени соответствует пантикапейским монетам с надписью **PANTI** и что в этой пантикапейской чеканке мы наблюдаем точно такое же повышение веса диоболов по сравнению с предыдущей серией. Это сопоставление служит вместе с тем доказательством правильности установленной выше относительной хронологии аполлонийских монет.

Среди остального аполлонийского серебра А. Л. Бертье-Делагард различает гемиоболы (средний вес 0,35), тетартемории (средний вес 0,21) и гемитетартемории (средний вес 0,12)¹. Вероятно и в чеканке этих номиналов можно было бы сделать различие в средних весах монет первой и второй серий, как выше сделано это по отношению к диоболом. К сожалению, мы не располагаем здесь даже теми скудными весовыми данными, которые имелись о диоболом, но те единичные индивидуальные веса гемиоболов, которые нам известны, не противостоят такому предположению².

О первом выпуске мирмекийских монет уже говорилось выше. Мы видели, что они могут быть разделены на три номинала. Наиболее крупный из них — гемиобол представлен всего одной монетой весом 0,37. Тетартемории и гемитетартемории встречаются весьма часто и средний вес их составляет соответственно 0,24 и 0,13 г. Дальнейшая мирмекийская чеканка шла, как мы знаем, параллельно в двух центрах и монеты Мирмекии выходили одновременно двумя сериями, с надписями **PANTI** (или **PA**) и **APOA**. Во всей этой чеканке господствуют мельчайшие номиналы. Только одну монету, весящую 0,57, А. Л. Бертье-Делагард считает оболом³. Но редкость монет

этого номинала на Боспоре вообще и отсутствие их в современной пантикапейской чеканке вызывает сомнение не только в определении номинала, но и в подлинности самой монеты такого веса. Более вероятно определение, как гемиобол, тоже единственной монеты весом 0,34 с надписью **PA**¹. Совершенно же достоверно в мирмекийской чеканке засвидетельствованы лишь тетартемории и гемитетартемории. Средний вес первых, по А. Л. Бертье-Делагарду, равен 0,18, вторых — 0,11², но вероятно и тот и другой должны быть несколько повышены, так как монеты с весом 0,14 и 0,15, относимые А. Л. Бертье-Делагардом к тетартемориям, несомненно, должны считаться гемитетартемориями, как ясно показывает размещение всех весов на весовой шкале. Таким образом, нормальный вес тетартемория составит 0,20, а гемитетартемория — 0,11—0,12.

Производить определение нормальных весов по четырем сериям мирмекийских монет с надписями (**PA**, **PANTI** и два типа монет с **APOA**) довольно трудно, да и бесполезно, ибо колебания веса в этих мельчайших номиналах незначительны и случайны.

Монет Феодосии известно так мало, что о монетной системе и о номиналах можно говорить лишь предположительно.

Первый выпуск феодосийского серебра с мужской головой на лицевой стороне и с головой быка на оборотной стороне известен только в двух экземплярах монет (вес 1,06 и 0,93), принадлежащих, видимо, к одному номиналу, который А. Л. Бертье-Делагард принимает за 1½ оболов³. Вторая серия феодосийских серебряных монет (с типами головы Афины-Паллады и букрания) представлена тремя номиналами, два из которых известны только в одном экземпляре (0,50 и 0,25). А. Л. Бертье-Делагард⁴ считает их гемиоболом и тетартеморией; но вес 0,50 кажется слишком высоким для гемиоболы и скорее всего в этой монете можно видеть обол неполного веса. К наибольшему номиналу этой серии принадлежат четыре монеты с весом 2,62 (два экземпляра), 2,48 и 2,35⁵. А. Л. Бертье-Делагард выводит средний вес для этого номинала 2,52 и считает его, вероятно, вполне правильно, триоболом.

Нимфейские монеты представлены, как мы видели выше, только одной серией. Их известно более двух десятков, причем монеты крупного номинала известны только в двух экземплярах

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы. . . , стр. 80, №№ 100—102.

² Ch. Giel. Указ. соч., стр. 21; Fr. Imhoof-Blumer. *Monnaies grecques*, стр. 42.

³ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы. . . , стр. 78, № 93.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы. . . , стр. 79, № 94.

² Там же, стр. 79, № 95—97; стр. 80, №№ 103—104.

³ Там же, стр. 72, № 53.

⁴ Там же, №№ 51—52.

⁵ Там же, № 50.

с весом 4,72 и 4,93¹. А. Л. Бертъе-Делагард называет их пентоболами эгинской системы, но А. М. Подшивалов, вероятно, прав, когда видит в них эгинскую драхму с несколько пониженным весом². В нескольких экземплярах встречены диоболы с весом от 1,68 до 1,40³; главную же массу нимфейского серебра составляют мелкие монетки с весом от 0,39 до 0,17 г. А. Л. Бертъе-Делагард объединяет их все в одну группу и считает гемиболами со средним весом 0,29 г.⁴ Однако значительная разница в весе и редкость монет как раз среднего веса заставляет сомневаться в правильности такого определения. Пользуясь той же весовой шкалой и разместив на ней указанные у А. Л. Бертъе-Делагарда весовые данные мелкого нимфейского серебра⁵, мы сможем подразделить это серебро на два номинала. Один из них будет охватывать 13 монет с весом от 0,39 до 0,27, нормальный вес этой группы составит 0,34—0,35; монеты эти могут считаться гемиболами. Второй номинал, представленный 5 монетами с весом от 0,22 до 0,17 со средним весом 0,20, придется признать четвертью обولا. Такие весовые нормы номиналов как нельзя лучше согласуются с весовыми показателями одновременной пантикапейской чеканки.

Определение номиналов синдских монет представляет известные затруднения. То, что сделано в этом отношении А. Л. Бертъе-Делагардом, нуждается в некоторых поправках. Выше уже говорилось о том, что вся чеканка синдос относится примерно к одному времени. Если это так, то мы вправе ожидать, что средние веса одинаковых номиналов в различных сериях должны если и не совпадать, то во всяком случае стоять достаточно близко друг к другу, чтобы различие между ними могло быть объяснено неизбежной, при сравнительно небольшом количестве монет, случайностью. Между тем, в таблицах А. Л. Бертъе-Делагарда мы находим, что средний вес диобола с изображением грифона на аверсе равен 1,33 г диобола с головой Геракла — 1,35 г, а вес монет с фигурой коленопреклоненного Геракла и совой, которые А. Л. Бертъе-Делагард тоже считает диоболами, колеблется между 1,27 и 1,05, так что средний вес получается 1,19⁶. Такая разница никакой слу-

чайностью объяснена быть не может и, поскольку нам ничего не известно об изменении стандарта или о каком-либо другом уменьшении веса синдских монет, мы будем, вероятно, ближе к истине, считая монеты с совой иным номиналом. Скорее всего в них надо видеть тригемиболы той же эгинской системы. Косвенным свидетельством в пользу этого мнения является то, что феодосийские монеты первого выпуска, одновременные синдским монетам, представляют именно этот номинал в 1½ обولا. Общим между указанной синдской серией и первым феодосийским серебром является также отсутствие других номиналов в серии.

Более полной является серия с изображением грифона на лицевой стороне и головы коня — на оборотной. 15 монет этого выпуска (вес 1,75—0,92 г) А. Л. Бертъе-Делагард объединяет в один номинал, со средним весом 1,33¹. Он считает их диоболами, но может быть наиболее легкие экземпляры надо было бы выделить в особую группу, так как, судя по аналогии с пантикапейским и нимфейским серебром этого же времени, средний вес диобола должен быть несколько выше; да и индивидуальные веса монет 0,92; 1,13; 1,19 кажутся недостаточными для диоболов эгинской облегченной системы. Это становится особенно ясным, если обратиться к диоболам другой синдской серии, имеющей на аверсе голову Геракла. В этой группе насчитывается также 15 монет с колебанием веса от 1,67 до 0,95 (средний вес 1,35)², причем монеты относительно легкие (ниже 1,20) составляют здесь компактную группу в пять (а с монетой из собрания А. Г. Голикова в ГМИИ № 4327 — шесть) экземпляров. Выделение этих монет в особый номинал (тригемибол?) поднимет средний вес диобола до 1,46, что кажется более вероятным. То же самое надо сказать и о серии с грифоном. Но размещение обеих этих групп на весовой шкале не дает ясной картины и поэтому высказанные соображения остаются лишь предположением.

Серия монет с грифоном имеет, кроме только что рассмотренного, еще лишь один номинал, по весьма вероятному определению А. Л. Бертъе-Делагарда, — гемибол (средний вес 0,29, индивидуальные веса от 0,33 до 0,25)³.

Наиболее полной серией синдских монет является серия с головой Геракла на лицевой стороне и с головой коня — на оборотной. Кроме уже упоминавшихся диоболов к ней принадлежат монеты большего веса (2,65 и 1,76), определяемые А. Л. Бертъе-Делагардом как триболы⁴, но вероятно

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 91, № 159.
² A. Podschivalow. Указ. соч., стр. 4; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 163.

³ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 91, № 160.
⁴ Там же, № 161.

⁵ Должны быть учтены также веса трех монет неизвестных А. Л. Бертъе-Делагарду: из собрания А. Г. Голикова в ГМИИ им. А. С. Пушкина (№ 4328) — 0,32, из бывш. собр. А. М. Подшивалова (A. Podschivalow. Указ. соч., стр. 4) — 0,21 и из Британского музея (E. Mints. Указ. соч., табл. IX, 8) — 0,35.

⁶ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 94—95, №№ 172, 175, 179.

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 94, № 172.

² Там же, стр. 94, № 175.

³ Там же, стр. 94, № 173.

⁴ Там же, № 174.

вторую из этих монет следует считать диоболом: по весу она очень близка к наиболее тяжелым диоболом этой же серии (1,67) и почти совпадает с диоболом весом 1,75 серии с грифоном. Во всяком случае, выводить нормальный вес триоболоа из этих двух весов 2,65 и 1,76, конечно, нельзя. Мелкие монеты этой серии довольно многочисленны. Вес их колеблется от 0,42 до 0,17, и такая значительная разница в весе не позволяет объединять их, как делает это А. Л. Бертъе-Делагард¹, в один номинал. Да и по величине они резко распадаются на две группы. Одна из них охватывает монеты с весом от 0,42 до 0,26 и вторая — от 0,24 до 0,17. Если монеты первой группы мы можем считать вместе с А. Л. Бертъе-Делагардом полуобололами (средний вес 0,32), то более легкие и меньшего размера монетки являются, видимо, тетартемориями (средний вес 0,20). Средние веса этих номиналов почти точно совпадают с нормальным весом соответствующих нимфейских и пантикапейских монет. Наконец, серия, включающая в себя только мелкие монетки, имеющие типами головы быка и коня, состоит вся из одного номинала, который А. Л. Бертъе-Делагард определял как тетартеморий². Однако преобладание в серии мельчайших монеток с весом ниже 0,15 и диаметром 4—5 мм заставляет скорее считать этот номинал еще более мелким — гемитетартеморием со средним весом 0,13 г.

Все фанагорийские монеты делятся А. Л. Бертъе-Делагардом на четыре номинала. Крупнейшую монету с изображением целого быка на обороте, известную всего в одном экземпляре (вес 4,45), он считает пентоболом³, но скорее в ней надо видеть эгинскую драхму уменьшенного веса⁴. К диоболом им отнесены монеты с весом от 1,79 до 1,01 с изображениями половины быка или его головы. Средние веса для диоболов (по двум группам) получаются 1,53 и 1,27⁵. Такая разница в весе одного и того же номинала в одновременных сериях очень странна. Разница эта еще увеличилась бы, если бы А. Л. Бертъе-Делагард при выведении среднего веса по второй серии не отбросил четыре (из общего числа 17) наиболее мелкие монеты. Исключение такого большого процента монет хорошей сохранности (одна из них, самая легкая, весом в 1,01, находится сейчас в ГИМ, она, несомненно, подлинна и прекрасной сохранности) из общего подсчета при выводе средних тоже показывает, что с определением номиналов не все благополучно. Вниматель-

ное рассмотрение индивидуальных весов и применение графического метода весовой шкалы заставляет здесь различать два номинала: диоболы с нормальным весом около 1,50 (индивидуальные веса от 1,76 до 1,31) и тригемиболы с нормальным весом 1,11. Такое разделение на номиналы оправдывается и значительной разницей размеров этих монет. Кроме того, выведенные нами средние веса превосходно согласуются со средними весами одновременной пантикапейской чеканки. Мелкие монетки Фанагории, признанные А. Л. Бертъе-Делагардом за гемиболы¹, тоже должны быть разделены на два номинала: гемиболы, весящие в среднем 0,33 (0,36—0,31), и тетартемории со средним весом 0,21 (0,27—0,15). Средние веса этих номиналов тоже совпадают почти точно с соответствующими цифровыми данными пантикапейской чеканки.

Мы рассмотрели чеканку отдельных боспорских городов в VI—V вв. до н. э. и весовую систему, которой эта чеканка следовала. Попытаемся теперь сделать некоторые выводы историко-экономического порядка из этого рассмотрения. Для удобства сопоставления весовых данных по отдельным центрам чеканки и по хронологическим периодам веса всех серий боспорских монет включены в одну таблицу, где цифры соответствуют нормальному весу номинала в граммах (см. таблицу на стр. 74).

Сопоставление в одной таблице весовых данных монет различных городов и разного времени оказалось возможным лишь потому, что все эти монеты чеканены по одной и той же весовой системе. Выше уже говорилось о том, что Пантикапей и другие города Боспора употребляли при чеканке раннего серебра эгинскую весовую систему. Этому же весовому стандарту следует ранняя чеканка и большинство других центров северного и западного побережья Понта: Ольвии, Тирь, Истрия, Каллатия и др. Что определило выбор именно этой весовой системы припонтскими городами? Ответить на этот вопрос не так просто. Ведь эгинская весовая система была распространена главным образом в Пелопоннесе, на Кикладах, на Крите, т. е. в областях, довольно мало связанных с Причерноморьем. Естественно было бы ожидать раннего проникновения на Боспор еврейско-аттической монетной системы, использовавшейся в чеканке Афин. Однако этого не произошло. Первые серебряные монеты, выпущенные на Боспоре по аттическому стандарту, относятся уже ко второй половине III в. до н. э.; несколько раньше — в конце IV в. — аттическая весовая система, несомненно, под воздействием золотой чеканки Филиппа II и Александра Великого, была применена в чеканке золотых пантикапейских статов. Для серебряных же монет эгинский

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 95, № 176.

² Там же, № 178.

³ Там же, стр. 92, № 162.

⁴ Ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 169.

⁵ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 92, №№ 163—164.

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 92, № 165.

Дата	Место чеканки	Номиналы (вес в граммах)									
		драхма	пентабол	тетрабол	трибол	дибол	триемин-бол	обол	гемисбол	тетраге-морий	гемите-гараебол
Середина VI в. до н. э.	Пантикапей	5,61	—	3,55?	2,75	1,64	0,99?	—	0,48	—	0,13?
Вторая половина VI в. до н. э.	Пантикапей	—	—	—	2,70	+	+	0,77?	0,47	0,33?	+
Первая чет-ловина V в. до н. э.	Пантикапей	—	—	3,29	—	1,58	—	—	0,36	0,20	0,12?
Первая чет-ловина V в. до н. э.	Аполлония?	—	—	—	—	—	—	—	0,29?	—	—
Первая чет-ловина V в. до н. э.	Мирмекий	—	—	—	—	—	—	—	0,37?	0,24	0,13?
Вторая чет-ловина V в. до н. э.	Пантикапей	—	4,42	—	—	1,39	—	0,57?	0,31	0,21	—
Вторая чет-ловина V в. до н. э.	Аполлония	—	—	—	—	1,44	—	—	+	+	—
Вторая чет-ловина V в. до н. э.	Мирмекий	—	—	—	—	—	—	0,57?	0,34?	0,20	0,12
Третья чет-ловина V в. до н. э.	Пантикапей	—	—	—	—	1,42;	1,08?	—	0,33	0,20	—
Третья чет-ловина V в. до н. э.	Аполлония	—	—	—	—	1,68	—	—	0,37	+	—
Третья чет-ловина V в. до н. э.	Мирмекий	—	—	—	—	1,70	—	—	+	+	—
Последняя четверть V в. до н. э.	Пантикапей	5,15?	—	3,10?	—	1,49	1,08	0,63?	0,34	0,20	—
Последняя четверть V в. до н. э.	Феодосия	—	—	—	2,52	—	1,00?	0,50?	—	0,25?	—
Последняя четверть V в. до н. э.	Низифей	4,82?	—	—	—	1,56	—	—	0,34	0,20	—
Последняя четверть V в. до н. э.	Синдика	—	—	2,65?	—	1,46?	1,19?	—	0,32	0,20	0,13?
Последняя четверть V в. до н. э.	Фанагория	4,55?	—	—	—	1,50	1,11	—	0,29	0,21	—

стандарт употреблялся на Боспоре до того времени, когда в первой половине III в. всякий выпуск серебра временно прекратился в связи с денежным кризисом.

Наиболее подробно вопрос о причинах распространения эгинского стандарта в Причерноморье разбирал А. Л. Бертъе-Делагард. Исследуя монетные системы Ольвии и Пантикапея, он пришел к выводу, что они исходят из одной и той же весовой единицы, равной эгинскому статеру, за нормальный вес которого он принимает 12,13 г. Объясняет он это тем, что греки, поселившиеся на северных берегах Черного моря, нашли здесь уже сложившуюся весовую систему, которой и следовали в своей монетной политике. Сама же эта система занесена была в Северное Причерноморье из Египта через Ассирию и Каппадокию еще в доисторические времена, она не имела отношения к эгинскому весовому стандарту, а ее весовые нормы лишь случайно совпали с нормами эгинского стандарта, чем и пользовались монетарии северопонтийских городов¹.

Бросается в глаза искусственность и беспочвенность всех этих построений А. Л. Бертъе-Делагарда. Его теория не выдерживает критики уже потому, что исходит из неверных предпосылок. Основным положением А. Л. Бертъе-Делагарда является то, что пантикапейское золото IV в. до н. э. и раннее пантикапейское серебро чеканены якобы в одной системе, а так как средний вес золотой пантикапейской монеты — 9,096 — случайно совпал с весом египетского кита, то отсюда он и выводит норму для серебряной драхмы $\frac{2}{3}$ кита, т. е. 6,064. Но, во-первых, как мы увидим ниже, боспорское серебро VI—IV вв. и пантикапейское золото IV в. чеканились на совершенно различных весовых основах и были предназначены для обращения на разных рынках; во-вторых, вес пантикапейских золотых статеров никакого отношения к египетскому киту не имеет; в-третьих, эгинская драхма указанного веса никогда на Боспоре не встречается, а местная драхма всегда бывает значительно легче, как показывают собранные самим А. Л. Бертъе-Делагардом данные и приведенные выше в таблице цифры. Кроме того, проникновение египетской меры веса в Северное Причерноморье еще в догреческое время, ее широкое здесь распространение и долгое существование реально никак объяснены быть не могут. Очевидно и употребление эгинской весовой системы в чеканке боспорской монеты должно быть объяснено иначе.

П. Гардиер и М. И. Ростовцев видели причину распространения эгинского стандарта в монетном деле припонтских

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость... стр. 81—84.

городов в том, что Эгина и употреблявший этот стандарт Пелопоннес играли значительную роль в черноморской торговле¹. Они ссылались при этом на известное свидетельство Геродота о кораблях, нагруженных хлебом для Эгины и Пелопоннеса, которые видел Ксеркс в Геллеспонте². Однако это объяснение никак не может быть принято. Черноморская торговля могла попасть частично в руки эгинских куццов лишь в период, последовавший за разрушением Милета и предшествовавший установлению афинской гегемонии, с чем согласны и оба указанных автора; между тем чеканка по эгинской системе началась в припонтийских городах, — по крайней мере в Синопе и Пантикапее, — гораздо раньше. Кроме того, даже если Эгина и могла играть в определенный период известную роль в понтийской торговле, она во всяком случае никогда не могла занимать в ней господствующее положение.

Единственно возможным объяснением распространения эгинского весового стандарта в припонтийских городах нам кажется то, что он был занесен в Причерноморье ионийцами-колонистами в период первоначального освоения ими этого района. Как раз в середине VI в. до н. э., когда была основана значительная часть ионийских колоний на Понте и когда в Пантикапее началась чеканка монеты, некоторые ионийские центры, в том числе Милет и Теос, приняли эгинский стандарт для своей собственной чеканки³. В это время, вероятно, и распространяется эгинская система в Причерноморье. Что касается второстепенных боспорских городов, начавших чеканку значительно позднее, то они естественно приняли ту весовую систему, которой пользовался Пантикапей.

Города Ионии очень недолго употребляли в своей чеканке эгинский весовой стандарт; скоро большинство из них под воздействием золотой чеканки Креза и Кира отказалось от эгинской системы, хотя Теос, в виде исключения, продолжал пользоваться ею в течение всего V в. Если бы серебро Пантикапея и других боспорских городов имело хождение на внешних рынках и использовалось для операций во внешней торговле, его чеканка тоже неизбежно должна была бы строиться на новых весовых основах, более соответствующих состоянию денежного рынка в районах, с которыми Боспор вел наиболее оживленную торговлю. Но боспорское серебро имело значение

лишь местной монеты и не выходило за пределы очень ограниченной территории, тогда как для расчетов на внешних рынках применялись электровые статеры города Кизика. Благодаря этому эгинская монетная система могла удерживаться в чеканке боспорских городов еще сравнительно долгое время.

П. Гарднер высказал предположение, что некоторую роль в этом длительном бытовании эгинской системы в припонтийских городах могло играть местное население, жившее вокруг этих городов, с которым грекам приходилось иметь значительные торговые связи и которое могло проявлять известную консервативную привязанность к определенным, уже известным ему видам денег, с чем приходилось считаться и грекам причерноморских городов¹. Гипотеза П. Гарднера не лишена интереса, но в отношении Боспора она наталкивается на то возражение, что окружающие Боспор народы (за исключением сяндов) в эту эпоху, видимо, еще вели безденежную торговлю и не применяли чеканной монеты. По крайней мере, не известно ни одного случая находки раннего боспорского серебра вне территории боспорских городов², даже в более позднюю эпоху, в IV в. до н. э. пантикапейские монеты очень слабо проникали вглубь степей, а попадая внутрь страны, быстро демонетизировались и использовались в качестве металла. При таких условиях мы не вправе согласиться с мнением П. Гарднера по крайней мере в отношении городов Боспора и их окружения.

3. Денежное обращение Боспора

При рассмотрении ранней чеканки второстепенных городов Боспора бросается в глаза тот факт, что выпуск монеты всеми этими городами, за исключением более ранней чеканки Аполлонии и Мирмекия, которая являлась лишь дериватом пантикапейской и, повидимому, всецело от нее зависела, начинается примерно в одно и то же время — в последней четверти V в. до н. э. Такое совпадение вряд ли случайно. Возникновение самостоятельной чеканки монеты в том или ином городе свидетельствует о том, что в данном полисе уже назрела потребность в такой монете, что местный рынок достиг известной сте-

¹ P. Gardner. A History of ancient coinage. 700—300 B. C. Oxford, 1918, стр. 471; M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, стр. 229.

² Herod., VII, 147.

³ B. V. Head. Historia numorum, стр. 585, 595; P. Gardner. A History. . . , стр. 169; A. Segrè. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna, 1928, стр. 217.

¹ P. Gardner. A History. . . , стр. 263.

² Поэтому никак нельзя согласиться с мнением Д. П. Каллистова о том, что мелкое пантикапейское серебро V в. «предназначалось для расчетов с многочисленными мелкими туземными производителями хлеба» (Д. П. Каллистов. Очерки. . . , стр. 146). Пантикапейские серебряные монеты, равно как и монеты других боспорских городов V в., служили, повидимому, исключительно удовлетворению потребностей внутригородских рынков.

пени развития. Последнее в свою очередь обуславливается общим экономическим развитием города как общественного организма. Если подойти с этой точки зрения к возникновению самостоятельной чеканки в таких городах как Феодосия, Нимфей, Фанагория, а также в Синдике, то станет ясно, что именно к концу V в. до н. э. все эти пункты переживают экономический подъем, обусловивший развитие местного рынка и потребовавший создания собственной монетной системы, хотя бы и местного значения. Этот факт нельзя не поставить в связь с расцветом боспорской торговли и прежде всего с укреплением торговых связей Боспора с Афинами. Именно к последней трети или последней четверти V в. относится установление особенно оживленных отношений между Афинами и городами Боспора¹. Усиление афинского влияния на Боспоре сказывается прежде всего в резком увеличении числа находок афинских изделий конца V в. при раскопках боспорских поселений. Выше уже отмечалось преобладание аттической керамики именно последней четверти V в. в феодосийских находках. Значительное увеличение аттического керамического материала к концу V в. заметно по находкам и в других местностях Боспора². Одновременно завязываются и дружественные связи между афинянами и пантикапейскими правителями; декрет афинского народного собрания в честь Спартока и Перисада³ упоминает о каких-то привилегиях, дарованных афинянами еще Сатиру I (407—387 гг. до н. э.). Очевидно, афиняне имели веские основания для предоставления почетных привилегий (скорее всего речь идет о праве гражданства и об ателии)⁴ правителю далекой и полуварварской, с их точки зрения, страны, который сам был «варваром» по происхождению. Заинтересованность Афин в боспорском хлебе в конце V в. была значительной, она-то вероятно, и толкала афинян на агрессивную политику в Причерноморье: посылка морских экспедиций в Понт⁵, основание или захват населенных пунктов на Боспоре (Нимфей, Стратоклея? Афиней?), установление дружественных связей со Спартокидами — все это звенья одной цепи, при помощи которой афинские политики стремились

¹ С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИАН ООИ, 1934, № 8—9, стр. 600=СП, стр. 129; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 64 и сл.

² Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации. ЗООИД, XXII, стр. 10.

³ ВДИ, 1939, № 3, стр. 239 и сл., № 3.

⁴ С. А. Жебелев. Основные линии..., стр. 601=СП, стр. 130.

⁵ См. Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Малой Азии и Балканского полуострова. ВДИ, 1939, № 3, стр. 238.

закрепить за собой боспорский хлебный экспорт. Не случаен и тот факт, что во всех трех пунктах Боспора, начавших чеканку своей монеты в последней четверти V в., — в Нимфее, Феодосии и Синдике — чувствуется афинское влияние. О Нимфее говорить не приходится — он просто был афинским владением; в Феодосии и Синдике аттическое влияние обнаруживается в монетной типологии.

Конечно, развитие торговых отношений с городами Средиземноморья благоприятно отражалось на развитии не только второстепенных городов Боспора, но и прежде всего Пантикапея. Этот сильнейший и древнейший из боспорских городов уже стоял в это время во главе небольшой территории, составившей ядро Боспорского государства, и энергичные правители из династии Спартокидов ждали только момента, чтобы обрушиться на соседние самостоятельные еще полисы. Перспективы огромного развития хлебного экспорта, в случае объединения боспорских городов и окружающих земель под их эгидой, должны были быть ясны уже первым правителям из дома Спартокидов. Самостоятельная торговая политика мелких независимых полисов была помехой, а иногда и прямой угрозой конкуренции (как это было с Феодосией) для небольшого Боспорского государства. Таким образом, те самые силы, которые способствовали развитию и процветанию самостоятельных городов на побережьях Киммерийского Боспора, подготовили и роковое для независимости этих городов столкновение, победителем из которого вышло Боспорское государство, включившее в свой состав независимые ранее полисы.

Здесь невозможно останавливаться на всех причинах и обстоятельствах возникновения Боспорского государства и его быстрого территориального роста: писалось об этих вопросах уже очень много и проблема в целом выходит за рамки настоящей работы. Однако хотелось бы остановиться на одной стороне процесса образования и укрепления Боспорского государства, которая обычно не привлекает внимания исследователей и о которой можно судить отчасти по нумизматическим данным. Говоря об объединении боспорских городов в один государственный организм, возглавляемый Пантикапеем, обычно обращают внимание главным образом на политические и военно-стратегические факторы, обусловившие это объединение¹. Правда, указываются иногда и те экономические выгоды, которые могли извлечь из объединения отдельные

¹ С. А. Жебелев. Основные линии..., стр. 593=СП, стр. 121; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 42; Д. П. Калашников. Очерки..., стр. 187 и сл.

города. С. А. Жебелев считал даже, что объединение боспорских полисов было вызвано «главным образом экономическими соображениями, диктуемыми всем сложившимся строем Боспорского государства»¹. Однако при рассмотрении вопроса об объединении разных территориально-политических организмов в Боспорском государстве следует учитывать еще одно обстоятельство — насколько эти отдельные организмы были экономически подготовлены к такому объединению, насколько сильны были экономические связи между ними. Некоторый ответ на этот вопрос может дать ранняя чеканка боспорских городов.

Вряд ли следует сомневаться в том, что города, чеканившие свою монету в конце V в. до н. э., так же как и принявшая участие в этой чеканке Синдика, политически еще не входили в состав Боспорского государства Спартокидов². По крайней мере, в отношении Нимфея и Феодосии это обстоятельство надежно засвидетельствовано литературными источниками. И в то же время, как мы видим, монетная чеканка этих городов, даже подвластного Афинам Нимфея, даже враждебной Спартокидам Феодосии, носит одинаковый характер, строится на одной и той же весовой основе, имеет (кроме чеканки Феодосии) ту же систему номиналов, характеризуется теми же техническими и стилистическими приемами, следуя нормам и образцам пантикапейского монетного дела. Явление это, конечно, не случайно: в нем отражаются экономические связи, объединяющие отдельные города Боспора в период, когда политическое объединение их еще не было достигнуто. Ясно выявляется при рассмотрении всей этой чеканки и руководящая роль Пантикапея по отношению к другим боспорским городам. Таким образом, изучение монет боспорских городов V в. приводит к убеждению, что экономические основы объединения всей территории по обеим берегам Боспора были заложены еще задолго до самого объединения. Вероятно, прав В. Ф. Гайдукевич в предположении, что «тенденция к такому объединению намечалась уже раньше», еще до периода Археанактидов³.

И в этом отношении интересно было бы проследить топографию находок ранних боспорских монет с целью выяснения сферы их распространения. Выше уже говорилось о том, что у нас для этого нет, к сожалению, почти никаких данных, так

как почти все имеющееся в наших коллекциях раннее боспорское серебро не имеет паспортов. Все же мы можем с некоторой долей уверенности говорить о том, что монеты, выпущенные в одном из греческих полисов Боспора, имели хождение не только в этом полисе, но и в соседних общинах. С известными оговорками мы можем все же воспользоваться перечисленными выше данными о находках раннего боспорского серебра в Тамани и в Эльтегеньском кладе, поскольку достоверные находки пантикапейских монет в Нимфее и аполлонийской в Фанагории (в 1948 г.) не противоречат свидетельствам, зарегистрированным Е. Е. Люденко¹ и К. К. Герцем², а скорее подтверждают их. Если учесть все эти данные, то окажется, что находки аполлонийских монет засвидетельствованы в Нимфее и Фанагории, пантикапейских — в Нимфее, Патрее и Гермонассе, в Гермонассе же найдены монеты синдские и фанагорийские, в Нимфее — мирмекийские. Если монеты одного боспорского полиса могли свободно обращаться и обращались на рынках другого города, это также должно говорить о тесных экономических связях, существовавших еще до объединения между различными греческими общинами, вошедшими позднее в состав Боспорского царства³.

Приведенная выше таблица нормальных весов боспорских монет ясно показывает резкое преобладание мелких номиналов в чеканке боспорских городов VI—V вв. до н. э. Основная единица эгийского стандарта — статер — совершенно не появляется; наиболее крупным номиналом является драхма (существование тригемидрахмы, как мы видели, вызывает значительные сомнения), но и она чеканится только эпизодически; также нерегулярно выпускаются и монеты достоинством в 5, 4 и 3 оболы. Основу всей системы составляет диобол, встречающийся во всех выпусках боспорских городов, кроме Мирмекии и Феодосии. Но Мирмекия вообще выпускает только мельчайшую разменную монету, а чеканка Феодосии известна нам еще очень плохо. Тригемидрамы встречаются тоже довольно редко, а существование оболы вообще сомнительно, поскольку монеты, которые по весу могли бы быть признаны оболами,

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 163—166.

² К. К. Герц. Указ. соч., стр. 44—46.

³ С другой стороны, это обстоятельство очень подрывает наши возможности определения места чеканки той или иной категории монет (синдов, Аполлонии) при помощи регистрации монетных находок. Для такого определения понадобился бы очень значительный сравнительный материал, чтобы можно было выделить район преимущественных находок тех или иных монет. Надежды на такие массовые находки раннего боспорского серебра вряд ли смогут оправдаться и поэтому в определении места выпуска еще плохо локализованных монет приходится рассчитывать больше на появление нового эпиграфического материала.

¹ С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 12=СП, стр. 166.

² В этом вопросе мы решительно расходимся с С. А. Жебелевым, который предполагал, что эта чеканка производилась уже в рамках Боспорского государства (С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 13=СП, стр. 166).

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 44.

встречаются единицами и все их сильно занижены. Зато в изобилии встречаются более мелкие номиналы: гемипоболы, тетартемории и гемитетартемории. Они известны почти во всех сериях и в большом, сравнительно, количестве экземпляров. Особенное постоянство наблюдается в чеканке гемипоболов, встречающихся во всех сериях кроме выпусков тех же Мирмекия и Феодосии.

Такое значительное преобладание мельчайших подразделений в чеканке боспорских городов говорит о местном характере этой чеканки. Вряд ли можно предполагать, что гемипоболы или диоболы могли иметь какое-нибудь значение при торговых сделках с греческими купцами, уже в эту эпоху ведущими оживленную и широкую торговлю с Боспором. Эта монета предназначена лишь для обращения на внутреннем рынке, а для всяких расчетов с иноземными купцами должна была применяться другая, общегреческая, монета. Такой монетой являлись электроновые статеры г. Кизика — «кизикины», служившие международным средством обращения (*κοινὸν κισικῶν τῆς Ἑλλάδος* — по выражению Платона), особенно в районе Понта Евксинского. О распространении кизикских статеров на Боспоре говорят прежде всего находки самих этих статеров на боспорской территории как отдельными монетами, так и целыми кладами¹. Затем имеется прямое свидетельство об этом Демосфена². Некоторые из нашивных золотых бляшек, столь часто встречающихся в скифских погребениях Северного Причерноморья, имеют своими прототипами изображения на монетах в том числе и на кизикинах V и IV вв. до н. э.³, а так как большинство этих бляшек изготовлялось, видимо, на Боспоре, то отсюда следует, что соответствующие кизикины были там хорошо известны. К сожалению, у нас нет прямых свидетельств о том, что кизикины имели хождение в Северном Причерноморье уже в V в. Оба найденные на Боспоре клада, включавшие в себя кизикины, относятся к IV в. до н. э.⁴, так же, как и свидетельство Демосфена. Находки отдельных кизикинов V и даже VI вв. или подражаний им в виде золотых бляшек еще не могут служить доказательством распространения здесь этой монеты в столь раннюю эпоху, поскольку неоднократные находки в одном кладе кизикинов самых различных хронологических групп⁵ говорят об очень длительном обращении выпущенной в свет монеты.

¹ А. Ашик. Боспорское царство. Одесса, 1848—1849, ч. II, стр. 18, ч. III, стр. 93; таблица, рис. 11—14; К. К. Герд. Указ. соч., стр. 45—46; OAK, 1912, стр. 39; Num. Chr., 1887, стр. 41—56; ВДИ, 1949, № 2, стр. 93—94.

² Demosth., XXXIV, 23.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 447 и сл.

⁴ С. К. Regling. Die Griechische Goldschatz von Prinkipo, стр. 24.

⁵ С. К. Regling. Указ. соч., стр. 24 и сл.

Однако, несмотря на отсутствие прямых данных, мы можем с большой долей вероятности утверждать, что кизикские статеры уже в V в. играли значительную роль в денежном обращении на Боспоре. За это говорят косвенные данные; прежде всего то обстоятельство, что, не имея своей крупной монеты, боспорские города нуждались в интерлокальном средстве обмена, а таковым в Причерноморье вообще были именно кизикины; за это же говорит и заимствование уже в V в. кизикского типа сиридскими монетариями и наличие значительного количества ранних типов среди найденных на Боспоре кизикинов, и находки архаических кизикских статеров в других районах Северного и Западного Причерноморья: в Ольвии¹ и на Дунае² и широкое обращение кизикинов в V в. на южном берегу Понта³.

В археологической литературе встречается иногда утверждение, что на Боспоре часто находятся ранние самосские серебряные монеты⁴. Вместе с мнимым подражанием раннего пантикапейского серебра самосским типам это создает представление о какой-то особой роли самосской нумизматики в жизни Боспора. Нам уже приходилось возражать против этого ошибочного мнения⁵. Ни самосские, ни какие-нибудь другие монеты, кроме кизикинов, не имели регулярного хождения на Боспоре в VI—V вв. до н. э., хотя, конечно, отдельные монеты разных городов от времени до времени случайно попадали в Северное Причерноморье.

Таким образом, денежное обращение Боспора в VI—V вв. складывалось, повидимому, из двух элементов: электроновых кизикских статеров, служивших платежным средством при крупных торговых сделках, особенно с иноземными купцами, и мелкого серебра, чеканившегося в отдельных боспорских городах и удовлетворявшего потребности местного внутрибоспорского рынка.

Это боспорское серебро выпускалось, как мы видели, по одному весовому стандарту — эгинскому. Но употребляя с самого начала в своей серебряной чеканке эгинскую весовую систему, Пантикапей, а вслед за ним и другие города Боспора, не следуют совершенно точно эгинским весовым нормам. Вес эгинского статера теоретически равен 12,56 г, драхмы — 6,28 и т. д.⁶ На деле, однако, средний вес соответствующих номина-

¹ OAK, 1909—1910, стр. 100.

² К. Regling. Указ. соч., стр. 26.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 174.

⁴ Е. Minns. Указ. соч., стр. 631; Ю. С. Крушкова. Указ. соч., стр. 184; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 164.

⁵ КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 45 и сл.

⁶ В. В. Head. Historia numorum, стр. 396.

лов никогда не достигает этих цифр, так как некоторый процент металла удерживается монетариями в виде монетной пошлины. Согласно вычислениям А. Л. Бертье-Делагарда, средний вес драхмы в самой Эгии составлял около 6,00¹. Пантикапейская драхма с самого начала весит еще меньше — 5,61. Это не должно нас удивлять, так как надо учитывать, что боспорские монетарии, вводя у себя эгинскую систему веса, брали себе за норму не отвлеченную теоретическую величину, а реальный вес эгинских монет (т. е. драхма \approx 6,00) и в свою очередь несколько уменьшали вес при удержании монетной пошлины². Кроме того, эгинская система была заимствована Боспором не непосредственно от Эгии, а, вероятно, через какой-нибудь другой центр, пользовавшийся этим стандартом уже в редуцированном виде. В Теосе, например, в VI в. употреблялся эгинский стандарт с весом драхмы не выше 5,96³. Этот вес выведен теоретически из веса статера, действительный вес драхмы должен быть еще ниже. То же самое находим и в Синопе и в других городах. Еще заметнее это отклонение от нормы в более мелких номиналах. Это обычное явление в античной чеканке, поскольку, с одной стороны, монетная пошлина была тем выше, чем мельче были монеты, с другой стороны, меньше обращалось внимания на полновесность мелких подразделений, которые рассматривались до известной степени лишь как условные денежные знаки⁴.

Дело не ограничилось первоначальным введением несколько заниженного веса: в процессе дальнейшей полуторавековой чеканки пантикапейских монет происходит постепенное от серии к серии уменьшение их веса. Это заметно даже на примере эпизодически выпускавшихся драхм, но особенно ясно из сравнения диоболов различных серий. Нормальный вес этого номинала в пантикапейской чеканке с середины VI до середины V в. изменился следующим образом: 1,64—1,58—1,39. Соответствующее уменьшение веса заметно и в гемииоболах, для которых это уменьшение выражается в следующих цифрах: 0,48—0,47—0,36—0,31. Аполлония и Мирмекий, начавшие выпуск своей монеты еще в первой половине V в., в весовом отношении полностью следуют нормам одновременной пантикапейской чеканки. В третьей четверти V в. в Пантикапее была сделана попытка восстановить первоначальный вес основного номинала системы, диобола, путем выпуска более тяжелых монет со средним весом 1,68, некоторое повышение

ние веса заметно также и в гемииоболах (до 0,37). Совершенно то же явление отмечается и в нумизматике Аполлонии, о чем уже говорилось выше. Но попытка эта видимо не имела успеха, так как вес пантикапейских диоболов следующего выпуска опять значительно ниже — в среднем 1,49. И опять соответствующие номиналы в чеканке второстепенных городов Боспора в весовом отношении рабски следуют за пантикапейскими нормами (для диоболов: Пантикапей — 1,49, Нимфей — 1,56, Фанагория — 1,50, Синдика — 1,46; для гемииоболов: Пантикапей — 0,34, Нимфей — 0,34, Фанагория — 0,33, Синдика — 0,32 и 0,29).

Может быть ничто не указывает так ясно на экономическую зависимость второстепенных боспорских городов от Пантикапея и на внутренние экономические связи всей территории, расположенной на берегах Боспора Киммерийского, как это полное совпадение номиналов и весовых норм в чеканке различных, политически независимых греческих полисов. Несколько особняком стоит, как будто бы только Феодосия, не чеканившая как раз тех номиналов, которые были основными в монетной системе других городов. Но весовые нормы в Феодосии те же, что и на остальной изучаемой территории, и, кроме того, феодосийская чеканка известна пока еще слишком плохо, чтобы можно было сделать какие-нибудь решительные выводы об экономическом положении этого города на основе изучения его нумизматических памятников.

Таким образом, изучение автономной чеканки боспорских городов в пору их политической самостоятельности служит весьма веским доводом в пользу того мнения, что внутри Боспора уже в древнейшую эпоху существовали очень сильные связи, если не политические, то экономические, и что гегемоном всей этой области был Пантикапей, древнейший и сильнейший из боспорских городов.

По мере постепенного расширения Боспорского государства города, включавшиеся в его состав, теряли право чеканки собственной монеты и пантикапейская монета становилась единственным средством (если не считать иностранной валюты) денежного обращения на Боспоре. В начале IV в. этот процесс унификации денежного обращения закончился и начался новый период истории боспорского монетного дела, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость... стр. 35, примечание.

² Там же, стр. 19.

³ В. В. Head. Historia numorum, стр. 595.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость... стр. 19, 35, примечание.

Глава II

МОНЕТНОЕ ДЕЛО БОСПОРА

В IV и первой половине III в. до н. э.

Первый период развития монетного дела и денежного обращения на Боспоре, рассмотренный в предыдущей главе, заканчивается где-то в пределах первого десятилетия IV в. до н. э. Всю дальнейшую историю монетной чеканки Боспора со второго десятилетия IV в. до последнего десятилетия II в. до н. э., т. е. до падения династии Спартокидов и вхождения Боспора в состав державы Митридата Евпатора, А. Н. Зограф включает в один период, особо выделяя из него монеты с именами боспорских царей — Спартокидов¹. С таким обособлением спартокидовской царской чеканки от одновременной автономной чеканки боспорских городов можно было бы согласиться, если бы все монеты Спартокидов являлись такими донативами, какими А. Н. Зограф считает золотые статеры с именем царя Перисада или дирахму Спартока. В таком случае их еще можно было бы рассматривать изолированно от всего остального нумизматического материала Боспора, поскольку донативные выпуски к денежному обращению в собственном смысле не принадлежат и не играют той же роли, что и обычная монета. Однако у нас нет никакой уверенности в донативном характере указанных спартокидовских монет, наоборот имеются веские данные в пользу признания за этими монетами реального денежного характера. Кроме того, среди царских монет, выпущенных Спартокидами, имеется серия монет, уже совершенно определенно предназначавшаяся, как признает и сам А. Н. Зограф, для широкого обращения на рынке и игравшая значительную роль во всей денежной системе своего времени. Эти монеты — медные с именем царя Левкона (II) — невозможно рассматривать в отрыве от остального нумизматического мате-

риала тем более, что они были выпущены, повидимому, со специальной целью стабилизации всего денежного обращения на Боспоре и сыграли весьма заметную роль в истории денежной чеканки III в. до н. э.² Поэтому представляется более правильным не выносить чеканку монет от имени боспорских царей за скобки общего развития монетного дела Боспора в III и II вв. до н. э.²

Что касается хронологических рамок второго периода боспорской нумизматики, намеченных А. Н. Зографом, то они определяются рядом как нумизматических, так и общеисторических фактов. А. Н. Зограф не дал никаких обоснований своей периодизации истории монетного дела Боспора, но для выделения данного отрезка времени они представляются достаточно ясными. Попробуем кратко отметить основные моменты, определяющие верхнюю и нижнюю границы этого отрезка. Начало его совпадает с концом деятельности Сатира и с началом блестящего правления Левкона I, при котором Боспор сделался могущественной державой, включающей в себя и греческие города, расположенные на обоих берегах Киммерийского Боспора, и ряд местных племен главным образом на азиатском берегу.

Можно смело сказать, что конец правления Сатира и особенно начало правления его преемника Левкона I, ознаменовавшееся успешным завершением длительной борьбы за овладение Феодосией, является известной гранью не только в области денежного обращения, но и во всей истории Боспорского государства. Что касается собственно нумизматической сферы, то начало второго периода монетного дела на Боспоре ознаменовано крупными изменениями во всем денежном обращении страны. Важнейшим из них является полное прекращение автономного выпуска монеты во всех второстепенных центрах и сосредоточение всей чеканки в столице государства — Пантикапее. Почти одновременно с этим прекращается абсолютный монометаллизм серебра, господствовавший в боспорской чеканке в течение полутора столетий, и производится параллельный выпуск серебряной и медной (разменной) монеты, а вскоре в качестве монетного металла начинает употребляться и золото. Происходит и некоторое изменение в монетной системе Пантикапее, меняется значение отдельных номиналов в системе. Эти факты представляют значительный интерес не только

¹ Д. Б. Шелов. Денежная реформа Левкона II. ВДИ, 1953, № 1.

² Правильное понимание этого вопроса проявил А. В. Орешников при составлении им каталога монет собрания графа А. С. Уварова. См. его замечания в предисловии: Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII. М., 1887, стр. IX и 49.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 171—182 и 182—185.

с точки зрения нумизматики, но и для социально-экономической и политической истории Боспора. По сравнению с ними второстепенное значение имеют изменения в типологии пантикапейских монет, появление нового типа — головы так называемого «Пана» или сатира, — почти безраздельно господствующего в пантикапейской нумизматике в последующие 150 лет. Все эти явления, почти одновременно наблюдающиеся в области боспорской нумизматики, очень четко определяют начальный момент второго периода боспорской чеканки.

Конец этого большого отрезка боспорской нумизматики, согласно периодизации А. Н. Зографа, датируется последним десятилетием II в. до н. э. Определяется он прежде всего общесоциальными, а не только специально нумизматическими изображениями. В конце II в. до н. э. на Боспоре происходят значительные социальные и политические изменения, отделяющие эпоху Спартокидов от последующего периода истории Боспора. Восстание боспорских рабов под руководством Савмака, явившееся следствием предшествующего развития рабовладельческого способа производства и рабовладельческих отношений на Боспоре, связанные с этим восстанием военные действия, приведшие к значительным разрушениям и перестройкам в боспорских городах¹, прекращение династии Спартокидов и переход Боспора под власть Митридата Евпатора, также связанные с обострением внутренней социальной борьбы в Причерноморье, резкое усиление связей Боспора с Малой Азией и изменение роли Боспорского государства в международных отношениях — все эти события сыграли очень большую роль в истории не только Боспора, но и всего Северного Причерноморья и, естественно, наложили сильнейший отпечаток на экономическую жизнь Боспорского государства.

Митридатовский период принес много нового и в области денежного обращения. В царствование Митридата Евпатора на Боспоре вводится свойственный малоазийским владениям этого царя параллельный выпуск городской автономной и царской или наместнической монеты, получает широкое обращение монета, выпущенная в малоазийских городах Понтийского царства, к концу царствования устанавливается характерный для дальнейшей истории Боспора биметаллизм золота и меди, резко меняется типология боспорских монет и т. д. Эти явления, характеризующие денежное обращение Боспора времени Митридата, были совершенно чужды предыдущему периоду, интересующему нас в настоящее время. Таким образом, и в отношении собственно монетного дела Боспора определен-

ный А. Н. Зографом конечный момент второго периода прослеживается совершенно ясно.

Итак, весь этот период охватывает почти три столетия и почти все время (за исключением первых 50 лет) правления на Боспоре династии Спартокидов. Монетное дело Боспора за столь долгий промежуток времени неоднократно претерпевало всякие изменения, что было связано со значительными изменениями в экономической жизни Боспорского государства в IV—II вв. до н. э.

В соответствии с этим весь этот большой период следует разделить в отношении истории денежного обращения и монетного дела на два хронологических отрезка, значительно отличающихся друг от друга. Правда, деление этого промежутка времени, охватывающего почти три века, на более дробные периоды представляет некоторую трудность. Дело в том, что значительные изменения в монетном деле Боспора, произошедшие на рубеже IV и III вв. до н. э. и очень ясно бросающиеся в глаза: прекращение чеканки золотой и серебряной монеты, появление надчеканок и перчеканок монеты и другие явления, характеризующие кризисное состояние боспорского денежного обращения, — требуют как будто бы провести резкую грань между денежным обращением IV и III вв. до н. э. Именно так и поступил автор настоящей работы, напечатав статью о боспорской нумизматике III в. до н. э. и приняв за исходный момент для рассмотрения монетного дела Боспора III в. первые выпуски пантикапейской меди периода денежного кризиса¹.

Однако более глубокое изучение тех процессов, которые определяли развитие как монетного дела, так и других сторон экономической жизни Боспора этого времени убеждает в ошибочности такого подхода к указанным явлениям.

Пантикапейская чеканка первой половины III в. до н. э. при всем ее внешнем отличии от чеканки IV в. является продолжением последней и принципиально ничем от нее не отличается. Те кризисные явления, которые столь ярко проступают в первой половине III в., оказываются заложенными гораздо глубже — еще в последней трети IV в. до н. э. Прекращение чеканки золота и серебра, вызванное, повидимому, нехваткой драгоценного металла, быстрая деградация меди, появление надчеканок и прочее — все это очень яркие проявления кризисного состояния денежной системы Боспора в первой половине III века до н. э., но сама система остается в основном неизменной вплоть до денежной реформы Левкона II.

¹ В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 34.

¹ Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954.

Со времени этой реформы, т. е. с третьей четверти III в. до н. э., и следует начинать новый период монетного дела Боспора. Уже самый факт введения Левконом II в обращение, наравне с автономной пантикапейской медью, монеты, выпущенной от имени царя, является весьма важным и принципиально новым в боспорской нумизматике. Таким путем боспорский правитель присвоил себе монетную регалию, ранее официально принадлежавшую только столице государства — Пантикапею. Преемники Левкона, боспорские цари конца III и II вв. до н. э. удерживали за собой это право чеканки, о чем свидетельствует количественно незначительный, но регулярный выпуск ими золотых или серебряных монет. Новостью по сравнению с предыдущим периодом является и распространение права монетной чеканки на город Фанагорию. Этот город после почти двухсотлетнего перерыва начинает чеканить в самом конце III или в начале II в. медную, а затем и серебряную монету. Позднее то же право получает и третий боспорский центр — Горгипсия. При возобновлении чеканки серебра во второй половине III в. до н. э. происходит смена весового стандарта: эгинский стандарт пантикапейского серебра IV в. заменяется аттическим; значительно меняется и типология пантикапейских монет. Все эти нововведения заставляют провести решительную грань между монетным делом первой половины и середины III в., с одной стороны, и монетным делом периода царствования Левкона II и последующего времени — с другой. В то же время денежное обращение конца III в. невозможно оторвать от денежного обращения следующего столетия.

Таким образом, весь второй раздел боспорской нумизматики, выделенный А. Н. Зографом, может быть разбит на два периода, границей между которыми является монетная реформа Левкона II, где-то в пределах третьей четверти III в. до н. э.

В соответствии с этим в настоящей работе денежному обращению второй половины III и II вв. до н. э. посвящена отдельная, третья, глава, материал же настоящей главы охватывает лишь монеты IV и первой половины III в., до реформы Левкона II.

1. Пантикапейская чеканка IV в. до н. э.

Денежное обращение Боспора в IV и первой половине III в. до н. э. складывалось из монет различных металлов, выпускавшихся в разных центрах. В этом отношении денежное обращение этой эпохи значительно сложнее денежного обращения предыдущего периода, когда кроме местной серебряной монеты на Боспоре имели хождение только электровые кизикины. В IV в. здесь одновременно обращались монеты медные,

серебряные, электровые, золотые. Основу всего денежного обращения составляли монеты, выпускаемые столицей Боспора — Пантикапеем. Другие города Боспора в эту эпоху монеты не чеканили¹.

Но кроме пантикапейских денег на боспорском рынке широкое распространение получила чужая монета, применявшаяся главным образом для нужд внешней торговли: это были электровые стaterы Кизика, позднее — золотые стaterы Александра Македонского и Лисимаха.

В Пантикапее в течение большей части IV в. чеканилась монета трех металлов: золотая, серебряная и медная. При этом основу всей чеканки составлял выпуск серебра по той же облегченной эгинской системе, которая применялась и в VI—V вв. Именно серебро на внутренних рынках Боспора служило мерой стоимости и являлось собственным деньгами в экономическом смысле. Медная монета была только вспомогательным средством обращения, представляя лишь определенные части серебряной монеты. Поэтому пантикапейская медь, по существу, является лишь монетой, но не деньгами². Золотая монета, чеканившаяся в Пантикапее, предназначалась для обращения не на внутреннем, а на внешнем рынке, хотя допускалась и к хождению на рынках Боспора.

Ввиду определяющего значения серебряной чеканки в денежном обращении Боспора этого времени было бы правильнее начать изучение пантикапейского монетного дела второго периода именно с серебряных монет. Мы, однако, вынуждены обратиться прежде всего к выпускам золота, так как именно эти выпуски дают нам определенную хронологическую канву для истории всей пантикапейской чеканки IV в.

Пантикапейские золотые монеты, именуемые обычно стaterами (А. Л. Бертье-Делагард, считая их тригемидрахмами, называет их просто «золотыми»), все имеют одни и те же типы лицевой и оборотной стороны. На аверсе помещено изображение бородатой головы сатира, на реверсе — изображение львино-

¹ В первом десятилетии IV в. еще выпускается мелкая серебряная монета в Фанагории, но эта кратковременная ранняя фанагорийская чеканка, по существу, относится к концу предыдущего периода боспорской нумизматики и рассмотрена наряду с чеканкой синдов и Нимфея конца V в. до н. э. в предыдущей главе. В середине IV в. была сделана попытка чеканки собственной медной монеты в Феодосии. Однако эту феодосийскую чеканку можно не принимать в расчет при рассмотрении денежного обращения на Боспоре: этот выпуск надо рассматривать не как финансовое мероприятие, а скорее как политический жест, связанный со стремлением феодосийцев отделиться от державы Спартокидов (см. Д. Б. Шелл о в. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3). К рассмотрению этого выпуска мы вернемся несколько ниже.

² См. К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 106.

голового грифона с дротиком в зубах, идущего влево по колосу, и буквы ГАН¹.

Однако стилистическая трактовка этих типов на монетах различных выпусков неодинакова, она постепенно менялась, так что можно все эти золотые статеры подразделить на несколько разновременных серий или групп. До сравнительно недавнего времени различали всего три группы пантикапейских золотых статеров, отличающихся друг от друга трактовкой головы сатира на аверсе:

1) голова сатира, без венка, повернута в три четверти влево, волосы волнистые;

2) голова сатира, без венка, в профиль влево, волосы прямые;

3) голова сатира, в плющевом венке, в профиль влево, волосы в виде длинных, завивающихся на концах, прядей².

Изучая пантикапейские статеры из клада, найденного на острове Принкипо, К. Реглинг пересмотрел эту классификацию и установил еще две более поздние группы, выделив их из третьей. Четвертая и пятая группы характеризуются более схематизированными и утрированными чертами лица сатира, чем в третьей группе³. К. Реглинг же попытался теоретически обосновать относительную хронологию двух первых групп, ссылаясь на неодинаковую изношенность двух монет этих групп, найденных в кладе из Принкипо⁴. Но А. Н. Зограф, принявший классификацию К. Реглинга в целом, совершенно справедливо указывает, что последний вывод К. Реглинга, основанный на сравнении двух случайных экземпляров, неверен. Сравнение стиля двух первых групп статеров и особенно трактовки волос показывает, что группа с фасовой головой сатира является более поздней, что находит подтверждение и в типологии серебряных пантикапейских монет⁵.

Таким образом, можно считать установленным наличие следующих типологических серий золотых пантикапейских статеров:

Первая серия — тип лицевой стороны — голова бородатого сатира влево; волосы длинные и прямые, выбивающиеся отдельными прядями из общей массы⁶ (табл. III, 29).

¹ О значении этих типов см. Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействиях греческих и местных культов в Северном Причерноморье, КСИИМК, XXXIV, 1950.

² Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 340; П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 40, 28, 47; А. Л. Бертъе-Делагард. Нум. сб. I, стр. 31; Нум. сб. II, стр. 82—83, №№ 115—117.

³ К. Regling. Die Griechische Goldschatz von Prinkipo, стр. 32 и сл.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 173.

⁶ Б. XIX, 28; 3. XL, 7.

Вторая серия — тип лицевой стороны — голова бородатого сатира в три четверти влево; волосы длинные, волнистые, выбиваются отдельными локонами во все стороны¹ (табл. III, 30).

Третья серия — тип лицевой стороны — голова бородатого сатира влево, в плющевом венке; волосы волнистые, выступают из прически отдельными прядями² (табл. III, 31).

Четвертая серия — тип лицевой стороны тот же, но фактура его более плоскостная; борода сатира пышнее и несколько приподнята, черты лица грубее, из волоса макушке выбиваются только две пряди, концы локонов у шеи сзади завиваются³ (табл. III, 32).

Пятая серия — тип лицевой стороны тот же, но черты лица еще более утрированы, в исполнении штемпеля заметна небрежность, все изображение крупнее, монетный кружок тоже несколько больше, чем в предыдущих сериях (21—23 мм вместо 19—20 мм)⁴ (табл. III, 33).

Пятая серия статеров едина только в отношении типологии. По существу из нее должна быть выделена особая шестая группа статеров пониженного веса, о которой речь будет дальше.

К последней, пятой серии пантикапейских статеров при- мыкают крайне редкие золотые полустатеры, имеющие на лицевой стороне совершенно тот же и так же трактованный тип головы сатира, но без бороды. На реверсе помещена протома того же львиноголового грифона влево, но с головой, повернутой в профиль, и без дротика в пасти. Под грифоном — колос, в поле вокруг — буквы ГАН⁵ (табл. III, 34). В нумизматической литературе иногда фигурируют еще золотые гекты с теми же типами⁶.

Изображение львиноголового грифона на оборотной стороне пантикапейских золотых монет тоже претерпевает известную эволюцию. На статерах первых двух серий он более плотный и коренастый, с широким крылом и короткой шеей; морда его повернута немного назад (табл. III, 29, 30). Начиная с третьей серии пропорции тела грифона начинают удлиняться, он становится более изящным и вместе с тем более декоративным, морда его повернута прямо; кроме того монеты последних трех серий отличаются от более ранних иным изгибом рогов и несколько измененной трактовкой передней поднятой лапы

¹ Б. XIX, 40; 3. XL, 8.

² 3. XL, 9.

³ 3. XL, 10.

⁴ Б. XIX, 47; 3. XL, 11.

⁵ Б. XX, 58; 3. XL, 12.

⁶ Б. XX, 61; BMC. Thrace, стр. 4, № 4; Нум. сб. II, стр. 83, № 118; К. Regling. Die Griechische Goldschatz von Prinkipo, стр. 33.

(табл. III, 31—33). Буквы надписи PAN расположены различно на первых трех сериях и на двух последних. Колос под лапами грифона тоже меняется, теряя реалистические черты и становясь условно декоративным.

Абсолютная хронология выпусков золотых пантикапейских статовров определяется лишь приблизительно. В нумизматической литературе прочно укоренилось убеждение, что золотая чеканка Пантикапея началась около 350 г. до н. э. и закончилась в конце IV в. до н. э.¹

Такая датировка исходит из предположения, что золотая чеканка Пантикапея не могла быть старше золотой чеканки Филиппа II Македонского, которой она якобы подражала. Одним из признаков этого подражания считался вес пантикапейских золотых статовров, несколько превышающий вес золота Филиппа II, причем это превышение объяснялось обилием золота в Северном Причерноморье. А. Л. Бертье-Делагард совершенно ясно доказал несостоятельность этого представления об изобилии золота в Северном Причерноморье и выдвинул свою собственную гипотезу о происхождении веса пантикапейского золотого статера². К разбору этой гипотезы мы еще вернемся, сейчас же отметим только, что и А. Л. Бертье-Делагард ставит золотую чеканку Пантикапея в зависимость от золота Филиппа.

Отказался от этого ошибочного взгляда только А. Н. Зограф, который вполне логично считает, что именно «своеобразный вес пантикапейского статера стоит непреодолимым препятствием на пути признания пантикапейской чеканки дериватом филипповского золотого обращения»³. Он справедливо указывает также и на то, что первые пантикапейские статеры по своей фактуре архаичнее статовров Филиппа⁴. Согласно его предположению, побудительным толчком для начала пантикапейской золотой чеканки была не золотая чеканка Филиппа II, а выпуск золотых лампсакинов в начале IV в.⁵. Это позволяет А. Н. Зографу датировать начало выпуска золотых статовров на Боспоре 70-ми годами IV в. до н. э.

В пользу такой датировки, помимо указанных А. Н. Зографом соображений, говорит еще одно обстоятельство. Голова

сатира на первой серии золотых статовров стилистически очень близка к изображению той же головы на первых выпусках пантикапейского серебра IV в. с этим типом, а фактура оборотной стороны этих серебряных монет, в свою очередь, почти тождественна с фактурой не только фанагорийских монет начала IV в., но и пантикапейских монет с львиной мордой впрямь и бараньей головой, относящихся еще к концу V в. Таким образом, получается непрерывный ряд выпусков: пантикапейские архаические монеты конца V в. — пантикапейское серебро начала IV в. — первый выпуск золота; а это не позволяет отодвигать начало золотой чеканки Пантикапея в середину IV в.

Сравнительно точно может быть датирована третья серия золотых статовров: статеры этой группы преобладают в кладе из Принкипо, дата которого установлена К. Реглингом достаточно прочно — около 335 г. до н. э.¹. Видимо выпуск третьей серии начался незадолго до зарытия клада, и в момент зарытия эти статеры составляли главную массу золотого обращения Пантикапея.

Если первая серия выпускалась в конце 70-х и в 60-х годах IV в., а время третьей серии определяется примерно 30-ми годами, то чеканка монет второй серии (с фасовой головой сатира) должна падать примерно на 50-е и 40-е годы того века. Такая датировка может быть косвенно подтверждена тем соображением, что мода на изображение на монетах головы en face распространилась в Причерноморье как раз в 50—40-х годах IV в.². В это время мы находим головы впрямь на монетах Кизика, Гераклеи Понтийской, Тире, Херсонеса и др. Впрочем, первое появление на Понте этой манеры изображения относится к несколько более раннему периоду, еще к 60-м годам IV в., и в самом Пантикапее фасовая голова сатира появляется сначала в серебряной чеканке, современной первой серии золотых статовров.

Две последние серии пантикапейского золота не поддаются точной датировке. Выпуск последних золотых статовров Пантикапея относится еще к IV в., вероятно, к самому его концу. Это явствует прежде всего из типологической близости трех последних серий, свидетельствующих о сравнительно небольшом временном промежутке, в который все три выпуска должны быть уложены.

За такую датировку говорят, кроме того, и метрологические соображения.

¹ K. Regling. Die Griechische Goldschatz von Prinikipo, стр. 42—43.

² А. Л. Бертье-Делагард. ЗООИД, XXVI, 1906, стр. 222, 224.

¹ Б. Кёне. Указ. соч. I, стр. 340—346; А. Л. Бертье-Делагард. Нум. сб. I, стр. 33; В. Head. Historia numorum, стр. 282; K. Regling. Die Griechische Goldschatz von Prinikipo, стр. 38 и др.

² А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость, стр. 33.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 174.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 175, ср. А. Н. Зограф, МИА, № 4, стр. 159, примеч. 1.

В самом конце IV в. в Причерноморье и, в частности, на Боспоре широкое распространение получает золотая монета Александра Великого. Пантикапейское местное золото, конечно, не могло противостоять обильной македонской чеканке, с которой не мог спорить даже Кизик, чьи электровые монеты быстро вытеснялись со всех денежных рынков. В Пантикапее была сделана попытка согласовать весовую систему своего золота с системой Александра Македонского, чтобы предотвратить вытеснение пантикапейских монет из обращения. Попытка эта заключалась в понижении веса пантикапейского золотого статера до веса статов Александра. Свидетельством этого мероприятия является особая группа пантикапейских статов со средним весом 8,55 г (вместо прежних 9,10) ¹. К. Реглинг показал, что все эти статы типологически относятся к последней, пятой серии, которую и нужно датировать последним десятилетием IV в. до н. э. Статы четвертой серии, очень немногочисленные, чеканились, видимо, недолго в 20-х годах IV в.

Таким образом, мы получаем, хотя и не очень точную (в пределах десятилетий), но достаточно надежную хронологическую канву для истории всей пантикапейской чеканки IV в. Попытаемся теперь разместить на этой канве серебряные и медные монеты Пантикапея, пользуясь для этого, вслед за А. Н. Зографом, методом стилистического сравнения и проверяя датировки, где это будет возможно, анализом совместных находок.

Изучение серебряной и медной пантикапейской чеканки IV в. до А. Н. Зографа никем и никогда не производилось. В описаниях и каталогах монеты обычно разбивались на группы по типам лицевой стороны без малейшей попытки определить серии. А. Н. Зограф в публикации монетных находок из раскопок Тиритаки и Мирмекия 1932—1934 гг. ² впервые сопоставил в стилистическом отношении пантикапейские медные монеты с выпусками пантикапейского золота и на основании этого сопоставления попытался определить и датировать серии медных монет. Позже, в труде «Античные монеты» ³ он проделал ту же работу и по отношению к пантикапейскому серебру. Но исходя из чисто стилистических сопоставлений, он совершенно оставил в стороне другие критерии — совместные находки, весовые данные, деление на номиналы. Между тем привлечение этих данных позволило бы избежать некоторых погрешностей, допущенных в классификации А. Н. Зографа.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Нум. сб., I, стр. 51 и сл.; Нум. сб., II, стр. 86, № 139; К. Реглинг. Die Griechische Goldschatz von Prinkipos, стр. 36.

² МИА, № 4, 1941.

³ МИА, № 16, 1950.

Применяя в дальнейшем метод А. Н. Зографа, мы попытаемся в то же время внести в его классификацию те изменения, которые диктуются указанными критериями.

Вся серебряная и медная чеканка Пантикапея IV в., представляющая первую выпуск золота, т. е. охватывающая всю первую четверть века, разбивается А. Н. Зографом на две серии, к первой из которых он относит два номинала серебра и два номинала меди, а ко второй — только один номинал серебра ¹. Но в другой своей работе он датирует первую пантикапейскую медь концом первой четверти IV в., сопоставляя ее, таким образом, со второй, а не с первой серией серебра ². Чрезвычайная типологическая и стилистическая близость изображений, единство фактуры в обеих сериях А. Н. Зографа и тот факт, что вторая из них представлена всего одним номиналом, заставляет нас рассматривать всю эту чеканку вместе, не производя дальнейшего подразделения на выпуски и допуская возможность одновременной чеканки всех разбираемых монет. Вся эта чеканка включает два номинала серебра (триоболы и оболы) и два номинала меди. Тип лицевой стороны везде один и тот же: голова бородатого сатира, без венка, в профиль. Типы оборотных сторон: на триоболах — лев, идущий влево ³ (табл. III, 35), или голова льва вправо ⁴ (табл. III, 36), на оболах — протомы льва и полумесяц ⁵ (табл. III, 37), на более крупном номинале меди — голова коня вправо ⁶ (табл. III, 38), на меньшем номинале меди — голова барана вправо ⁷ (табл. III, 39). Надпись ΓΑΝΤΙ везде помещена под изображением оборотной стороны ⁸.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 172.

² МИА, № 4, стр. 159.

³ Б. XIX, 29; 3. XL, 1.

⁴ Б. XIX, 30, 31; 3. XL, 5.

⁵ Б. XIX, 32; 3. XL, 2.

⁶ Б. XIX, 33; 3. XL, 3.

⁷ Б. XIX, 27; 3. XL, 4.

⁸ Существует еще один тип серебряной монеты, относящийся к этой же серии: Av. — безбородая голова сатира вправо, Rs. — голова льва вправо, ΓΑΝΤΙ. А. Л. Бертье-Делагард в свое время указал, что монета этого типа, изображенная у П. О. Бурачкова (XX, 83), является подделкой (А. Л. Бертье-Делагард. Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова. М., 1907, стр. 21), и в его сводке весов монеты этого типа отсутствуют. Нам известны всего два экземпляра их, кроме изданной Бурачковым: из бывшего собрания Х. Х. Гийа (С. Н. Giel, табл. I, 8, воспроизведена 3. XL, 6) и из собрания Вебера (Каталог Hirsch'a, XXI, стр. 53, № 789). Не имея возможности решать здесь вопрос об их подлинности, ограничимся лишь следующим замечанием: вес этих экземпляров — 2,54 (Вебер) и 1,62 (Гийа) — не позволяет видеть в них никакой другой номинал, кроме триобола. Если эти монеты подлинные, то придется признать, что в разбираемой группе монет один и тот же номинал был представлен тремя типами.

Вся эта первая серия пантикапейских монет IV в. по своей типологии очень тесно соприкасается с последним выпуском пантикапейского серебра конца V в. Голова барана на медных монетах совершенно тождественна с головой барана позднейшей серии ранних пантикапейских монет с мордой льва впрямь. Вряд ли можно сомневаться в том, что и львы на реверсе рассматриваемых монет являются лишь развитием мотива той же львиной морды, которая была неизменным аверсным типом архаических пантикапейских монет. Таким образом, совершенно новым типом реверса является лишь голова коня. Но и этот тип имеет аналогию в ранней боспорской чеканке, в серебряной монете синдов последней четверти V в., и вероятно появление его в пантикапейской пумизматике объясняется теми же местными условиями, которые были причиной принятия этого типа синдскими монетариями.

Близость рассматриваемой серии к пантикапейской чеканке V в., вытекающая уже из сравнения реверсных типов, еще яснее проявляется в монетной фактуре, которая почти полностью совпадает с фактурой фанагорийских монет самого начала IV в. и с фактурой последней серии пантикапейских монет с львиными мордами впрямь. Голова сатира на наших монетах архаичнее, чем на золотых статерах первого выпуска. Наконец, некоторым доводом в пользу раннего происхождения этой серии может служить то обстоятельство, что оболы с протомой льва встречались среди архаических монет Пантикапея и Фанагории в Тамани¹ и в так называемом эльтегенском кладе². Все эти соображения заставляют датировать первый выпуск пантикапейских монет с головой сатира началом IV в. Рассматриваемые монеты выпускались, вероятно, в течение всей первой четверти IV в., причем чеканка меди относится скорее всего к концу этого периода.

Серия пантикапейского серебра IV в., одновременная первому выпуску пантикапейских статеров, включает три номинала и четыре типа монет. Очень редки монеты самого крупного номинала этой серии, о которых А. Н. Зограф, говоря о серии в целом³, совершенно не упоминает. Нам известно всего три экземпляра монет этого крупного номинала, который А. Л. Бертъе-Делагард считает пентоболом⁴, но в котором скорее можно видеть драхму несколько пониженного веса. Один экземпляр приведен у П. О. Бурачкова⁵, два других (прекрас-

ной сохранности) находятся в собрании ГИМ. На лицевой стороне помещено изображение бородатого сатира в три четверти вправо, на оборотной — лев, идущий вправо и надпись ΓΑΝΤΙ под ним (табл. IV, 40). Полная тождественность типа лицевой стороны этих драхм с типами триоболов и совершенно одинаковые стилистические черты в изображении львов на реверсе делают принадлежность драхм именно к этой серии совершенно несомненной.

Весьма обильна в этой серии чеканка триоболов. Они представлены двумя разновидностями типа, варьирующими все тот же мотив: голова сатира на аверсе и лев на реверсе. Наиболее часто встречаются монеты с типами: Ав. — голова безбородого сатира в три четверти влево, Rs. — лев влево с повернутой впрямь головой, грызущий дротик или копье¹ (табл. IV, 41). Но нередко попадает также и другой сорт триоболов: Ав. — голова бородатого сатира в три четверти вправо, Rs. — лев, приготовившийся к прыжку вправо² (табл. IV, 42). Надпись одинакова на обеих группах триоболов: ΓΑΝΤΙ; она помещена под типом реверса.

В этой серии мы впервые встречаемся с изображением головы сатира в три четверти (обычно этот поворот называют несколько неточно «впрямь»). В этом отношении серебряные монеты опережают золотую пантикапейскую чеканку, в которой эта манера изображения появляется лишь в следующей серии. Одновременность разобранных серебряных монет с первой серией золотых статеров явствует из одинакового стиля тех и других. Особенно заметно это сходство в трактовке волос прямыми прядями, торчащими в стороны. По этому же признаку А. Н. Зограф причисляет к этой серии и серебряные оболы с типами: безбородая голова сатира вправо — протома орлиноголового грифона вправо и надпись ΓΑΝ³ (табл. IV, 43).

А. Н. Зограф относит к этой же серии еще один тип триоболов, на лицевой стороне которых представлена голова безбородого сатира вправо, а на оборотной — лежащий вправо лев и надпись ΓΑΝΤΙ⁴ (табл. V, 53). Однако в этом согласиться с ним невозможно. Правда, изображение оборотной стороны как будто бы соответствует типам разбираемой серии, но фигура лежащего льва на этих триоболах очень мало напоминает сочные и выразительные, очень реалистические, полные экспрессии львиные изображения на триоболах и драмах нашей серии; она значительно грубее и более условна. Но

¹ Б. XX, 86; 3. XL, 14.

² Б. XIX, 44; 3. XL, 13.

³ Б. XX, 87; 3. XL, 16.

⁴ Б. XX, 82; 3. XL, 15.

¹ К. К. Герц. Указ. соч., стр. 45.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 172.

³ Там же, стр. 176.

⁴ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы... стр. 85, № 129.

⁵ Б. XIX, 45.

главным препятствием для причисления этих триоболов к разбираемой серии является трактовка головы сатира на них, в которой уже в значительной степени проявляются черты утрировки, свойственные более поздним выпускам пантикапейских монет. Волосы представлены хотя и прямыми, но грубыми и толстыми раздвоенными прядями, очень характерными для золотых статеров четвертой и пятой серий и современных им серебряных и медных монет; такая трактовка волос никогда не встречается на статерах двух первых групп. Лицо сатира на этих серебряных триоболох совершенно идентично такому же лицу на одном из номиналов большой серии медных монет, которую А. Н. Зограф также считает одновременной первому выпуску золотых статеров, но которая по ряду соображений должна быть датирована значительно более поздним временем.

В эту серию меди А. Н. Зограф включает пять номиналов¹. Судить о времени выпуска двух младших номиналов² очень трудно, так как типы этих маленьких монеток (табл. IV, 51, 52) представляют мало данных для их датировки, а находки их в археологических комплексах неизвестны; во всяком случае, они кажутся несколько более ранними, чем крупные медные монеты, причисленные А. Н. Зографом к той же серии. Эти последние имеют следующие типы:

1) голова бородатого сатира вправо — протома орлиноголового грифона влево, под грифоном осетр влево, надпись ΓΑΝ³ (табл. V, 57);

2) голова безбородого сатира вправо — протома Пегаса вправо, надпись ΓΑΝ⁴ (табл. V, 56);

3) голова безбородого сатира вправо — лук в горите, надпись ΓΑΝ—ΤΙ в две строки: ниже и выше горита⁵ (табл. V, 55).

А. Н. Зограф считает⁶ всю эту серию одновременной первому выпуску золотых статеров на том, видимо, основании, что волосы на этих медных монетах изображаются прямыми прядями и головы сатиров лишены венка, который появляется, начиная с третьей серии золота. Однако эти признаки отнюдь не исключают возможности более позднего происхождения разбираемых медных монет. Несмотря на появление венка на всех золотых и на многих серебряных и медных монетах второй половины IV в. до н. э., некоторые типы могли его и не иметь, что доказывается изображением сатиров без венка

и с прямыми волосами на мельчайших номиналах серебра, которые самим же А. Н. Зографом сопоставляются с третьей серией золотых статеров¹, и на медных монетах, заведомо относящихся уже к III в.²

С другой стороны, многие стилистические черты роднят наши монеты с золотыми статерами поздних (четвертой и пятой) серий³. Мы уже говорили о трактовке волос в виде толстых и раздвоенных прядей, об утрировке черт лица сатира; заметим еще, что борода сатира на монетах большего номинала несколько приподнята, как на статерах последних двух серий, что правая поднятая лапа грифона в точности воспроизводит изгиб лапы на поздних золотых статерах и резко отличается от первоначальной трактовки на первых сериях; что крылья грифона и Пегаса на этих медных монетах разработаны совершенно так же, как крыло грифона на золотых статерах четвертой и пятой серий. Все эти стилистические признаки говорят в пользу нашего предположения о синхронности рассматриваемых медных монет с последними сериями золота (скорее с четвертой серией).

Но еще убедительнее свидетельствует об этом абсолютная хронология. Если по примеру А. Н. Зографа причислить эту медь к первому выпуску золота, то ее пришлось бы датировать 70—60-ми годами IV в. Даже допуская, что эти медные монеты еще имели хождение и во время чеканки следующей второй серии золотых статеров, как думает А. Н. Зограф⁴, все же пришлось бы отнести время их обращения не позднее чем к 50—40-м годам IV в. Предполагать, что они находились в обращении и дальше, нельзя, так как одновременно с третьей серией золотых статеров, т. е. в 30-х годах, производится большой выпуск мелкого серебра, вплоть до тетартемория, которое делало совершенно излишним и очень маловероятным параллельное обращение крупной меди. Таким образом, если бы эти медные монеты были действительно выпущены одновременно с первой серией пантикапейских статеров, то к концу 40-х годов они должны были бы уже исчезнуть из обращения. Между тем мы находим все три типа этих монет в могилах самого конца IV и начала III в. И наоборот: нет ни одного случая находки этих монет в гробницах более ранней поры. Погребальный инвентарь, с которым постоянно встречаются эти монеты,

¹ Б. XIX, 39, XX, 88—89; 90; 91—93; З. XL, 18; 19; 20; 21; 22.

² Б. XX, 90; 96; З. XL, 21, 22.

³ Б. XIX, 39, З. XL, 18.

⁴ Б. XX, 88—89; З. XL, 19.

⁵ Б. XX, 91—93; З. XL, 20.

⁶ МНА, № 4, стр. 159; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 176.

¹ З. XL, 27.

² Б. XIX, 35—37; З. XL, 7.

³ Сам А. Н. Зограф отмечал близость в трактовке типов лицевых сторон большего номинала нашей серии и одной из серий, относящихся даже к III в. См. Е. О. Прушевская. Анапский клад пантикапейских медных монет. ТОНГЭ, I, 1945, стр. 22.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 176.

определен очень четко. Это сетчатые лекифы¹, чернолаковые сосуды с накладными гирляндами², чернолаковые лекифы с красными пальметками³, чернолаковые сосуды с плоским лаком и краснофигурные вазы позднейших стилей⁴, акварельные пелики⁵ и т. п. Вся эта керамика относится большей частью уже к началу III или к самому концу IV в.; хотя отдельные сосуды или даже группы их могут восходить и к несколько более раннему времени, но весь комплекс перечисленных керамических находок, безусловно, характерен уже для III, а не для IV в. до н. э.

Обычно посуда датируется монетами, а не наоборот, но в условиях Боспора, где хронология выпусков меди еще окончательно не разработана, а такие категории керамики, как краснофигурные вазы поздних стилей, датированы довольно точно, может иметь место и обратная датировка монет по категориям керамики, особенно при значительном количестве совместных находок.

Еще показательнее совместные находки разбираемых медных монет с другими монетами. Они встречаются в погребениях вместе с монетами следующих типов: Б. XIX, 35—37, XX, 70, 79—80, 95 (З. XL, 2, 5, 7)⁶. Эти совместные находки также ведут нас в III в. Таким образом, не может быть сомнения в том, что указанные три номинала медных монет выпускались уже в конце IV в. и были в обращении еще в начале III в. до н. э.

Но если мы удалим из серии меди, современной первому выпуску золотых статеров, эти три номинала, в ней останутся только два типа мельчайших медных монет, о которых говорилось выше. При отсутствии в серии мелкого серебра (менее обобла) или замещающей его крупной меди трудно предполагать

¹ ОАК, 1892, стр. 31—32; ИАК, 9, стр. 89, № 83; стр. 92, № 101; ИАК, 22, стр. 8, № 25; ИАК, 30, стр. 3, № 3; стр. 19, № 70; стр. 84—85, № 104; ИАК, 40, стр. 67—69, № 5; ср. датировку этого склепа М. И. Ростовцевым последним десятилетием IV — началом III в. до н. э. М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, стр. 73—74; ИАК, 40, стр. 69, № 6; ИАК, 47, стр. 49, № 20; стр. 24, № 58; ИАК, 56, стр. 36, № 102; стр. 55, № 173.

² ОАК, 1892, стр. 30—31; ИАК, 47, стр. 13—14, № 44; ИАК, 56, стр. 55, № 162.

³ ИАК, 9, стр. 89, № 83; стр. 92, № 101; стр. 100, № 147; ИАК, 22, стр. 8, № 25; ИАК, 30, стр. 3, № 3; ИАК, 40, стр. 68, № 5; стр. 69, № 6; стр. 84, № 38; ИАК, 47, стр. 49, № 20; ИАК, 56, стр. 36, № 102 и др.

⁴ ИАК, 40, стр. 84, № 33; ИАК, 56, стр. 21, № 46; ИАК, 60, стр. 34, № 66, 67 и др.

⁵ ОАК, 1892, стр. 30—31; ИАК, 47, стр. 49, № 20; ИАК, 56, стр. 52, № 162; ИАК, 60, стр. 34, № 66.

⁶ ОАК, 1892, стр. 30—31; ИАК, 9, стр. 175, № 538; ИАК, 30, стр. 81, № 92; ИАК, 47, стр. 13—14, № 44; ИАК, 56, стр. 48, № 148; ИАК, 60, стр. 34, № 67.

и принадлежность к ней мельчайших подразделений меди, так как между серебром и этой мелкой медью получился бы значительный разрыв. Скорее эти мелкие монеты должны быть отнесены к другой серии, более поздней.

Вторая серия золотых пантикапейских статеров, так же как и первая, не имеет соответственной медной чеканки. Единственной монетой, которую можно точно сопоставить с указанной серией, является серебряный тетробол с изображением головы бородатого сатира в три четверти влево на аверсе и головы быка и букв PAN на реверсе¹ (табл. IV, 44). Принадлежность этих тетроболов к той же серии, что и золотые статеры с фасовой головой сатира, совершенно несомненно ввиду разительного сходства их лицевых сторон. Тип оборотной стороны — голова быка — появляется здесь впервые в пантикапейской чеканке. Тип этот объясняли по-разному: А. В. Орешников пытался связать его с культом Деметры², Б. Хэд — с почитанием Артемиды Таврополь³. Но эти попытки мало обоснованы; более вероятно другое предположение А. В. Орешникова: что бык, *βός*, был горящим гербом для второго названия Пантикапея — Боспор (*Bóstoros*)⁴. Эта гипотеза была сочувственно встречена Э. Миннзом⁵ и принята А. Н. Зографом⁶.

Возможно и еще одно объяснение этого типа: голова быка может быть таким же отражением в нумизматике местных хозяйственных условий, как и голова лошади, как осетр и колос; вывоз скота и кож из Северного Причерноморья, наряду с экспортом хлеба и соленой рыбы, всегда составлял один из главных источников дохода для местного населения⁷.

Выпуск третьей серии золотых статеров сопровождался обильной чеканкой серебра. Здесь представлены все номиналы от триоболо до тетартемория. На лицевой стороне всех монет изображена голова сатира, увитая плющем, кроме мельчайших номиналов, где она представлена без венка. Голова, то безбородая, то бородатая, изображается то впрямь, то в про-

¹ Б. XIX, 41—43; З. XL, 17.

² А. В. Орешников. Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов. М., 1884, стр. 10.

³ B. Head. *Historia numorum*, стр. 281.

⁴ Каталог собрания древностей гр. Уварова, в. VII, М., 1887, стр. 51—52; А. В. Орешников. Эскизы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М., 1914, стр. 50; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, II, стр. 126; о названии Пантикапея Боспором см. С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, в. 104, стр. 8, примеч. 3=СП, стр. 160, примеч. 3.

⁵ E. Minns. Указ. соч., стр. 629.

⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 176.

⁷ Polyb., IV, 38, 5; Strabo, VII, 4, 6.

филь. Типы оборотных сторон следующие: лев с повернутой назад головой, выгнувшийся вправо¹ (табл. IV, 45); лев, пожирающий оленя, вправо² (табл. IV, 46); голова барана³ (табл. IV, 47); протома льва, повернувшегося назад, сзади лавровая ветвь⁴ (табл. IV, 48); та же протома льва, но сзади зерно⁵ (табл. IV, 49). Большинство типов повторяет, как видим, прежние мотивы — голова барана, лев.

К этой серии А. Н. Зограф⁶ относит только одну медную монету, имеющую на лицевой стороне голову бородатого сатира в венке влево, а на обороте — голову осетра вправо и подпись ΓΑΝ⁷ (табл. IV, 50). Но к этой же серии могут быть предположительно отнесены и те две маленькие медные монетки, которые А. Н. Зограф считает, как и другие, еще более поздние медные монеты, современными первой серии золотых статов. Типы их: лицевая сторона — голова безбородого сатира без венка вправо, обратная сторона — голова быка влево и буквы ΓΑΝ (табл. IV, 51) или лук и буквы ΓΑΝ⁸ (табл. IV, 52). Стиль монет не препятствует причислению их к рассматриваемой серии; по величине и весу они могли бы быть половиной и четвертью того номинала, который представлен в этой серии медной монеткой с головой осетра.

Для четвертой группы золотых статов А. Н. Зограф⁹ находит аналогию только в крупных медных монетах с изображением бородатой головы сатира в венке влево на аверсе и лука со стрелой на оборотной стороне¹⁰ (табл. V, 54). Но мы считаем возможным включить в эту же серию три вышеописанные номинала меди, сопоставляемые А. Н. Зографом с первым выпуском золота (табл. V, 55—57). Мотивы для такой датировки этих медных монет уже были приведены выше¹¹. К этой же серии должны быть причислены и серебряные триболы с лежащим львом на оборотной стороне, лицевой тип которых совершенно одинаков с типом среднего номинала этой меди (табл. V, 53). Из реверсных типов этой серии следует отметить

прежде всего появление в качестве добавочного символа изображения осетра. Это изображение, так же как и голова осетра на медных монетках предыдущей серии, несомненно, намекает на рыбные богатства Боспора и значение рыбного промысла для экономики страны¹. Другие типы этой же серии объяснить трудно. Протома Пегаса, лук и стрела, лук в горите, так же, как и лук на мельчайших монетах предыдущей серии, скорее всего могли бы быть связаны с культом Аполлона², но уверенности в такой связи все же нет.

К последней, пятой серии золотых статов примыкают два номинала серебра и два номинала меди. Серебряные монеты представлены дидрахмами с головой безбородого сатира в плетеном венке влево на аверсе и головой быка влево на реверсе³ (табл. V, 58) и триболами с той же головой в три четверти влево и со скальпом льва вправо на реверсе⁴ (табл. V, 59). Реверсный тип триболов совершенно определенно заимствован с самосских монет. На это указывает вся трактовка львиного скальпа: закрытые глаза, распластанная нижняя челюсть, обрамление морды волосами с трех сторон. Совершенно подобную трактовку львиного скальпа находим мы на самосских серебряных монетах последней четверти IV в.⁵. Однако вряд ли есть основания усматривать в этом заимствовании монетного типа свидетельство какой-то особой роли, которую играл Самос в экономической и политической жизни Боспора, как нельзя делать заключения о тесных взаимоотношениях Херсонеса с Сицилией лишь на том основании, что сиркузская квадрига как раз в это же время появляется на херсонесских монетах⁶. Заимствование самосского типа пантикапейскими монетчиками могло произойти тем скорее, что близкий ему тип фасовой львиной головы был хорошо разработан, как мы видели, в пантикапейской нумизматике еще в VI—V вв. до н. э.

Медные монеты этой серии имеют на лицевой стороне безбородую голову сатира в венке влево, совершенно такую же как на золотых полустатах. Обратная сторона большего номинала занята головой быка влево⁷ (табл. V, 60), а меньшего — головой льва влево и осетром под ней⁸ (табл. V, 61).

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 176.

² Ср. Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 350.

³ Б. XX, 59—60; З. XL, 31.

⁴ Б. XX, 67; З. XL, 29.

⁵ P. Gardner. Samos and Samian coins. Num. Chr., 1882, табл. X, 11—15.

⁶ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. ИГАИМК, V, 1927, стр. 387—388.

⁷ Б. XX, 60; З. XLI, 1.

⁸ Б. XX, 70, 71; З. XLI, 2.

¹ Б. XX, 69; З. XL, 25.

² Б. XIX, 46; З. XL, 24.

³ Б. XIX, 26; З. XL, 23.

⁴ Б. XX, 65—66; З. XL, 26.

⁵ З. XL, 27.

⁶ МИА, № 4, стр. 159; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 177.

⁷ Б. XIX, 54; З. XL, 28.

⁸ Б. XX, 90; З. XL, 21; Б. XX, 96; З. XL, 22.

⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 177.

¹⁰ Б. XIX, 49; З. XL, 30.

¹¹ Что все три номинала этой меди принадлежат к одной серии, следует не только из единства стиля их, но и из постоянных совместных находок их в могилах, ср. ИАК, 17, стр. 72—73, № 359, ИАК, 30, стр. 19, № 70; стр. 84—85, № 104; ИАК, 35, стр. 18, № 25 и др.

Давно уже было указано на сходство этого последнего типа с изображениями на одной из групп кизикинов¹, которые может быть и послужили оригиналами для пантикапейской меди.

Рассмотренная серия является последним одновременным выпуском золотой, серебряной и медной монеты. Единство этого выпуска ясно доказывается сравнением голов сатира на монетах всех трех металлов, трактованных совершенно одинаково. Датировка выпуска самым концом IV в. не вызывает сомнений. За это говорит прежде всего уже отмечавшаяся метрологическая особенность значительной части золотых статеров этой группы². Находки медных монет этой серии в погребениях также относятся, судя по составу инвентаря (акварельные целики, лекифы с красными пальметками), к самому концу IV или чаще уже к началу III в. до н. э.³ Но наиболее показательны находки этих медных монет в составе многочисленных кладов. Особенно часто встречаются монеты типа Б. XX, 70, 71 (З. XLI, 2) с головой льва и осетра на оборотной стороне. Чеканка их была очень обильна, а время обращения довольно длительно, о чем свидетельствует наличие большого количества этих монет с надчеканками: на аверсе — двенадцатилучевой звезды, на реверсе — горита⁴ (табл. V, 62). Надчеканенные монеты имели хождение уже в начале III в. и в свою очередь подверглись затем перечеканке новыми типами — голова безбородого сатира влево в плющевом венке и лук и стрела⁵ (табл. VI, 67). К началу III в. относятся и монеты с головой бородатого сатира без венка на аверсе и головой быка на реверсе⁶ (табл. V, 63, 64), также позднее перечеканенные новым типом: голова безбородого сатира в венке влево, лук и стрела⁷.

Эти серии занимают всю первую четверть III в., когда никакая другая монета, кроме этой деградирующей меди не выпускается.

¹ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 353; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 177.

² Ср. МИА, № 4, стр. 159.

³ ОАК, 1866, стр. XI; 1872, стр. XXIII—XXIV; 1875, стр. XIV; ИАК, 9, стр. 90, № 92 и др.

⁴ Б. XX, 72; З. XLI, 3.

⁵ Б. XX, 73—74; З. XLI, 4.

⁶ Б. XX, 35—37; З. XLI, 7. А. Н. Зограф сначала предполагал, что некоторая часть монет этой группы могла относиться еще к IV в., даже к его середине (МИА, № 4, стр. 159), но затем отказался от этой мысли и поместил всю серию во второе десятилетие III в. (см. Е. О. Пруш в е с к а я. Указ. соч., стр. 22). Вся эта серия, безусловно, една и выпуск ее относится к одному времени.

⁷ Б. XX, 79—80; З. XLI, 5.

2. Пантикапейская чеканка периода денежного кризиса

Прекращение чеканки золотой и серебряной монеты в Пантикапее где-то на рубеже IV и III в. до н. э. и ограничение деятельности монетного двора выпуском одной меди лишает нас возможности применения по отношению к этой пантикапейской меди первой половины III в. до н. э. того метода сопоставления с одновременной золотой и серебряной чеканкой, который был использован для датировки медных монет IV в. Хронологическое размещение многочисленных медных пантикапейских монет периода денежного кризиса первой половины III в. представляется весьма затруднительным, но последовательность выпусков их определяется сравнительно легко на основании чрезвычайно обильных в это время надчеканок и перечеканок¹.

Серия медных монет, выпущенная в самом конце IV в. до н. э. одновременно с последним выпуском золотых статеров, явилась исходным моментом для всей дальнейшей медной пантикапейской чеканки первой четверти III в. Крупные монеты этой серии (вероятно, оболы — табл. V, 60) были выпущены в сравнительно небольшом количестве и недолго находились в обращении: они встречаются довольно редко и перечеканки или надчеканки на них неизвестны.

Зато монеты меньшего номинала той же серии, имеющие на оборотной стороне изображение головы льва и осетра (табл. V, 61)², послужили материалом для ряда перечеканок. Уже в начале III в. до н. э. они изымаются из обращения и выпускаются вновь на денежный рынок в надчеканенном виде: на лицевой стороне они получают надчеканку в виде двенадцатиконечной звезды, на оборотной — в виде лука в горите³ (табл. V, 62). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что надчеканка эта производится всегда аккуратно, новые штампы никогда не попадают на край монетного кружка, аверс и реверс при этой операции всегда различаются. Более поздние перечеканки пантикапейской монеты всегда отличаются крайней небрежностью, свидетельствующей о спешном и массовом характере перечеканки.

¹ Эта пантикапейская чеканка первой половины III в. до н. э. подробно разобрана нами в статье «Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э.» (МИА, № 33, 1954); там же дана и таблица серий пантикапейской меди этого времени.

² Б. XX, 70—71; З. XLI, 2.

³ Б. XX, 72; З. XLI, 3. П. О. Карышковским недавно опубликована уникальная монета этого типа с дополнительной надчеканкой в виде венка. П. О. Карышковский. Несколько неизвестных монет античного Причерноморья. Нум. сб. в память А. В. Орешникова, II. М., 1956, стр. 30, № 11, табл. 1, 11.

Одновременно с указанными перечеканками выпускаются медные монеты другого типа, вероятно, являющиеся младшим номиналом той же серии. На аверсе их изображена голова бородатого сатира влево, на реверсе — голова быка влево¹ (табл. V, 63). Синхронность их с разобранными перечеканками доказывается рядом соображений: типологическая близость их к монетам IV в., сравнительно полный вес (около 4 г) и хорошая фактура их, неоднократные находки этих монет в комплексах с монетами еще конца IV в. и отсутствие их вкладах середины III в. до н. э. — все это заставляет датировать начало выпуска монет с головой быка еще первым десятилетием III в. до н. э. и сопоставить их с первыми перечеканками, относящимися к самому началу этого столетия².

Однако, хотя монеты с головой быка в большинстве своем имеют хороший вес и фактуру, среди них встречаются экземпляры малого веса (ок. 2,5 г), небрежного стиля, чеканенные наспех, со скошенным гуртом и следами литников (табл. V, 64). Эти признаки указывают на то, что монеты с головой быка выпускались довольно долго и успели за время своего выпуска претерпеть всю ту стилистическую и техническую деградацию, которую испытали и другие монеты в течение первой половины III в. до н. э.

Этим деградировавшим монетам с головой быка соответствует чеканка, в качестве большего номинала, медных монет нового типа: на лицевой стороне — голова безбородого сатира в плющевом венке влево, на оборотной — лук и стрела³ (табл. VI, 65). Некоторое количество монет этого нового типа было чеканено на новых монетных кружках, но огромное большинство их было получено на первых порах путем спешной перечеканки новыми типами монеты прежних выпусков с изображением головы льва и осетра, еще ранее подвергшихся, как мы знаем, надчеканке (табл. VI, 67). Новая перечеканка производится довольно спешно и небрежно, так что старые типы обычно выглядят из-под новых и особенно ясно проступают всегда надчеканки⁴. Монеты этой новой серии с изображением лука и стрелы на оборотной стороне выпускались особенно интенсивно. Во всех музейных собраниях и в находках монет при раскопках боспорских городов именно эта категория нумизматических памятников Боспора является наиболее многочисленной. Эти монеты выпускались не только в очень большом количестве, но и в течение продолжительного времени:

видимо, почти вся первая половина III в. до н. э. занята обильной чеканкой этой деградирующей меди.

Если первые выпуски медных монет с новыми типами (табл. VI, 65) имеют еще хорошую фактуру (прямой гурт, отсутствие литников) и довольно высокий вес, обычный для данного номинала (5—7 г), то очень скоро начинается резкое ухудшение качества монеты. Огромное большинство их чеканено наспех, кое-как, причем кружки для них отливались не в индивидуальном порядке, а целыми партиями, в общих формах, соединенных канальцами. Об этом свидетельствует скошенный гурт монет и следы обруба литников, которые даже не считали нужным удалить¹ (табл. VI, 66). Одновременно происходит очень быстрая деградация типа монет, указывающая на крайне неряшливое или неумелое (или то и другое вместе) изготовление многочисленных штемпелей, при помощи которых эти монеты чеканились. От большой высокой художественности боспорских монетных типов не остается и следа. Чеканка производится столь же небрежно, как и отливка монетных кружков и изготовление штемпелей: при чеканке штемпель часто приходится на край монеты, так что изображение получается только частично; если производится перечеканка из старых монет, прежний тип не сглаживается и ясно выступает из-под нового, часто искажая последний. По всему видно, что пантикапейские монетарии этого времени были озабочены одним: непрерывно наполнять денежный рынок огромным количеством все деградирующей медной монеты, не обращая при этом внимания ни на художественное достоинство их, ни на их качество и даже вес.

Монеты с луком и стрелой, несомненно, принадлежат к тому же номиналу, что и более ранние монеты с головой льва и осетра; это доказывается как перечеканкой последних новыми типами, так и весом и размером наиболее ранних из монет с луком и стрелой. Нормальным весом для монет этого номинала, как показывают серии меди конца IV века до н. э., является вес в 7,5—5 г. Но только самые первые выпуски монет с луком и стрелой выдерживают эту норму, а затем параллельно с их технической и стилистической деградацией начинается и быстрое падение веса их, так что наихудшие (и, следует думать, наиболее поздние) из них имеют вес не более 2 г, а иногда и еще меньше².

¹ Б. XX, 79—80; З. XLI, 5; Ср. А. Н. Зограф. МИА, № 4, стр. 160; МИА, № 16, стр. 177.

² Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954, стр. 59—60.

³ Б. XX, 73—74; З. XLI, 4.

⁴ Б. XX, 75—78.

На этой стадии весовой и стилистической деградации становится возможной перечеканка этими же типами (лук и стрела) выпущенных ранее монет с головой быка¹, первоначально являвшихся, видимо, лишь половиной того номинала, который был представлен монетами с головой льва и осетром, а затем монетами с луком и стрелой. Такая перечеканка монет меньшего номинала типами большего номинала стала возможной благодаря резкому падению веса этого последнего.

Примерно к концу второй четверти III в. до н. э. на денежном рынке Боспора остался только один вид совершенно обесцененной медной монеты. Это монеты незначительного веса и небрежно чеканенные с изображением лука и стрелы на обороте (табл. VI, 66). Тогда была предпринята попытка нормализации денежного обращения путем выпуска совершенно новой серии медных монет. Новые монеты имеют на лицевой стороне изображение головы Аполлона вправо, на оборотной — изображение орла с распушенными крыльями вправо (табл. VI, 68)².

Привлекает внимание прежде всего сама замена привычного аверсного типа, постоянно помещавшегося на всех пантикапейских монетах в течение полутора столетий, — головы сатира — новым типом — головой Аполлона. Хотя голова Аполлона никогда до этого в пантикапейской нумизматике не фигурировала³, но атрибуты, относящиеся к культу этого наиболее почитаемого в Пантикапее божества, постоянно изображались, как мы видели, на пантикапейских монетах. Поэтому и появление на них головы самого бога или еще одного его атрибута, треножника, не должно нас удивлять.

А. Н. Зограф высказал очень вероятное предположение, что резкая смена монетных типов имела своей целью вызвать большее доверие к новым выпускам монет и содействовать

кова и до сих пор придерживается Ю. С. Крушкoл (Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Госуд. Исторического Музея. СА, XV, 1951, стр. 259 сл.). Однако датировка эта, безусловно, ошибочна. Монеты с луком и стрелой первой половины III в. до н. э. проходят все стадии постепенной деградации и отрыват от них последнюю ступень деградации невозможно. Кроме того, в денежном обращении I в. места этим монеткам не находится.

¹ Е. О. Прушевская. Указ. соч., стр. 21.

² Б. XXII, 163—164; 3. XLI, 10. На таблицах П. О. Бурачкова голова Аполлона ошибочно представлена бородатой.

³ Правда, существует несколько публикаций монет с изображением головы Аполлона, относящихся якобы к IV и даже V в. до н. э. (Б. XIX, 24, 25, 48; Ю. С. Крушкoл. ВДИ, 1950, № 1, табл. III, 6, IV, 1; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, табл. I, 6). Однако часть из этих монет является заведомо поддельными (например, Б. XIX, 24; ср. А. Л. Бертье-Делагард. Поправки. . .), другие весьма сомнительны и ни одна из них не может быть с уверенностью признана подлинной.

стабилизации курса медной монеты¹. Однако это мероприятие, как показывает история дальнейшей пантикапейской чеканки, успеха не имело.

Вновь выпущенные монеты уже с самого начала всем своим обликом свидетельствуют о том же кризисном состоянии боспорского монетного дела. Хотя они и чеканились на новых монетных кружках, но фактура их и стиль обнаруживают тот же спешный темп чеканки, который характерен для выпуска предыдущих серий. И здесь мы наблюдаем очень грубое и небрежное исполнение штемпелей, наличие скошенного гурта и литников на монете, частые сдвиги штемпеля на край монеты и тому подобные признаки кризисного состояния монетного дела.

Одновременно с выпуском этих монет, мелкие монеты с типами лука и стрелы, находившиеся уже в обращении, были подвергнуты перечеканке новыми типами: головы Аполлона на аверсе и треножника на реверсе² (табл. VI, 69), впрочем, часть монет подверглась не перечеканке, а лишь наложению надчеканки в виде треножника (табл. VI, 70). Видимо эти надчеканенные и перечеканенные мелкие монеты составили младший номинал в серии, где старший номинал был представлен вновь выпущенными монетами с головой Аполлона и орлом. Каковы были эти номиналы, можно только догадываться. Поскольку вес монет с изображением орла составляет обычно 4—5 г, можно думать, что его хотели приблизить к весу монет с луком и стрелой до их редукции и что монеты с типом орла должны были представлять тот же номинал, который ранее олицетворяли эти монеты (и монеты с головой льва и осетром). Впрочем, вес новых монет даже при первом выпуске их не достиг норм, принятых в конце IV и начале III в. до н. э., а затем он стал опять падать.

С новой серией монет произошло то же, что и с монетами с луком и стрелой: быстрое уменьшение веса и дальнейшая деградация типа, что очень скоро потребовало подтверждения стоимости монет посредством надчеканки треножником³ (табл. VI, 71), а затем привело к перечеканке их новыми типами: Ав. — голова бородатого сатира в венке вправо; Rs. — лук и стрела⁴ (табл. VI, 72, 73). Этими же типами перечеканиваются монеты младшего номинала с головой Аполлона и треножником. Одновременно чеканятся совсем маленькие монетки с теми же типами, но голова сатира на них представлена без плече-

¹ МНА, № 4, стр. 154; МНА, № 16, стр. 179.

² Б. XXI, 123; 3. XLI, 9.

³ Б. XXII, 165—167; 3. XLI, 11.

⁴ Б. XIX, 51; 3. XLI, 6.

вого венка и надпись на них ΓΑΝ, а не ΓΑΝΤΙ, как на монетах большего размера¹.

Все эти последовательные перемены в чеканке произошли, повидимому, довольно быстро на протяжении конца второй четверти и середины III в. до н. э. Монет с головой Аполлона и орлом, равно как и монет с треножником известно значительно меньше, чем монет предыдущей серии с головой безбородого сатира и луком и стрелой.

Последний выпуск автономной пантикапейской медной монеты периода денежного кризиса представляют крупные монеты с совершенно новыми типами. На лицевой стороне их изображена голова Посейдона вправо, на оборотной — корабельная прора влево и надпись ΓΑΝΤΙ² (табл. VI, 74). Монеты эти тесно примыкают к только что разобранным сериям первой половины и середины III в. до н. э. по своим фактурным данным; хотя они чеканены, как правило, на новых монетных кружках (любопытным исключением является опубликованная Г. Кёлером и Г. И. Спасским монета этого типа, перечеканенная из пантикапейской меди первой половины III в. до н. э.)³, они все же, так же как и монеты предыдущих серий, имеют скошенный гурт и следы отрубав литников, также подвергаются надчеканкам, также сильно колеблются в весе. Однако они не переживают той стилистической деградации, которая так характерна для всех предыдущих выпусков. Можно смело утверждать, что эта серия была последней в ряду обильных выпусков меди периода денежного кризиса. Мы видели, что последовательность всех предыдущих выпусков твердо засвидетельствована многочисленными перечеканками и надчеканками, среди которых монетам с головой Посейдона места нет. Форма надписи ΓΑΝΤΙ также заставляет нас отнести эту серию в самый конец чеканки времени кризиса.

Признание монет с головой Посейдона последними свидетельствами денежного кризиса на Боспоре очень важно в том отношении, что они, единственные из всей пантикапейской чеканки III в. до н. э., поддаются сравнительно точной датировке. А. Н. Зограф на основании сходства их лицевых сторон с тетрадрахмами, носящими имя Антигона, относит их к третьей четверти III в. до н. э.⁴ Тем самым хронологически определяется и конец денежного кризиса. Монеты с головой Посейдона вместе с ранее выпущенной городской медью составляли основ-

ную массу медной монеты, обращавшейся на местных боспорских рынках в момент проведения Левконом II денежной реформы¹. Ввиду этого нам придется более подробно коснуться этих монет в следующей главе при рассмотрении мероприятий Левкона II, теперь же попытаемся восстановить общую картину монетной системы и денежного обращения на Боспоре в IV и первой половине III в. до н. э.

3. Весовая система и система номиналов в пантикапейской чеканке IV — первой половины III в. до н. э.

Несмотря на то, что в IV в. до н. э. в Пантикапее чеканилась монета из всех трех важнейших монетных металлов, основу денежного обращения на Боспоре, как и в VI—V вв., составляло пантикапейское серебро. Золотые статеры, выпускавшиеся очень регулярно, начиная с 70-х годов IV в., были предназначены, как увидим ниже, главным образом для нужд внешней торговли. Что же касается меди, то крупные номиналы ее, которые могли до некоторой степени заменить серебро, начали выпускаться только в последней трети IV в. С этого времени серебро постепенно вытесняется из обращения и заменяется медной монетой, которая в первой половине следующего столетия становится единственным местным платежным средством на Боспоре.

Определение номиналов серебряной монеты не представляет особого труда. Каждый номинал каждой серии имеет определенные типы лицевой и оборотной стороны (иногда один номинал представлен даже двумя типами), которые ясно отличают его от других номиналов той же серии и от тех же номиналов других серий; вес монет внутри отдельных номиналов, хотя и колеблется довольно значительно, но не соприкасается очень близко с весами монет соседних номиналов. Таким образом, те трудности, которые возникали на пути определения номинала монет в боспорской чеканке V в., здесь не существуют.

Общую сводку серебряных пантикапейских монет IV в. до н. э. с указанием их веса и номиналов мы находим в той же капитальной работе А. Л. Бертье-Делагарда «Материалы для весовых исследований...». Его определения номиналов серебра IV в. не вызывают никаких возражений, за исключением указанной уже монеты Б. XIX, 45, которую он считает пентоболом², но в которой, судя по весу трех известных экземпляров, скорее следует признать драхму.

Вся серебряная чеканка Пантикапея IV в. может быть представлена в виде следующей таблицы:

¹ Д. Б. Шелов. Денежная реформа Левкона II. ВДИ, 1953, № 1, стр. 37.

² Нум. сб. II, 1913, стр. 85, № 129.

¹ Б. XIX, 38; XXII, 161.

² Б. XXII, 153.

³ Н. К. Коehler. Serapis, II, 1850, табл. IX, 26; Г. Спасский, Археолого-нумизматический сборник. М., 1850, табл. I, 13.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 179; МИА, № 4, стр. 154.

Дата	Одно- пре- мная серия золота	Номиналы серебряной монеты						
		статер	драхма	тетрабол	триобол	диобол	обол	гемобол
400—375	—				Б. XIX, 29 (3. XL, 1) Б. XIX, 30— 31 (3. XL, 5)		Б. XIX, 32 (3. XL, 2)	
375—360	I		Б. XIX, 45		Б. XIX, 44 (3. XL, 13) Б. XX, 86 (3. XL, 14)		Б. XX, 87 (3. XL, 16)	
360—340	II			Б. XIX, 41— 43 (3. XL, 17)				
340—330	III				Б. XIX, 46 (3. XL, 24) Б. XX, 69 (3. XL, 25)	Б. XIX, 26 (3. XL, 23)	Б. XX, 65— 66 (3. XL, 26)	ЗРАО, V 76 д. V, 29
330—315(?)	IV				Б. XX, 82 (3. XL, 15)			
315(?)—300	V	Б. XX, 59— 60 (3. XL, 31) _h			Б. XX, 67 (3. XL, 29)			

Чрезвычайно интересно сравнить систему серебряной пантикапейской чеканки IV в. с монетными системами Боспора V в. до н. э. Общей чертой для обоих периодов является преобладание в чеканке мелких номиналов: как видно из таблицы, крупные номиналы серебра, статер и драхма, чеканятся в IV в., как и раньше, лишь эпизодически. И теперь пантикапейское серебро выпускается в расчете на удовлетворение потребностей местного рынка и не предназначается для обращения на широкой арене. Но если в V в. наиболее постоянной единицей системы в чеканке боспорских городов был диобол, то теперь основным номиналом серебра является триобол, встречающийся почти во всех сериях серебра, а иногда представленный в серии даже несколькими типами. В этом можно видеть переход от исконного азиатского шестиричного деления статера, заимствованного боспорскими греками из Ионии вместе с самой чеканкой, к четверичному, общепринятому в греческом мире. Такой переход должен быть объяснен сдвигами, которые произошли в экономике Боспора за этот период, возросшим значением торговых связей с областями материковой Греции, прежде всего с Атикой, и сокращением удельного веса торговли с городами Ионии.

Несколько особняком стоит серия серебра, представленная всего одним номиналом и то необычным — тетроболом. В ней нет даже триоболов, составляющих основу всей системы. Дата чеканки этих серебряных тетроболов — 50—40-е годы IV в. — определяется временем выпуска второй серии золотых статеров, лицевой тип которых точно соответствует лицевому типу тетроболов.

А. Н. Зограф высказал предположение, что весь этот выпуск, включавший золотые статеры и серебряные тетроболы, был рассчитан на внешнее обращение, в частности на торговлю с Афинами. При этом А. Н. Зограф исходит из того, что эгинский тетробол по весу почти равен аттической драхме и что на реверсе тетроболов помещается «говорящая эмблема» Пантикапея-Боспора — бык¹. Относительно значения головы быка, как *arête parlante* Боспора, мы уже говорили выше. Но гипотеза А. Н. Зографа не учитывает того обстоятельства, что эгинская система применялась на Боспоре для чеканки серебра в облегченном варианте и что между боспорским тетроболом и аттической драхмой существует довольно значительная разница в весе. Вес тетроболов, о которых идет речь, даже если выводить его теоретически из веса самого крупного на Боспоре в IV в. до н. э. номинала — статера, не достигает 4,00 г, а взвешивание самих тетроболов дает для них нормальный вес около

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 176.

3,50 (средний вес будет ещё ниже — 3,41)¹. Между тем средний вес аттической драхмы этого времени, выведенный из веса тетрадрахм, равняется 4,26 г², а полученный от взвешивания самих драхм — 4,17³. Такая значительная разница между весами аттической драхмы и пантикапейским тетроболом говорит, как нам кажется, против попытки А. Н. Зографа связать пантикапейское и аттическое денежное обращение при помощи этих тетроболов. Предположение А. Н. Зографа вызывает возражения еще и с другой стороны. Если бы пантикапейские тетроболы имели хождение наряду с аттическими драхмами и были бы выпущены для такого именно обращения, мы вправе были бы ожидать находок не столько пантикапейских тетроболов в Афинах, сколько аттических драхм на Боспоре. Между тем ни находок пантикапейского серебра на почве Аттики, ни находок афинских монет на Боспоре не зарегистрировано и у нас нет никаких оснований предполагать, что афинское и пантикапейское серебро где-нибудь соприкасалось в обращении. Наконец, самим А. Н. Зографом высказанное и обоснованное положение о назначении золотой пантикапейской монеты, как монеты, предназначенной специально для внешней торговли, делает маловероятным параллельный выпуск предназначенного для той же цели серебра, да еще такого мелкого номинала. Все эти соображения заставляют нас воздержаться от принятия гипотезы А. Н. Зографа. Тем не менее этот выпуск серебра действительно выделяется из всех остальных уже тем, что обычный в IV в. номинал — триобол заменен здесь тетроболом и тем, что кроме этих тетроболов никакой серебряной или медной монеты выпуск в себя не включает. Может быть он имел какое-нибудь специальное назначение, ближе определить которое мы пока не можем.

Обращает на себя внимание почти полное прекращение чеканки мельчайшей серебряной монеты — гемибол и меньше — еще задолго до начала массовой чеканки меди. Только в одной серии в 30-х годах IV в. были выпущены все номиналы от триобола до тетартемория. Здесь последний раз серебро применяется для чеканки мелкой монеты, в более поздних выпусках оно вытесняется медью.

Две последние серии серебряных монет IV в. представлены главным образом триоболами, причем в каждой серии имеется только один тип триобола, а не два, как было до сих пор. Совсем исчезает из чеканки обол, видимо замененный медью. Правда, к последней серии относятся серебряные статеры,

впервые появившиеся в боспорской чеканке, но их известно очень немного, выпуск их был видимо кратковременен и невелик¹. Если вспомнить, что уже в начале III в. совершенно прекращается чеканка серебра и в обращение поступает только медная монета, которая постепенно все более теряет в весе и размере, то мы должны будем признать, что эти перемены произошли не вдруг и что начало постепенного исчезновения серебра из обращения падает на конец IV в. Вероятно, еще в последней четверти IV в. начинают действовать те факторы, которые привели затем к глубочайшему кризису всю денежную систему Пантикапея.

В вопросах определения весовых норм пантикапейского серебра мы опять должны опираться на сводку монет, составленную А. Л. Бертье-Делагардом. Количество дополнений, которые мы могли внести в его сводку, очень невелико, не более 10—12% всего числа взвешиваний².

Наибольший интерес представляет вес самого постоянного номинала серебра — триобола. А. Л. Бертье-Делагард вывел средние веса по каждой группе триоболов и получил следующие результаты:

№№ А. Л. Бертье- Делагарда	Типы	Колебания в весе	Средний вес
№ 123	Б. XX, 69 (З. XI, 25)	2,72—2,07	2,37
№ 127	Б. XX, 67 (З. XI, 29)	2,61—1,85	2,32
№ 130	Б. XIX, 44 (З. XL, 13)	2,64—1,65	2,29
№ 131	Б. XIX, 46 (З. XI, 24)	2,62—1,92	2,38
№ 132	Б. XX, 86 (З. XL, 14)	2,62—2,03	2,43
№ 133	Б. XIX, 29 (З. XL, 1)	2,64—2,43	2,58
№ 135	Б. XIX, 30—31 (З. XI, 5)	2,66—1,85	2,36
№ 136	Б. XX, 82 (З. XL, 15)	2,62—2,09	2,32

¹ Ср. Нум. сб. II, стр. 83, № 120.

² Эти дополнительные данные получены нами путем взвешивания монет из новых поступлений в ГМИИ им. Пушкина (быв. коллекции А. Г. Голикова) и ГИМ, а также заимствованы из сравнительно недавно вышедших каталогов в тех случаях, когда существовала полная уверенность, что монета, указанная в таком каталоге, в сводку А. Л. Бертье-Делагарда не вошла.

¹ Н. сб. II, стр. 84, № 128.

² BMC, Attica, 1888, стр. 6—8, №№ 41—71; ср. Н. сб., I, стр. 26.

³ BMC, Attica, стр. 9, №№ 74—81.

Если распределить эти средние веса триоболов по сериям в хронологическом порядке, установленном выше, получаются такие цифры последовательного изменения среднего веса:

1.	2,58;	2,36;
2.	2,29;	2,43;
3.	2,38;	2,37;
4.	2,32;	
5.	2,32.	

Резкие колебания средних весов показывают, что средний вес в данном случае не может считаться нормальным, т. е. «указным» весом номинала, тем более, что даже в пределах одной серии триоболы разных типов имеют, оказывается, различные средние веса: 2,58 и 2,36; 2,29 и 2,43. Для определения нормального веса номинала по каждой серии мы должны прибегнуть к тому же методу весовой шкалы, которым мы пользовались при изучении серебряной чеканки боспорских городов V в. Применение метода графического размещения индивидуальных монетных весов на весовой шкале сразу устраняет все недомыслия, связанные с резкой разницей в средних весах. Какую бы серию триоболов (кроме двух последних, о которых речь будет дальше) мы ни взяли, мы всегда получим наибольшее скопление экземпляров в одном и том же месте весовой шкалы — около веса 2,50—2,60, в то время как остальные экземпляры располагаются довольно разбросанно по всей остальной шкале; при этом наиболее легковесные монеты отступают от нормы весьма далеко — ниже 2,00 г. Эти-то неполновесные экземпляры и понижают цифры среднего веса, причем понижают, как мы видели, весьма неравномерно, в зависимости от того, как далеко отстоят они от средних цифр.

Между тем нормальный вес номинала не должен был бы значительно колебаться по крайней мере в течение небольшого промежутка времени и тем более в пределах одной серии. Обращает на себя внимание также тот факт, что во всех сериях триоболов наибольший вес отдельных экземпляров очень редко выходит за пределы той же нормы 2,60, и если выходит, то очень незначительно — до 2,64, 2,66 и только один раз зарегистрирован триобол с весом 2,72. Особенно ясно эти явления выступают на сводной весовой шкале, на которой расположены все триоболы четырех первых серий. Такое совмещение разновременных выпусков на одной шкале возможно только благодаря тому, что весовые материалы всех этих серий дают одну и ту же картину и нет никаких оснований усматривать какие-либо метрологические изменения в чеканке за все время их выпуска.

Отнюдь не будучи сторонниками определения нормального веса номинала по наивысшему весу отдельного экземпляра, необходимо все же признать, что в данном случае нормальный вес пантикапейских триоболов стоит очень близко к этому высшему показателю, составляя примерно 2,60. Эта норма оставалась неизменной на протяжении почти всего периода выпуска эгинских триоболов в IV в. Только последние две серии триоболов дают несколько отличную картину. Индивидуальные веса их колеблются в тех же границах, от 2,62 до 1,85, но они не дают ясного скопления экземпляров в одном месте весовой шкалы¹. Может быть это является результатом недостаточного количества известных нам триоболов этих серий, но скорее это явление неслучайно. Здесь можно предполагать либо большую небрежность чеканки, в результате которой отклонение монет от нормы в сторону уменьшения веса становится более частым, либо понижение самой нормы. В обоих случаях мы имеем дело с изменениями, указывающими на ухудшение чеканки серебра; это подтверждает наше предположение о том, что начало монетного кризиса может относиться еще к последней четверти IV в.

Менее постоянно, чем триоболы, выпускались в IV в. серебряные оболы. Они чеканились в трех сериях. А. Л. Бертье-Делагард дает для них следующие средние веса: 0,70 (Б. XIX, 32; З. XL, 2); 0,69 (Б. XX, 87; З. XL, 16); 0,78 (Б. XX, 65; З. XL, 26)². Но применение метода весовой шкалы и для оболов дает один нормальный вес по всем сериям — около 0,73.

Все остальные номиналы серебра IV в. встречаются только по одному разу и лишь тетроболы насчитываются несколькими десятками, другие же — единицами. Для тетроболов А. Л. Бертье-Делагард указывает средний вес 3,41³, но мы уже говорили, что нормальный вес номинала должен быть несколько выше — около 3,50, на что указывает распределение монет на весовой шкале.

Если нормальный вес тетроболов получается сравнительно легко, то нормальный вес других номиналов серебра может быть выведен только с большим трудом, так как монеты каждого из этих номиналов известны в количестве нескольких штук и их распределение на весовой шкале не дает наглядного результата. Особенно досадно это в отношении статеров, крупнейшего в Пантикапее номинала серебра, которых известно всего семь экземпляров, да и из тех один испорченный и непол-

¹ А. Л. Бертье-Делагард выводит средний вес триоболов для обеих серий 2,32 (Нум. сб., II, стр. 84, № 127; стр. 86, № 136).

² Нум. сб. II, стр. 85, № 134; стр. 86, № 137; стр. 84, № 124.

³ Нум. сб. II, стр. 84, № 128.

новесный¹. А. Л. Бертъе-Делагард дает для них средний вес 11,71, вероятно, нормальный вес их должен быть несколько больше — 11,80; во всяком случае отклонение от нормального веса даже наиболее легковесных экземпляров (11,53) очень невелико. При принятой нами норме терпимость в весе равняется 0,022, что для серебра является очень небольшой величиной. А. Л. Бертъе-Делагард выводит даже терпимость веса 0,016, исходя из среднего веса в 11,71².

Серебряные диоболы, геммоболы и тетартемории тоже известны в очень небольшом числе экземпляров. Колебание в весе составляет для первых 1,78—1,32, для вторых — 0,55—0,28, для третьих — 0,25—0,16. Средние веса, выведенные для этих номиналов А. Л. Бертъе-Делагардом — 1,61; 0,38 и 0,21³, — вероятно, очень близки к норме.

Таким образом, весовые нормы пантикапейского серебра IV в. до н. э. определяются следующим образом:

статер	— 11,80
тетробол	— 3,50
трибол	— 2,60
дибол	— 1,61
обол	— 0,73
геммобол	— 0,38
тетартеморий	— 0,21

При сравнении этих цифр с весовыми нормами боспорского серебра VI—V вв. до н. э. легко заметить, что и в IV в. мы имеем дело с той же облегченной эгинской весовой системой, которая применялась в чеканке боспорских городов в более раннюю эпоху. Весовые нормы серебра IV в. несколько выше, чем в последних сериях пантикапейского серебра предыдущего столетия и того постепенного падения веса номиналов, которое было характерно для чеканки V в., теперь не наблюдается по крайней мере до последней четверти столетия. Это объясняется, очевидно, не только более тщательной чеканкой, но и большей устойчивостью денежного обращения в IV в. Как и следовало ожидать, наибольшая точность заметна в чеканке крупных номиналов: если в статерах допускается терпимость веса только 0,022, то в тетроболах она достигает уже 0,162, в триболах — 0,365 и т. д. С уменьшением номинала повышается и монетная погрешность, что также представляет обычное явление в чеканке греческих городов⁴.

¹ Нум. сб. II, стр. 83, № 120.

² Нум. сб. I, стр. 34—35.

³ Нум. сб. II, стр. 82, № 114; стр. 84, №№ 125, 126.

⁴ См. таблицы у А. Л. Бертъе-Делагарда. Относительная стоимость. . . Нум. сб. I, стр. 34, пр. 2; цифры процентов должны

Если пантикапейское серебро IV в. до н. э. сравнительно легко приводится в определенную систему, позволяющую не только определить номиналы, но и их нормальные веса, то в отношении медной монеты это сделать гораздо труднее. Правда, медные пантикапейские монеты IV в. довольно ясно складываются, как мы видели, в определенные серии с золотом и серебром, а пантикапейская медь III в. до н. э. может быть распределена по сериям с большей долей вероятности благодаря перечеканкам и надчеканкам.

Однако определение номиналов всей этой медной чеканки никогда не производилось, так как вес монет не дает здесь твердой точки опоры: во-первых, колебания в весе медных монет внутри одного и того же номинала обычно весьма велико; во-вторых, и это главное, медная монета на Боспоре, как и в большинстве других греческих государств, была неполноценная, условного значения, и это очень затрудняет приложение названия денежных единиц к тому или иному, известному нам в весовом отношении, номиналу¹.

Выделение номиналов в медной чеканке Пантикапея IV в. не представляет особых затруднений, поскольку каждый номинал отличается не только определенным типом, но и определенными границами весовых колебаний. Гораздо труднее применить к этим номиналам определенные названия, но некоторые косвенные данные позволяют, правда, очень предположительно сделать подобную попытку. Вся медная чеканка Пантикапея IV в. до н. э. может быть представлена в виде таблицы, где номиналы обозначены цифрами, при которых указано примерное колебание веса по каждому номиналу (табл. на стр. 122).

Прежде всего необходимо обратить внимание на медные монеты двух номиналов, появившиеся в самой ранней серии пантикапейских монет IV в. Эти монеты, а вместе с ними и начало чеканки меди на Боспоре, не могут быть датированы временем позднее конца первой четверти IV в. до н. э.² Столь раннее использование меди в качестве монетного металла весьма примечательно. Может быть прав А. Н. Зограф в своем предположении, что на Пантикапей мог оказать влияние в этом отношении пример близлежащей Ольвии, где медная монета

быть немного изменены в соответствии с тем, что принимаемые нами нормальные веса номиналов несколько отличаются от средних весов А. Л. Бертъе-Делагарда, но изменения эти очень невелики и существо дела от них ничуть не меняется.

¹ Ср. А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость. . . стр. 54.

² Ср. А. Н. Зограф. МИА, № 4, стр. 159.

Даты	Одно- рисованная монета серия золота	Номиналы меди и их примерный вес в граммах					
		I 16,0—10,0	II 7,5—5,0	III 4,0—2,5	IV 2,0—1,0	V 1,0—0,5	VI менее 0,5
400—375	—				Б. XIX, 33 (З. XL, 4)	Б. XIX, 27 (З. XL, 4)	
375—360	I						
360—340	II						
340—330	III						
330—315(?)	IV	Б. XIX, 49 (З. XL, 30)	Б. XIX, 39 (З. XL, 18)	Б. XX, 80—89 (З. XL, 19)	Б. XIX, 54 (З. XL, 28) Б. XX, 91—93 (З. XL, 20)	Б. XX, 90 (З. XL, 21)	Б. XX, 95 (З. XL, 22)
315(?)—300	V	Б. XX, 60 (З. XL, 1)	Б. XX, 70—71 (З. XL, 2)				

была в употреблении с самого начала ¹.

Но первая попытка введения меди в денежную систему Пантикапея была довольно робкой. Выпуск состоял лишь из двух очень мелких номиналов меди, и, поскольку можно судить по количеству найденных экземпляров, выпуск их был очень невелик. Однако и при такой осторожности попытки введения меди, видимо, не имели успеха. В двух следующих сериях медная монета отсутствует совершенно и чеканка ее возобновляется только лет сорок спустя, в тридцатых годах IV в. И на этот раз выпуск ограничивается мельчайшими номиналами, менее тетартемория, поскольку более крупные номиналы, от триоболов до тетартемория включительно, представлены чеканившимися в это же время серебром.

Крупные медные монеты появляются впервые лишь в двух последних сериях IV в. и с этого момента медь начинает играть значительную роль в денежном обращении на Боспоре. Принимая во внимание, что именно в этих двух последних

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 172.

сериях отсутствуют серебряные оболы, чеканившиеся до тех пор наряду с триоболом весьма постоянно, можно высказать предположение, что именно их-то и должны были заменить крупнейшие медные монеты (номинал I), весившие от 16 до 10 г. Прямых доказательств того, что I номинал меди является оболом, у нас нет, но в пользу этого предположения можно привести один косвенный довод. Если крупные медные монеты действительно являются оболоми, то в более мелкой меди естественно видеть обычные фракции обولا; тогда номинал II является гемииболом, номинал III — тетартеморием, номинал IV — гемитетартеморием. Между тем только что разобранный выпуск меди 30-х годов IV в. начинается с IV номинала (гемитетартемория?), а соответствующая серия серебра кончается тетартеморием, и вполне естественно предполагать, что следующий, представленный уже медью номинал должен быть именно гемитетартеморием.

Подтверждение этих соображений может дать следующая таблица, в которой сопоставлена серебряная и медная чеканка Пантикапея IV в. до н. э.

Дата	однорисованная серия золота	Номиналы серебряной монеты									
		статер	драхма	тетрабол	трибол	дибол	обол	гемиибол	тетартеморий	гемитетартеморий	
400-375										IV	I
375-360	1-я										
360-340	2-я										
340-330	3-я									II	I
330-315(?)	4-я						I	II	III	IV	
315(?)—300	5-я						I	I			

Римскими цифрами обозначены
номиналы меди

 Серебро

 Медь

Некоторым доводом в пользу того положения, что номинал I медных монет является оболом, а номинал II — гемииболом (тетрахалком), может служить сравнение этих медных монет с более поздней боспорской медью времени Митридата Евпатора. Выпускавшиеся в конце II — начале I в. до н. э. Панти-

капеем и Фанагорией медные монеты с изображением головы Артемиды и лежащего оленя, признаваемые за тетрагалки¹, имеют примерно тот же вес (6—7,5 г), что и медные монеты II номинала конца IV в. до н. э.; вес митридатовских оболов соответствует весу I номинала.

Выпуски меди последних серий IV в. довольно обильны. В особенно большом количестве чеканятся номиналы II, III и IV; не может быть никакого сомнения в том, что уже в конце IV в. эти медные деньги являлись главным платежным средством на местном рынке, а в начале III в. они стали и единственным средством обращения. Заслуживает внимания и тот факт, что в последних сериях IV в. наряду со значительным усилением чеканки крупных и средних номиналов меди, постепенно совершенно прекращается чеканка мелкой медной монеты. Это свидетельствует о падении стоимости денег и служит лишним подтверждением нашей догадки о начале денежного кризиса уже в конце IV в.

Пантикапейская медь III в. до н. э. с гораздо большим трудом и с гораздо меньшей уверенностью может быть подразделена на номиналы, чем монеты IV в. Причиной этого является стремительное падение веса монет в различных выпусках в пределах одной и той же серии и одного номинала. Все же, исходя из тех соображений, о которых говорилось выше при характеристике отдельных серий медных монет, мы можем составить таблицу номиналов пантикапейской меди первой половины III в. до н. э.

Дата	Номиналы медных монет		
	I	II	III
Начало III в. до н. э.		Б. XX, 72 (З. XLI, 3)	Б. XIX, 35—37 (З. XLI, 7)
Первая половина III в. до н. э.		Б. XX, 73—78 (З. XLI, 4) Б. XX, 79—80 (З. XLI, 5)	
Середина III в. до н. э.		Б. XXII, 163—164 (З. XLI, 10) Б. XXII, 165—175 (З. XLI, 11) Б. XIX, 51 (З. XLI, 6) (?)	З. XLI, 8—9
Начало третьей четверти III в.		Б. XXII, 153	Б. XIX, 38; Б. XXII, 161 (?)

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 186.

Привести в таблице даже примерные веса каждого номинала, как это было сделано с пантикапейской медью IV в. до н. э., оказалось невозможным, так как вес данного номинала непрерывно уменьшается от выпуска к выпуску в пределах одной и той же серии. Наиболее показательна в этом отношении эволюция монет с безбородой головой сатира и луком со стрелой, которые имели в первых выпусках полный вес 6—7 г, а позднее не достигали даже и двух граммов, хотя номинал, несомненно, оставался прежним. Здесь в полной мере проявился условный, неполноценный характер этой медной чеканки.

Обращает на себя внимание и тот факт, что вся медная пантикапейская чеканка первой половины III в. до н. э. ограничивается выпуском монет лишь двух номиналов, из которых постоянно чеканятся только монеты II номинала, являвшиеся, вероятно, тетрагалками. Выпуск более мелких подразделений монеты в условиях ее постоянного обесценивания был бы совершенно бессмысленным, для чеканки же полновесных медных оболов, как и для чеканки серебряной монеты, видимо, не хватало средств. В этом ограничении чеканки одним-двумя номиналами не менее ясно, чем в стилистической и технической деградации и весовой редукции пантикапейской монеты, сказалось кризисное состояние всей боспорской денежной системы этого времени.

4. Денежное обращение на Боспоре в IV — первой половине III в. до н. э.

Пантикапейские медные монеты IV и особенно первой половины III в. до н. э. часто встречаются при раскопках на территории Боспора. Медь первой половины III в. часто попадает и в виде кладов. Эти клады помогают нам восстановить не только последовательность монетных выпусков на Боспоре в эту эпоху, но и живую картину денежного обращения в отдельные периоды.

Зарытие кладов медных монет началось еще в начале III в. до н. э. сразу после прекращения чеканки (и, вероятно, исчезновения из обращения) золотой и серебряной пантикапейской монеты. На денежном рынке в это время имели хождение в основном монеты с головой льва и осетром на реверсе, надчеканенные двенадцатиконечной звездой и горитом (табл. V, 62) и монеты с головой бородатого сатира на аверсе и головой быка на реверсе (табл. V, 63). Одновременно с ними в обращении были еще, видимо, и медные монеты, выпущенные в последнее десятилетие IV в. до н. э., что доказывается совместными

находками их в погребениях и кладах¹. К этому времени, очевидно, относится зарытие клада, найденного в 1877 г. к югу от Керчи. Клад содержал не менее 500 медных пантикапейских монет с изображением безбородого сатира на аверсе, головы льва на реверсе и с надчеканками звездой и горитом². Несколько более поздний этап денежного обращения, когда на рынке уже имели хождение монеты с реверсным типом лука и стрелы (табл. VI, 65), отразился в нескольких кладах: первый найден «в двух верстах от Керчи за Глинищем» в 1879 г.; второй найден в том же году около ст. Сенной; третий найден в 1869 г. внутри Керченской крепости; четвертый найден в 1879 г. на кладбище в Керчи; пятый найден в 1882 г. В. Г. Тизенгаузенем при раскопках в Анапе; последний подробно изучен и опубликован Е. О. Прушевской³. Из указанных пяти кладов три первых являются, повидимому, более ранними: они содержат, наряду с монетами с луком и стрелой, также и более ранние монеты с головой льва и осетром на обороте; кроме того, в отношении содержащихся в них монет нет указаний на плохую или небрежную чеканку, между тем относительно четвертого клада прямо сказано, что он содержал монеты с изображением лука и стрелы «весьма дурной чеканки и небольшого размера» (табл. VI, 66). Видимо, зарытие этого клада произошло уже во второй четверти III в. до н. э., когда монеты этого типа уже успели деградировать⁴. К тому же времени относится и зарытие анапского клада.

Пантикапейские медные монеты первой половины III в. до н. э. в огромном количестве встречаются и при раскопках боспорских городов и селений, составляя, как правило, главную массу нумизматических находок при таких раскопках. В меньшем количестве встречаются медные монеты IV в. до н. э., особенно ранних серий, однако и они обычно попадаются при любых раскопках боспорских городов. Находки медных пантикапейских монет IV—III вв. до н. э. совершенно ясно свидетельствуют, что эти монеты являлись платежным средством для всего населения Боспора. Они встречаются по всей территории Боспорского государства и притом не только

в развалинах и в некрополях греческих городов, но и на городищах и в могильниках негреческого населения Боспора. Так медные пантикапейские монеты находились в окрестности станиц Раевской и Джигинской, в Семибратних курганах, в могильнике у ст. Елизаветинской и в других местах. Гораздо меньше знаем мы о распространении пантикапейского серебра IV в. до н. э. Находок серебряных монет известно всего несколько, и все они относятся к Пантикапею или его ближайшим окрестностям. Это, однако, не дает оснований сомневаться в распространении и пантикапейского серебра на всей территории Боспорского государства.

Находок пантикапейской меди и серебра вне собственно боспорской территории известно сравнительно немного. На этом основании М. И. Ростовцев предполагает, что пантикапейская медная монета не выходила за пределы города¹. Этот вывод, однако, совершенно неверен. Прежде всего, пантикапейская медь широко обращалась на всей территории Боспора, о чем свидетельствуют находки пантикапейских монет на обеих сторонах Киммерийского Боспора. Отдельные, хотя и не очень многочисленные, находки этих монет были и вне этой территории. Нередко встречаются они в Херсонесе². Находки пантикапейской меди последней серии IV и начала III в. имели место и в окрестностях Керкинитиды³. Очень интересны сравнительно частые находки пантикапейских монет в Ольвии⁴. А. Н. Зограф обратил внимание на то, что обратных находок ольвийских монет в Пантикапее зарегистрировано не было⁵. То же самое можно сказать и по отношению к Херсонесу и Керкинитиде, монеты которых на Боспоре почти никогда не встречаются. Это хорошо характеризует то торговое преобладание, которое имел Пантикапей в IV—III вв. до н. э. в Северном Причерноморье⁶.

В этом отношении показателен тот факт, что почти все находимые вне Боспора пантикапейские монеты относятся

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 443.

² ОАК, 1896, стр. 184, ИАК, 25, стр. 135, 149 и др.

³ ЗРАО, VII, стр. 228.

⁴ ИАК, 13, стр. 232, 277, № 75; Сб. «Ольвия», I. Киев, 1941, стр. 216; кроме того, из Ольвии же, без сомнения, происходят и медные монеты Пантикапея, приобретенные покупкой у крестьян с. Парутино — ИАК, 13, стр. 232, 295, № 53; Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, II. СГАИМК, II, стр. 286, № 47.

⁵ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», I. Киев, 1941, стр. 216. В Мирмекии был найден в раскопках 1934 г. ольвийский двухсторонний «дельфинчик» (МИА, № 4, стр. 163, 171, № 27). Такой же дельфинчик найден там же в 1948 г.

⁶ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», I, стр. 216.

¹ ИАК, 30, стр. 81, № 92 (14); ИАК, 56, стр. 48, № 148 (103) и др.
² Е. Е. Люценко. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на юге России. Рукопись 1880 г. в архиве ИИМК (фонд 28 Е. Е. Люценко, дело № 22); ср. ТОНГЭ, I, стр. 23, № 4.
³ Е. Е. Люценко. Указ. соч.; Е. О. Прушевская, Указ. соч.

⁴ Впрочем состав этого клада не очень надежен — к нему было, видимо, примешано находчиком до 30 посторонних монет, в том числе серебряная монета Пантикапея II в. до н. э. и монеты боспорских царей (Е. Е. Люценко. Указ. соч.).

ко второй половине IV и к началу III в., т. е. как раз к той эпохе, когда Боспор вел особенно активную торговую политику. Исключение составляет только Херсонес, где чаще встречаются боспорские монеты митридатовой эпохи и более поздние, что вполне естественно, ввиду тех политических отношений, которые связывали Херсонес с Боспором со времени Митридата.

Относительно проникновения боспорских монет IV—III вв. до н. э. в глубину причерноморских степей у нас нет почти никаких данных. В скифских погребениях и при раскопках скифских, меотских и иных городищ эти монеты почти совершенно не встречаются (кроме городищ нижнего Прикубанья, входившего в состав Боспора). Можно назвать только один клад пантикапейской меди этого времени, найденный вне собственно боспорской территории, — это опубликованный Н. В. Анфимовым клад из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской¹. Известны отдельные находки монет Пантикапея IV—III вв. на Каменском городище на Днепре².

Недостаточность наших сведений о находках монет на скифских и иных местных городищах во внутренних степных областях и сравнительно слабая степень исследованности самих этих городищ не позволяет пока окончательно решить вопрос о проникновении в степь пантикапейской медной и серебряной (о золотых статерах речь будет дальше) монеты IV—III вв. до н. э. Но уже сейчас можно сказать, что хотя такое проникновение иногда и имело место, оно во всяком случае было не очень интенсивным, иначе мы имели бы гораздо больше сведений о находках этих монет в степных районах юга СССР.

Несмотря на находки отдельных пантикапейских монет в других городах Северного Причерноморья, можно все же полагать, что чеканка серебряной и медной пантикапейской монеты в IV в. до н. э. была рассчитана, как и в более раннюю эпоху, лишь на местный рынок. Только серебряные статыры последней серии IV в. могли бы иметь какое-то значение на международном денежном рынке, но выпуск их был лишь незначительным эпизодом и в условиях уже начавшегося денежного кризиса не мог сыграть сколько-нибудь заметной роли.

Если пантикапейская медь и серебро служили платежным средством только на местном рынке, то на Боспоре должна

¹ Н. В. Анфимов. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской. КСИИМК, XXIV, стр. 64 сл.

² А. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851, стр. 23—24. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, стр. 147.

была иметь хождение и иная монета, которая могла бы применяться при сделках с иноземными купцами. Именно в IV—III вв. до н. э., когда Боспорская держава Спартокидов переживала значительный расцвет, когда она была экономически одним из сильнейших государств Средиземноморья, потребность в таких интерлокальных средствах обмена естественно была особенно велика. Эта потребность удовлетворялась прежде всего за счет чужой, небоспорской монеты, имевшей значение международной валюты. Такими деньгами в V и IV вв. до н. э. были электровые статыры города Кизика — кизикины, сфера обращения которых в основном совпадала с торговыми районами Причерноморья. В V и в первой половине IV в. до н. э. кизикины были, видимо, единственной иностранной монетой, обращавшейся на Боспоре. Их роль в денежном обращении Боспора засвидетельствована как литературными источниками, так и находками их в боспорскихкладах¹.

Выпуск Филиппом II Македонским своих золотых статеров, которые в каком-то количестве проникали и на Боспор, не смог подорвать положения кизикинов на боспорских денежных рынках. Они продолжали играть видную роль в денежном обращении на Боспоре до 30-х годов IV в., что доказывается находкой их в так называемом Пуленцовском кладе на Тамани² и прямым свидетельством Демосфена³. Но уже в следующем десятилетии на Боспоре появляются золотые статыры Александра Великого, вытеснившие кизикины с денежных рынков и занявшие их место.

Находки золотых статеров Александра Великого в пределах Боспорского государства не очень многочисленны. Сводка их составлена А. Н. Зографом⁴, который насчитал их всего пять; интересно хронологическое определение этих статеров, произведенное А. Н. Зографом. Один экземпляр из Зеленского кургана⁵ принадлежит к самым первым золотым выпускам Александра и чеканен в конце 30-х годов IV в. Другой экземпляр оттуда же выпущен, видимо, в 20-х годах. Предпоследним десятилетием этого века датируется статар, найденный в кургане на Ак-Бурунском мысу⁶. Золотой статар александровского типа из Большой Близицы⁷ отнесен А. Н. Зо-

¹ См. Д. Б. Шелов. Кизикские статыры на Боспоре. ВДИ, 1949¹ № 2.

² К. К. Герц. Указ. соч., стр. 45—46.

³ Demosth., XXXIV, 23.

⁴ А. Н. Зограф. Статыры Александра Македонского из керченских и таманских находок. ТОАМГЭ, I, 1945.

⁵ ОАК, 1911, стр. 41; 1912, стр. 48; ИАР, 51, стр. 120; 60, стр. 23, 29.

⁶ ОАК, 1876, стр. 5, 112, табл. II, 5, 6.

⁷ ОАК, 1864, стр. V.

графом к последнему десятилетию IV в., и наконец, статер из станицы Таманской¹ датируется уже началом III в. Таким образом, получается последовательный хронологический ряд выпусков александровских статеров, что свидетельствует о непрерывности обращения этой монеты на Боспоре. Статеры александровских типов, выпущенные уже после смерти самого Александра, обращались на Боспоре, повидимому, довольно долго. Об этом говорит существование лицевого типа этих статеров Левконом II для своих медных монет уже в третьей четверти III в. до н. э. С монет Левкона этот тип перешел, вероятно, и на феодосийские монеты того же времени.

Следует отметить условия находок золотых александровских статеров. Они все найдены в гробницах, тогда как кизикины в погребениях никогда не попадались. Объясняется это, вероятно, тем, что именно в последней трети IV в. распространился на Боспоре обычай класть в могилу монеты: мы уже видели, сколь часто находки в могилах медных монет двух последних серий IV в., в то время как более ранние пантикапейские монеты в погребениях совершенно не встречаются. Если в рядовых погребениях мы встречаем медные монеты, то вполне естественно в таких богатых курганах, как В. Близица или Ак-Бурунский, находить золотые статеры.

Как кизикины на Боспоре были сменены александровскими статерами, так эти последние постепенно уступили место статерам Лисимаха. Первые лисимаховские статеры, попавшие на Боспор, были чеканены еще при его жизни, т. е. в самом конце IV или в начале III в.², и имели хождение параллельно с посмертным выпуском статеров Александра Македонского. Но основная масса лисимаховского золота, обращавшегося на Боспоре, принадлежит уже к более позднему времени: оно выпускалось городами Западного Понта и особенно Византием уже после смерти Лисимаха в течение III—II вв. до н. э.³ Помимо огромного числа монет в боспорских гробницах встречаются также индикации с них. Эти находки, а также подражание боспорских монет лисимаховским типам, о котором речь будет ниже, указывают на ту значительную роль, которую играли лисимаховские статеры в денежном обращении Боспора III—II вв. до н. э.

Наличие в денежном обращении Боспора IV—III вв. большого количества чужой монеты, являвшейся платежным сред-

ством при торговых сделках с иноземными купцами, не помешало боспорским правителям предпринять попытку выпуска собственной золотой монеты, предназначенной для обращения на внешних рынках.

В V и начале IV в. до н. э. экономическое развитие Боспора было еще недостаточно для того, чтобы он мог претендовать на создание собственной монеты с функциями международной валюты. Положение изменилось ко второй четверти IV в. Успешная завоевательная политика первых Спартокидов и расширение Боспорского государства, развитие местного производства, все усиливающаяся торговля, укреплявшая коммерческие связи Боспора с разными греческими государствами и прежде всего с Афинами, превращают державу Спартокидов в один из важнейших экономических центров восточного Средиземноморья. В понтийской торговле Боспор занимает господствующее положение, равно как и в торговле с внутренними областями восточно-европейской равнины.

При таких условиях оказался возможным выпуск на Боспоре такой монеты, которая могла бы играть роль интерлокального средства обращения и соперничать с кизикинами, всецело владевшими до этого понтийским денежным рынком. А. Н. Зограф указал, что именно такие цели преследовал начавшийся в 70-х годах IV в. выпуск золотых пантикапейских статеров¹; основание для такого предположения дает анализ находок пантикапейских статеров вкладах. Наиболее показательным в этом отношении является большой клад, найденный в 1930 г. на острове Принкипо (Принцевы острова). Он содержал, помимо 16 золотых пантикапейских статеров первых трех серий, еще 160 кизикинов, 4 лампсакина и 27 золотых статеров Филиппа II Македонского.

К. Реглинг, анализирувавший состав этого клада, объясняет его разнородный состав своеобразными условиями понтийской торговли². И кизикины, и лампсакины, и статеры Филиппа играли значительную роль в понтийской и вообще греческой торговле в качестве международной валюты. Ту же роль, очевидно, выполняли на Понте и пантикапейские статеры.

Золотой статер Пантикапея первой серии найден также и в другом кладе тоже далеко за пределами Боспора — в третьем кладе из Саида (Сидон)³. Этот клад содержал не-

¹ ОАК, 1910, стр. 118, 215.

² См., например, МАР, вып. 35, 1915, стр. 405.

³ А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках. Бюллетень Керченской конференции археологов СССР, 1926, вып. 3, стр. 3; е го же, Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, 110, 1934, стр. 180.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 174—175.

² K. Regling. Die griechische Goldschatz von Prinikipo, стр. 43—44.

³ W. H. Waddington. Trouvailles de Saïda et de Marmora, RN, 1865, табл. II, 1.

сколько тысяч золотых статов Александра Великого и отдельные монеты Кноса, Родоса и Пнитагора Саламинского. Наличие в кладе семи чрезвычайно редких статов Кноса — города, расположенного в Пропондиде, может быть также указывает на область, где протекала коммерческая деятельность лица, зарывшего клад.

Из двух кладов, найденных на территории Боспора, и содержащих золотые пантикапейские статыры, один, Пуленцовский, включал наряду с ними и кизикины. Таким образом, и здесь пантикапейские статыры выступают как монеты, выполняющие те же функции, что и кизикины. О составе другого клада, найденного в 1844 г. на Таманском полуострове, у нас нет достаточных данных. Известно только, что там было найдено 12 пантикапейских статов трех первых серий¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех кладах, где пантикапейские статыры встречены в значительном количестве, Пуленцовском, Таманском и из Принкипо, содержались первые три типа этих статов. Это говорит о параллельном и сравнительно длительном обращении статов различных серий — явление подобное тому, какое наблюдается и в отношении кизикинов. О том же свидетельствует и находка статера первой группы в кладе из Саида, дата которого определяется довольно твердо около 310—300 гг.²

Для характеристики пантикапейских золотых статов как монеты, рассчитанной главным образом на внешнее обращение, большой интерес представляют их находки на Кавказе. Здесь найдено два клада, один в бывшей Кутаисской губернии в 1901 г., другой — около того же времени — в Сванетии. Значительная часть первого клада (21 монета) была исследована К. Реглингом. Все статыры этого клада оказались принадлежащими к V серии, но еще с полным весом³. О находке второго клада (10 экземпляров) известно только по оттиску, присланному К. Реглингу из Петербурга в 1904 г. К. Реглинг, а вслед за ним Е. А. Пахомов предполагают, что здесь речь идет об отколовшейся части того же клада⁴. Однако достаточных оснований для этого нет; наоборот, можно думать, что

вторая находка является самостоятельной, так как оттиск с монеты второго клада, присланный Реглингу, дает тип статера σV по классификации Реглинга, а этот тип известен только на статерах с уже пониженным весом; в кутаисской же находке ни одного подобного статера не обнаружено. Как бы то ни было, кавказские находки интересны уже тем, что они дают первый и пока единственный пример клада пантикапейских статов последней серии, в том числе и статов с редуцированным весом.

Предположение, что пантикапейские золотые статыры были предназначены для обращения на внешнем рынке, имеет большое значение для решения вопроса об оригинальном весе этой монеты. Этот последний вопрос решался неоднократно и очень по-разному. Обычно старались подогнать необычный вес пантикапейских статов под какой-нибудь номинал определенной системы, не обращая внимания на специфический характер самого выпуска этого золота; так Брандис производит вес пантикапейских статов от вавилонской мины¹, Б. В. Кёне — от весовой нормы дарика² и т. п. Наиболее распространенной, особенно в западноевропейской литературе, является теория, согласно которой пантикапейские статыры следуют якобы аттическому стандарту, но имеют несколько повышенный вес, объясняющийся тем, что на Боспоре золото находилось в изобилии и было очень дешево³.

Несмотря на то, что А. Л. Бертье-Делагард чрезвычайно убедительно опроверг все эти домыслы и показал полную несостоятельность подобных объяснений и с нумизматической, и с общен исторической точки зрения⁴, эта теория и позднее продолжала пользоваться популярностью у западноевропейских нумизматов⁵ и отразилась даже в советской науке⁶.

¹ V. Brandis, *Munz —, Maß — und Gewichtswesen in Vorderasien*, Berlin, 1866, стр. 159.

² Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 340.

³ Greenwell, *Num. Chr.*, 1877, стр. 12, 16, 19; G. Hill, *A Handbook of Greek coins*, London, 1889, стр. 18, 40; B. V. Head, *Historia numorum*, стр. 281.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., 1911.

⁵ P. Gardner, *Coinage of the Athenian Empire*, JHSt., XXXIII, 1913, стр. 169; его же, *History of ancient coinage*, стр. 263, 339; M. Ros-tovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, стр. 229; A. Segrè, *Metrologia e circolazione monetaria degli antichi*, стр. 213, примеч. 3; 338; K. Regling, *Die Griechische Goldschatz von Prinikipo*, стр. 46.

⁶ А. С. Кацевалов. Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі Чорного моря, Київ, 1929, стр. 5.

¹ Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 340, табл. III, 1, 2; K. Regling, *Die Griechische Goldschatz von Prinikipo*, стр. 34.

² RN, 1865, стр. 7—8; B. V. Head, *Historia numorum*, стр. 512.

³ K. Regling, *Die Griechische Goldschatz von Prinikipo*, стр. 34—35.

⁴ Там же, стр. 38; ср. А. Н. Зограф, Золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, 110, 1934, стр. 187, № 8 и 9; Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, вып. III, 1940, № 700.

Это объясняется главным образом тем, что западноевропейским исследователям оставались почти совершенно неизвестными достижения русской и советской науки в области античной нумизматики.

Однако А. Л. Бертъе-Делагард, совершенно правильно раскритиковав и отвергнув несостоятельные теории «дешевого золота» и т. п., не сумел сам удовлетворительно разрешить вопрос о происхождении веса пантикапейского статера. Он предположил, что пантикапейские золотые монеты являются тригемидрахмами эгинской системы¹. Для этого ему пришлось допустить два совершенно исключительных обстоятельства: во-первых, что на Боспоре эгинская система использовалась для чеканки золота, тогда как во всем остальном античном мире она применялась только к серебру, во-вторых, что на Боспоре в эгинскую систему была введена единица в девять оболлов (тригемидрахма), неизвестная больше нигде. Уже необходимость этих оговорок вызывает сомнение в правильности всего построения А. Л. Бертъе-Делагарда. Но помимо этого уже в исходных точках его рассуждений имеются ошибочные положения. Так он считает начало золотой чеканки Пантикапея следствием введения золотого обращения Филиппом Македонским, тогда как на самом деле, как доказал А. Н. Зограф, выпуск пантикапейского золота начался значительно раньше чеканки Филиппа.

При сопоставлении пантикапейского золота и серебра за единицу последнего А. Л. Бертъе-Делагард принимает теоретически выведенный им вес статера — 12,13 г, хотя в действительности вес пантикапейского серебра никогда не достигает этой нормы. Да и единственные известные статеры Пантикапея относятся, как мы видели, к самому концу IV в., тогда как чеканка золота началась лет на 60—70 раньше. Главная же ошибка А. Л. Бертъе-Делагарда заключается в следующем: в качестве основной посылки он принимает положение, что на Боспоре золото должно было чеканиться в той же весовой системе, что и серебро, так как последнее являлось основой денежного обращения на Боспоре и что отношение между стоимостью всех номиналов золота и серебра должно быть простое².

Между тем, если мы примем во внимание, что пантикапейское серебро имело хождение только на самом Боспоре, а золотые статеры предназначались главным образом для внешнего рынка, то станет совершенно ясно, что пантикапейцы, опре-

деляя весовые нормы для своей золотой монеты, должны были заботиться о согласовании ее веса не с местным серебром, а с той международной монетой, которая уже господствовала на понтийских рынках, т. е. с теми же кизикинами: именно с ними предстояло конкурировать выпускаемым пантикапейским золотым статерам. Находки последних вместе с кизикинами вкладах Пуленцова и из Принкипо подтверждают правильность подобных соображений.

Впервые указал на необходимость сопоставления стоимости пантикапейского золотого статера со стоимостью кизикина А. Н. Зограф¹. Исходя из этой предпосылки, А. Н. Зограф применяет затем следующее рассуждение. Нормальный вес кизикина — 16,00 г². В кизикине содержится золота 62%, т. е. 8,32 г, серебра — 48%, т. е. 7,68 г; при взаимоотношении ценности золота и серебра 1 : 10 стоимость кизикина будет равна стоимости 9,09 г чистого золота ($8,32 + 7,68 : 10 = 9,09$). А так как вес пантикапейского золотого статера — 9,09, то кизикин равноценен одному статеру³.

Расчет А. Н. Зографа очень прост и весьма убедителен. По крайней мере он дает наиболее вероятное объяснение происхождения необычного веса пантикапейского статера. Существуя, правда, два обстоятельства, которые не позволяют быть вполне уверенными в правильности всех приведенных вычислений. Во-первых, состав кизикинов довольно неопределен и хотя принятое А. Н. Зографом процентное соотношение золота и серебра в кизикинах является средним, но в отдельных сериях колебания в составе достигают очень больших размеров⁴. Во-вторых, $\text{ratio } \mathcal{A} : \mathcal{R} = 10 : 1$ только предполагается для первой половины IV в., когда был начат выпуск пантикапейских статеров, а документально засвидетельствовано это отношение только для времени Филиппа и Александра Великого⁵.

Эти оговорки несколько ослабляют значение сделанных А. Н. Зографом подсчетов, но тем не менее его гипотеза

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 175.

² Ср. А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 30, примеч. 1.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 175.

⁴ Ср. Greenwell. The electrum coinage of Cyzicus. Num. Chr. 1877, стр. 14—15; P. Gardner. The exchange value of Cyzicene; там же, стр. 187—188; B. V. Head. Electrum coins and their specific gravity; там же, стр. 298; Hammer. Der Feingehalt der griechischen und römischen Münzen, Z. f. N., 1908, стр. 32; H. Schmidt, Ein Gesetz des Stadt Olbia zum Schutze ihres Sielbergelde. Freiburg, 1925, стр. 24.

⁵ A. Segré. Указ. соч., стр. 244—246; B. V. Head. Historia numorum, стр. XLII.

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 41—42.

² Там же, стр. 40.

кажется нам наиболее приемлемым объяснением происхождения веса пантикапейского статера. Кроме того, в пользу этой гипотезы можно привести еще одно соображение, не лишнее интереса.

В судебном деле, известном нам из речи Демосфена, ответчик Формион утверждает, что, будучи на Боспоре, он возвратил сумму, которую был должен истцу, 2600 аттических драм, уплатив 120 кизикинов¹, откуда следует, что один кизикин равноценен $21\frac{2}{3}$ аттической драхмы. Вес аттической драхмы нам точно известен: в это время (около 327 г.) он равен 4,24 г². Таким образом стоимость кизикина в серебре выражается в цифре 91,80 г ($4,24 \times 21,66$). Так как ratio золота и серебра в это время уже, несомненно, составляло 10 : 1³, то стоимость кизикина в золоте исчисляется в 9,18 г. Этот вес очень близко подходит к весу пантикапейского статера и может в силу этого служить аргументом в пользу гипотезы А. Н. Зограффа. Правда, Демосфен, в речи, произнесенной против Формиона, прямо утверждал, что кизикин стоил на Боспоре 28 аттических драм и тем самым, как будто бы опровергает и показания ответчика и наши вычисления (именно это свидетельство Демосфена кладет в основу своих вычислений А. Л. Бертье-Делагард⁴, совсем не принимая во внимание показания Формиона). Но вероятно правильно предположение, высказываемое некоторыми исследователями⁵, что отношение, приводимое Демосфеном, являлось необычным и ненормальным, вызванным какими-то местными событиями, скорее всего той войной Перисада с местными племенами, которая имела место в момент пребывания Формиона на Боспоре и о которой мы узнаем из той же речи Демосфена⁶. Судя по рассказу Демосфена, война была настолько серьезная, что вызвала почти полный застой в торговле, и, конечно, эти события могли повлиять и на сравнительный курс кизикинов. Между тем, Формион, занимавший деньги в Афинах, естественно должен был и отдавать их по общему курсу, а не по случайному местному. Начав выпускать золотые статеры этого необычного веса, пантикапейские монетарии чрезвычайно тщательно следят за сохранением весовой нормы в каждом отдельном экземпляре. Терпимость веса в этой золотой чеканке удивительно мала —

всего 0,0048¹. Нормальный вес статера составляет 9,10 г (точнее 9,096)²; отклонения от этой нормы крайне незначительны и в ту и в другую сторону. Эта точность юстировки пантикапейских золотых статеров и высокие художественные достоинства их должны были обеспечить им широкое обращение на припонтийских рынках наряду с кизикинами.

А. Л. Бертье-Делагард считал, что уже первые выпуски пантикапейского золота не смогли отвоювать себе места на рынке и сразу исчезли из обращения³; он исходит при этом опять из неправильного представления, будто к моменту начала чеканки золота в Пантикапее рынок был уже переполнен статерами Филиппа. Однако факты говорят о другом. Статеры первых серий находились в обращении, как мы видели, довольно долго и только после появления на денежных рынках обильного золота Александра Македонского стали исчезать из обращения.

Можно думать, что пантикапейская золотая чеканка имела значительный успех и что пантикапейские статеры пользовались известной популярностью в припонтийских городах. На такую мысль наталкивает тот факт, что на одной из серий кизикинов воспроизводится лицевой тип пантикапейского статера⁴. Вряд ли, однако, это заимствование пантикапейского типа кизикскими монетариями могло иметь целью вытеснение с рынков боспорского золота, как предполагает М. И. Ростовцев⁵. Кизик слишком прочно занимал господствующее положение на припонтийских денежных рынках, чтобы ему могла серьезно угрожать пантикапейская золотая чеканка, вероятно все же очень небольшая по объему. Да и чего можно было бы добиться таким частичным копированием лицевого типа? На кизикских статерах встречаются типы, заимствованные с монет самых различных городов: Тарента, Сиракуз, Коринфа, Самоса, Фокеи и т. д.⁶. Заимствования объясняются, видимо, просто художественными достоинствами этих типов и широкой известностью соответствующих монет. Вероятно, такой же характер имело и копирование пантикапейского типа. Голова сатира на одном из лампсаккинов второй половины IV в. также скопирована со статеров Пантикапея⁷.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 32.

² Там же, стр. 33; Нум., сб. II, стр. 82—83, №№ 115—117.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Greenwell. The electrum coinage of Cyzicus. Num. Chr., 1887, стр. 69, табл. II, 18.

⁵ M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, стр. 80.

⁶ Num. Chr., 1887, стр. 28—29.

⁷ Journal intern. d'archéol. numismatique, V, 1902, табл. III, 15—17; ср. P. Gardner. A History of ancient coinage, 700—300 B. C., стр. 332.

¹ Demosth., XXXIV, 23.

² А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 26.

³ A. Segre. Указ. соч., стр. 244.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость..., стр. 15—18.

⁵ H. Schmitz. Указ. соч., стр. 22.

⁶ Demosth., XXXIV, 8.

Эти заимствования и находки пантикапейских статеров в составе кладов за пределами Боспора показывают, что пантикапейское золото получило полное признание в греческом мире.

Пока пантикапейские статоры обращались на рынке наравне с кизикинами все было благополучно. Но когда в конце 30-х и в 20-х годах IV в. на припонтийские рынки в огромном количестве хлынуло золото Александра Македонского, статоры Пантикапея оказались в неблагоприятном положении. Кизикины быстро вытеснялись из обращения золотыми статорами Александра. Пантикапейский статор по весу очень немного отличался от александровских статеров, но и этого небольшого превышения веса было вполне достаточно для того, чтобы пантикапейские статоры стали исчезать из обращения. Они не были настолько распространены и популярны, чтобы сохранить свой собственный курс наряду с курсом александровского статора, но и не могли ходить по курсу последнего, так как в таком случае их действительная металлическая стоимость оказалась бы выше стоимости нарицательной и как всякая другая монета в подобном положении они должны были немедленно демонетизироваться.

Может быть не случайным является тот факт, что все три клада, содержащие в значительном количестве пантикапейские статоры — Пуленцовский, Таманский и из Принкипо — зарыты, насколько можно судить, в 30-х годах или в начале 20-х годов IV в. Вероятно это превращение кизикинов в пантикапейских статеров в сокровища и являлось проявлением той демонетизации их, которая неизбежно должна была явиться результатом наполнения рынка александровскими статорами. На Кавказ последние проникли, вероятно, несколько позднее, чем в другие припонтийские области, благодаря чему мы там и находим клады пантикапейских статеров более позднего времени — последнего десятилетия IV в.

Однако Пантикапей не пожелал сразу примириться с вытеснением его золота с денежного рынка и попытался бороться с ним путем понижения веса своего статора до нормы александровской чеканки.

Среди пантикапейских статеров имеется группа монет, вес которых точно соответствует весу александровских золотых статеров. А. Л. Бертье-Делагард приводит веса пяти таких экземпляров: 8,56; 8,56; 8,56; 8,55; 8,34¹. Он выводит средний вес для этих монет 8,51, но, несомненно, вес последней монеты

(8,34) является случайным отклонением от нормы, а нормальный вес этих статеров составляет около 8,56¹.

К. Реглинг показал², что пантикапейские статоры пониженного веса принадлежат к последней, пятой, типологической серии пантикапейского золота, причем все они биты одним штемпелем (К. Реглинг обозначает его знаками ϵV). Это обстоятельство указывает, несомненно, на единство и кратковременность их выпуска. К. Реглинг помещает этот тип ϵV в начале пятой серии, но в этом он ошибается; очень трудно предположить, чтобы пантикапейские монетарии могли возвратиться к прежнему весу монет после выпуска этих редуцированных статеров; вероятно прав А. Л. Бертье-Делагард, считающий эти облегченного веса статоры последним выпуском золота.

Этим статорам аттического веса соответствуют очень редкие полустаторы с безбородой головой сатира на аверсе и прото-мой львиноголового грифона на реверсе³.

Но, видимо, попытка спасти свою золотую чеканку путем перехода на новую весовую систему не удалась и Пантикапею пришлось отказаться от собственной золотой монеты.

О находках пантикапейских золотых статеров в кладах уже говорилось выше. Найдены отдельные монеты известны в погребениях как в самом Пантикапее, так и за его пределами, на всей территории Боспорского государства.

Нет никаких сведений о проникновении золотых пантикапейских статеров в скифскую степь, но можно думать, что это золото должно было в каком-то количестве идти вглубь степей. В обмен на сельскохозяйственные товары, которые меоты и скифы доставляли грекам северного побережья Понта и которые последними переправлялись в метрополию, в степь из боспорских колоний должно было поступать значительное количество драгоценного металла, так как стоимостью изделий греческого ремесла и вина, потреблявшихся населением скифских степей, не могла, конечно, покрывать всего экспорта сырья и сельскохозяйственных продуктов. Вероятно, большая часть этого драгоценного металла поступала в степь в виде тех прекрасных произведений греко-скифского искусства: ваз, ожерелий, обивок ножен, горитов и т. п., которые в таком значительном количестве встречаются в богатых скифских могилах; но некоторая часть его могла попадать в степь и в виде монет, либо электровых кизикинов, либо золотых пантикапейских статеров.

¹ В ГМИИ хранится еще одна монета (№ 17997) весом 8,57; К. Реглинг указывает еще на два экземпляра весом 8,60 и 8,54 (К. Regling, Die Griechische Goldschätze von Prinkipo., стр. 36).

² Там же.

³ Б. XX, 58; З. XL, 12.

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы..., стр. 86, № 139; Ср. его же. Относительная стоимость..., стр. 51.

Косвенным доказательством этого может служить тот факт, что в скифских курганах второй половины IV и начала III в. часто встречаются золотые бляшки, воспроизводящие типы пантикапейских золотых статов. Стиль этих бляшек резко отличен от аналогичных по назначению изделий боспорских торевтов и заставляет думать, что они могли выделяться в самой Скифии. Наиболее показательной находкой являются бляшки из кургана Огуз, которые воспроизводят и лицевой, и оборотный типы пантикапейских статов¹. Только аверсный тип воспроизводят бляшки Деева кургана, В. Рогачика, Чертомлыка, Александрополя, Мордвиновых курганов². Оригиналами для этих бляшек служат, видимо, статоры трех последних серий, судя по обязательно профильному изображению головы сатира и по изгибу рогов грифона на огузских бляшках. Но точнее определить прототип невозможно.

Наличие в Деевом кургане бляшек не только с бородатой, но и с безбородой головой сатира позволяет думать, что оригиналом для них могли служить либо золотые полустаторы, либо серебряные пантикапейские монеты, на которых встречается безбородая голова сатира.

Находки этих бляшек, подражавших пантикапейским монетам, и отсутствие самих монет в скифской степи заставляет предполагать, что эти монеты, попадая в степь, демонетизировались, проходя переплавку. А это в свою очередь указывает на отсутствие в самой Скифии широкого денежного обращения по крайней мере в форме обращения золотой пантикапейской монеты.

Доказательством того, что пантикапейские монеты, попав в внутренние районы Скифии, переставали играть роль денег, является находка в Рыжановском кургане двух золотых пантикапейских статов, вделанных в перстни³. Подозревать здесь возможность вторичного использования в качестве украшения уже выпшедшей из употребления монеты нет серьезных оснований, так как весь инвентарь рыжановского погребения не позволяет датировать курган временем более поздним, чем IV или самое начало III в.⁴. Таким образом Рыжановский курган дает яркий пример демонетизации пантикапейских статов, попадавших вглубь страны. Вероятно

та же судьба постигла и электровые кизикины, которые иначе должны были бы часто встречаться в наших степях¹. Демонетизация золотой монеты, переплавка ее и превращение в золотой запас или золотые вещи является одним из проявлений того первого обособления меновой стоимости в виде создания сокровищ, которое столь характерно для древних народов с недостаточно развитым товарным производством и в свою очередь само свидетельствует о недостаточности этого развития².

Рассмотренная в настоящей главе история боспорской чеканки и денежного обращения Боспора в IV — первой половине III в. до н. э. позволяет поставить некоторые общие вопросы, касающиеся экономического и политического положения Боспорского государства в указанный период.

Выше уже говорилось о том, что прекращение самостоятельной чеканки монеты боспорскими городами, за исключением Пантикапея, явившееся гранью между первым и вторым периодом истории боспорского монетного дела, должно быть поставлено в связь с централизаторскими тенденциями Спартокидов, с экспансионистской политикой Левкона I. Естественно возникает вопрос, в какой мере сохранение за Пантикапеем права собственной автономной чеканки отражает положение этого города по отношению к другим полисам Боспора и по отношению к Спартокидам.

Не может быть сомнения в том, что сохранение права чеканки монеты исключительно за Пантикапеем и лишение этого права всех остальных боспорских полисов является свидетельством особого положения, которое этот город получал в качестве столицы государства уже при первых Спартокидах. В то же время право чеканки автономной монеты должно было значительно усилить экономическое положение Пантикапея и содействовать еще большему его возвышению среди остальных боспорских городов. Экономическому приоритету соответствовали, очевидно, и привилегии политического и юридического порядка, которыми пользовалась община пантикапейцев и одним из проявлений которых было право собственной монетной чеканки.

Автономная городская чеканка является основной формой выпуска денег на протяжении всей истории Боспора под властью Спартокидов, даже после того как во второй половине III в. до н. э. начался выпуск и царской монеты. В определен-

¹ ИАК, 19, табл. XIV, 6, 21, 22.

² ДГС, табл. VIII, 3; ДП, VI, табл. V, 530; ИАК, 19, табл. XIII, 4, 15, 13.

³ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 69, 75; А. А. Бобринский. Курганы близ м. Смелы, II, 1894, табл. XVII, 5, 13.

⁴ Укажем хотя бы на амфоры из Рыжановки, совершенно идентичные амфорам из кургана Солохи.

¹ Ср. конечно сильно преувеличенное, но не совсем лишнее основание, предположение А. Л. Бертье-Делагарда о том, что источником электра, употреблявшегося в Северном Причерноморье для выделки раз личных изделий, была переплавка кизикинов. Нум. сб. I, стр. 97—98.

² См. К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 131.

ные моменты в этой автономной чеканке участвовали не только Пантикапей, но, как увидим ниже, и некоторые другие города Боспора — Феодосия, Фанагория, Горгиппия. Это явление, казалось бы, соответствует той автономии, которая сохранялась за городскими общинами в спартокидовском Боспоре: города (по крайней мере важнейшие из них) удерживали за собой право владения городскими землями, право самоуправления, жители городов пользовались гражданский демотикон и т. д.¹.

Однако А. Н. Зограф очень осторожно писал: «с уверенностью сказать, что эта автономная городская чеканка монеты не была только внешностью, а отражала действительные права самоуправления общины, мы, к сожалению, не можем»². Сомнения эти совершенно оправданы и справедливы.

Прежде всего уже самый факт прекращения всякой городской чеканки кроме пантикапейской в конце V и начале IV в. до н. э. свидетельствует об очень решительном вмешательстве центральной власти, т. е. Спартокидов, в монетную политику городов, вмешательства доходящего до прямого запрещения монетной чеканки. Тем самым Пантикапей, в отличие от других полисов, как бы получает право эмиссии монеты из рук тех же Спартокидов. Уже это одно ставит монетное дело Пантикапей, независимое по внешности, под верховный контроль боспорских правителей.

В дальнейшем в течение почти двух столетий монету выпускает только пантикапейский монетный двор, другие же города попрежнему остаются лишенными права чеканки. Правда, в середине IV в. до н. э. делается попытка выпуска собственной монеты в Феодосии. Известно небольшое количество медных феодосийских монет, относящихся к этому времени с типами безбородой головы на аверсе и бодающего быка на реверсе³ (табл. IX, 109). Реверсный тип этих монет совершенно явно повторяет изображения гераклейских и херсонесских монет первой половины IV в. до н. э. Указанные феодосийские монеты часто рассматриваются как свидетельство особых прав, которыми располагала якобы Феодосия в системе Боспорского государства⁴. На самом же деле этот кратковременный эпизод, так же как и аналогичную попытку Феодосии выпускать собственную монету в третьей четверти III в. до н. э., нужно связывать с воен-

ными столкновениями между Спартокидами и Гераклеей Понтийской, воспользовавшись которыми Феодосия пыталась вернуть себе независимость или хотя бы автономию по отношению к спартокидовскому Боспору¹.

Кратковременный и количественно очень слабый выпуск феодосийской меди в условиях наполнения боспорских, и в том числе феодосийского, денежных рынков большим количеством пантикапейской монеты, не мог, конечно, претендовать на какое-либо экономическое значение. Он должен был, вероятно, выполнять совсем другие функции — свидетельствовать об известной самостоятельности города по отношению к боспорским властям.

Эти повторные попытки Феодосии продемонстрировать свою самостоятельность именно посредством чеканки автономной монеты показывают, что лишение Спартокидами боспорских городов права собственного выпуска монеты рассматривалось как значительное ущемление их автономии. Возобновление автономной чеканки Фанагорией в начале II в. до н. э. и первые попытки Горгиппии чеканить свою монету в течение того же столетия объясняются, как увидим ниже, некоторым ослаблением в это время центральной власти и оживлением традиции полисной самостоятельности вообще, что нашло свое выражение и в ряде других явлений. В течение же почти всего IV и III в. до н. э. пантикапейский монетный двор оставался, с разрешения боспорских правителей, единственным поставщиком монеты для внутренних рынков Боспора.

Оставив Пантикапею возможности собственной монетной чеканки, боспорские архонты-цари, вероятно, все же сохранили за собой право верховного контроля за выпуском монеты. На это прямо указывает тот факт, что Левкон II в третьей четверти III в. до н. э., стремясь восстановить нарушенное денежным кризисом нормальное монетное обращение, не только производит выпуск медных монет от своего собственного имени, но накладывает надчеканки и на обращающуюся в это время на рынке пантикапейскую городскую медь².

Может быть и отмеченное А. Н. Зографом отсутствие на пантикапейских автономных монетах имен выборных магистратов, являющихся «важным признаком развитой автономной монеты классического и эллинистического периодов»³, объясняется тем обстоятельством, что пантикапейская чеканка не была целиком зависима от городских властей, а контролировалась

¹ К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве. ВДИ, 1953, № 4.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 190.

³ Б. XVIII, 3; З. XXXIX, 3—4.

⁴ Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, стр. 15; А. Л. Бертье-Делагард. ЗООИД. XXX, стр. 52; E. M i n n s. Указ. соч., стр. 537.

¹ Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3.

² Д. Б. Шелов. Пантикапейские монеты 3-й четверти III в. до н. э. с надчеканками. КСИИМК, XLIII.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 190.

чиновниками царя. Любопытен в этом отношении тот факт, что во II в. до н. э., в период ослабления центральной власти и некоего возрождения полисной автономии и на пантикапейском серебре появляются обозначения имен магистратов, правда не в полной форме, а в виде монограмм.

Следует принять во внимание и то предположение А. Н. Зографа, согласно которому неизменный тип лицевой стороны пантикапейских монет в IV и первой половине III в. до н. э. — голова сатира — являлся своеобразной «говорящей эмблемой» правителя из рода Спартокидов, носившего такое имя и правившего как раз в то время, когда тип этот вошел в употребление¹.

Исходя из этого предположения и учитывая особую заинтересованность боспорских правителей во внешней торговле, К. М. Колобова высказала мысль о том, что чекан золотых пантикапейских статов, «сохраняя имя города, находился уже под контролем магистратов царя»². Нам представляется, что нет необходимости связывать введение царского контроля над пантикапейской чеканкой с выпуском именно золотых статов; во-первых, потому, что чеканка их началась уже при Левконе I, изображение же сатира, напоминающее имя его предшественника, на пантикапейском городском серебре появилось раньше, еще в конце правления Сатира; во-вторых, потому, что пантикапейские золотые статы по своим типологическим, стилистическим и фактурным данным очень тесно связаны с остальной одновременной им пантикапейской чеканкой и ничем не выдают какого-либо особого отношения центральной власти к их выпуску.

Но самое предположение о наличии контроля над пантикапейской чеканкой IV в. до н. э. (независимо от употребленного для чеканки металла) со стороны чиновников царя кажется очень правдоподобным. Приведенные выше соображения говорят как будто бы в пользу этой гипотезы. Наиболее подходящим временем для введения такого контроля нам представляется самое начало IV в. до н. э., когда прекращается собственная чеканка второстепенных городов Боспора и когда происходит смена типологии пантикапейских монет, т. е. та же граница между первым и вторым периодами развития монетного дела на Боспоре. Если наше предположение правильно, мы получим еще один критерий, отличающий раннюю чеканку боспорских городов, рассмотренную в 1-й главе, от всей последующей городской чеканки Боспора, автономной по внешности, но стоящей в какой-то зависимости от царской власти на Боспоре.

В 70-х годах IV в. до н. э. при Левконе I в Пантикапее была введена золотая чеканка. Это мероприятие полностью

соответствовало той экономической политике, которую проводил, насколько можно судить, этот боспорский правитель. Это была политика наибольшего благоприятствования внешней торговле, укрепления торговых связей с греческими государствами и прежде всего с Афинами.

Уже завоевание Феодосии и упорная борьба за этот город против Гераклеи Понтийской вызывались скорее всего торговой конкуренцией между Феодосией и Боспором¹. К этому присоединилось желание овладеть феодосийской гаванью, о превосходных качествах которой нам известно от Страбона²; естественным продолжением этой политики было благоустройство феодосийского порта, произведенное Левконом³. Нет ничего удивительного в том, что этот правитель, столь заботившийся о процветании боспорской внешней торговли, принял и выпуск золотой монеты, которая должна была стать основным платежным средством в этой торговле.

Боспорское государство достигло в тот период значительного экономического процветания, как это видно из тех экспортных возможностей, которыми обладал Левкон I; уже при этом правителе вывоз хлеба в Атику был очень велик и составлял многие сотни тысяч медимнов в год⁴. А ведь кроме Афин боспорским хлебом пользовались и другие государства: документально засвидетельствован хлебный экспорт с Боспора в Митилеу⁵; декреты и надгробные надписи говорят о связях Боспора в IV в. с Амисом, Каххедоном, Византием, Гераклеей, Синопой, Кипром, Колофоном и т. д.⁶.

Только этот расцвет внешней торговли мог создать предпосылки, необходимые для чеканки в Пантикапее золотой монеты, рассчитанной на обращение на широком внешнем рынке и конкурирующей с кизикинами.

Параллельное обращение на боспорском рынке местного серебра, специально для этого рынка предназначенного, и золотых пантикапейских статов, предназначенных для внешнего рынка, но имевших хождение и внутри страны, создавало на Боспоре систему биметаллизма. Электровые кизикины, поскольку они обращались наравне с пантикапейскими золотыми статерами и замещались ими, при этом выполняли ту же роль, что и сами статы. Хотя оба вида денег, и золото (или электр) и серебро, формально могли выполнять функции меры стоимости

¹ См. об этом Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3.

² Strabo, VII, 4, 4.

³ Demosth., XX, 33.

⁴ Demosth., XX, 31; Strabo, VII, 46.

⁵ ВДИ, 1939, № 3, стр. 262—263, № 32.

⁶ Ср. А. Жебелев. Основные линии..., стр. 605—СН, стр. 134; А. С. Кацевалов. Указ. соч., стр. 40—43.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 171—172.

² К. М. Колобова. Указ. соч., стр. 62—63, примеч. 5.

сти, фактически, в полном соответствии с установленным К. Марксом законом¹, эта роль принадлежала на Боспоре только одному металлу, а именно, серебру. Золотые и электроновые деньги должны были оцениваться в серебре; в этом отношении очень любопытно упомянутое уже свидетельство Демосфена, в котором кизикский статер на Боспоре приравнивается определенному количеству серебряных аттических драхм, которые здесь являются, конечно, только счетными деньгами. Медные монеты как в IV в., так и позднее являлись лишь разменными, т. е. служили денежными знаками, условно замещающими в обращении полноценные серебряные деньги. Именно эта природа медной монеты на Боспоре и обусловила характер монетного кризиса первой половины III в. до н. э., когда, ввиду нехватки драгоценного металла, попытались полностью заменить в обращении настоящие серебряные деньги медной разменной монетой.

После введения золотой чеканки монетное дело Пантикапея развивается на протяжении всего IV в. до н. э. равномерно. Регулярный выпуск золотой и серебряной монеты, а затем и меди, устойчивый вес, хорошая фактура, художественное исполнение штемпелей монет, отсутствие всяких перечеканок свидетельствуют о четкой и бесперебойной работе монетного двора и о хорошем состоянии всей боспорской финансовой системы. Тем более неожиданным и внезапным кажется денежный кризис, разразившийся на рубеже IV и III вв. до н. э. и парализовавший всю денежную систему Боспора более чем на полстолетие.

Причины этого кризиса поддаются выяснению с большим трудом. А. Н. Зограф, больше всех сделавший для изучения состояния боспорского монетного дела в первой половине III в. до н. э., не дал никакого объяснения причин этого тяжелого состояния, ограничившись лишь констатацией определенных нумизматических фактов.

А. Л. Бертъе-Делагард пытался найти причину кризиса в чисто монетной политике Боспорского государства, полагая, что кризис был вызван теми убытками, которые понес Боспор в результате неудачной попытки чеканить собственную золотую монету. Он исходил из того, что пантикапейские золотые статеры, как более тяжелые, не могли иметь хождения наравне с македонскими золотыми статерами филипповской и александровской чеканки, подверглись быстрому изъятию из обращения, что и подорвало боспорские финансы².

Согласиться со всем этим построением невозможно по ряду причин. Прежде всего золотая чеканка Пантикапея не была настолько обильной, чтобы убытки от нее, даже если бы они и имели место, могли значительно отразиться на финансовом положении такой экономически мощной державы, каким являлось Боспорское царство. Но и самое предположение об убыточности пантикапейской золотой чеканки IV в. до н. э. ошибочно. Оно базируется на представлении, что выпуск пантикапейских золотых статеров был начат тогда, когда денежный рынок был уже наполнен золотом Филиппа Македонского и в силу этого пантикапейское золото не смогло завоевать себе места в обращении.

Уже датировка А. Н. Зографом первого выпуска пантикапейского золота 70-ми годами IV в. до н. э. вскрывает несостоятельность рассуждений А. Л. Бертъе-Делагарда. Кроме того, перечисленные выше находки пантикапейских золотых статеров вкладах вместе с кизикинами как на территории Боспора, так и за его пределами, а также и некоторые другие данные, например копирование типов пантикапейского золота в Кизике и Лампсаке, свидетельствуют о том, что статеры эти пользовались известным успехом на денежных рынках Причерноморья и обращались там наравне с кизикинами. Да и невозможно предполагать, чтобы боспорское правительство в течение многих десятилетий упорно продолжало явно убыточную чеканку золота. Между тем выпуск пантикапейских статеров продолжался до самого конца IV в. до н. э., когда они были вытеснены из обращения обильным золотом Александра Македонского. Это вытеснение пантикапейского золота македонским могло, конечно, оказать некоторое влияние на состояние боспорских финансов и усугубить денежный кризис на Боспоре, но вряд ли оно могло явиться его первопричиной.

В. Ф. Гайдукевич связывает кризис денежного обращения с начинающимся общим упадком экономической жизни Боспора в III в. до н. э. Упадок этот в свою очередь объясняется изменением внешней конъюнктуры — появлением на рынках Греции египетского хлеба, утратой Афинами своего экономического и политического значения, вторжением кельтских племен на территории Балкан и Малой Азии, передвижением племен в Северном Причерноморье¹.

Точка зрения В. Ф. Гайдукевича выгодно отличается от гипотезы А. Л. Бертъе-Делагарда тем, что она не связывает причины денежного кризиса только с монетной политикой боспорского правительства, а затрагивает более широко вопросы общего состояния боспорской экономики III в. до н. э. Однако

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 66.

² А. Л. Бертъе-Делагард. Относительная стоимость... стр. 53.

¹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 76—77.

она также вызывает возражения. Она исходит из того, что в начале III в. начался общий упадок экономики Боспора, непрерывно продолжавшийся на протяжении двух последующих столетий и целиком зависевший от неблагоприятных внешних условий. Уже это представление о постепенной деградации экономики Боспора, детально развитое в трудах академика С. А. Жебелева и прочно укоренившееся в науке, требует, на наш взгляд, значительного пересмотра¹.

Но дело не только в этом. Даже все сторонники указанной точки зрения на экономическую историю Боспора признают первую половину III в. до н. э. временем наивысшего расцвета, а начало экономических затруднений и постепенного упадка относят уже к середине III в. до н. э. Денежный кризис на Боспоре, как мы видели, проявляется очень ярко уже в самые первые годы III в. до н. э., когда указанные В. Ф. Гайдукевичем факторы, безусловно, не могли еще успеть разрушительно сказаться на боспорской экономике. Непонятно также и то, почему в начале III в. до н. э., когда согласно общепринятому мнению, экономические затруднения только еще возникали, денежная система Боспора оказалась в столь плачевном состоянии, а во второй половине III и во II в. до н. э., когда эти затруднения превратились уже в хронический и всеобщий упадок, денежная система не деградирует дальше, а наоборот успешно восстанавливается и кризисные явления в этой области преодолеваются.

Таким образом, следует признать, что история монетного дела Боспора в III в. до н. э. не только не может быть объяснена с общепринятой точки зрения на боспорскую экономику этого времени, но и сама решительно противоречит этой точке зрения.

Следует отметить также, что отдельные явления, свидетельствующие о некотором неблагополучии в боспорской монетной чеканке, наблюдаются уже в последней четверти IV в. до н. э. Мы указывали выше на частичное вытеснение серебра из чеканки и замену его медью в последних сериях IV в., причем меньшие номиналы меди (III—VI) к концу века постепенно отмирают, так что в последней серии IV в. остаются лишь два номинала медной монеты — явление характерное и для всего периода кризиса. Падение нормального веса основного номинала серебряной монеты — триобол — и возрастающая небрежность в чеканке его в последних сериях IV в. также должны быть приняты во внимание. Характерно, что все эти явления относятся к области местного обращения и во времени предшествуют тем сдвигам во внешней торговле, которые наметились в первой половине III в. Это позволяет предположить существование

местных причин для возникновения денежного кризиса, причин, коренящихся в истории самого Боспора, а не во внешних неблагоприятных условиях.

Денежный кризис выразился прежде всего в прекращении чеканки серебряной и золотой монеты и в ограничении всей эмиссии денег выпуском одной разменной меди, что безусловно свидетельствует о нехватке в казне драгоценного металла. Поскольку нехватка эта столь резко сказалась уже на рубеже IV и III вв., она не могла быть вызвана сокращением торгового оборота с Афинами или какими-либо другими затруднениями торгового порядка. Нам представляется, что причиной тяжелого состояния государственной казны должны были являться те политические события, которые переживало Боспорское государство в последней трети IV в.

Еще при Перисаде I произошла какая-то война со скифами, которая, как можно судить по рассказу Демосфена¹, расстроила на некоторое время всю экономическую жизнь Боспора. Вероятно, гораздо более губительными для боспорских финансов были междоусобные войны сыновей Перисады, в которых братья использовали наемные армии и контингенты союзных скифских войск². Войны эти должны были стоить весьма дорого и могли в короткий срок опустошить государственную казну.

Интересна в этом отношении попытка В. Д. Блаватского представить себе общий бюджет Боспорского государства в эту эпоху³. Несмотря на всю гипотетичность и приблизительность приводимых им цифр, все же следует отметить то обстоятельство, что согласно этим вычислениям доходная часть бюджета почти целиком должна была поглощаться расходами на содержание армии и флота. При этом В. Д. Блаватский имеет в виду только обычную боспорскую армию, которую имел в своем распоряжении Сатир в момент борьбы с Евмелом. Между тем этот последний также имел армию, сражавшуюся за него, конечно, не бескорыстно; помимо воинов царя Арифарна у него в распоряжении были и какие-то свои собственные военные силы, о чем свидетельствует анализ сражения при Фате и последующих событий; скорее всего это были наемники⁴. Таким образом, уже непосредственные расходы на содержание армий во время борьбы братьев за власть должны были намного превысить не только обычные годовые расходы на эти цели, но и доходную часть государственного бюджета. К этому сле-

¹ Demosth., XXXIV (с. Phorm.), 8.

² Diog. Sic., XX, 22—24.

³ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 201 сл.

⁴ Ср. В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДИ, 1946, № 1, стр. 104, пр. 2.

¹ Ср. Вопросы истории, 1954, № 2, стр. 167.

дует прибавить, вероятно, немалые расходы на подачки союзникам Сатира и Евмела, а затем — Евмела и Притана, тому же Арифариу и другим вождям местных племен, армия которых, хотя и не «требовала постоянных средств на ее содержание», но, несомненно, должна была в какой-то мере оплачиваться в виде «даров» ее вождям. Если принять во внимание также вызываемые войной расстройство торговли, частичное опустошение территории, то не будет ничего удивительного в том, что боспорская казна могла очень тяжело реагировать на все бурные события этой эпохи и что недостаток драгоценных металлов мог явиться прямым следствием этих событий. Ослабление торговых связей с Афинами, проявившееся уже в первой четверти III в. до н. э., могло оказать дальнейшее воздействие на развитие кризисных явлений в денежной системе Боспора и помешать ее стабилизации.

Глава III

МОНЕТНОЕ ДЕЛО БОСПОРА В ЭПОХУ ПОЗДНИХ СПАРТОКИДОВ

1. Денежная реформа Левкона II

К третьей четверти III в. до н. э. боспорский денежный рынок находился, как мы видели, в самом плачевном состоянии. Он был заполнен массой деградированной и обесцененной пантикапейской меди, установить твердый курс которой боспорскому правительству было не под силу. Между тем, полный разлад монетной системы не мог быть долго терпим в таком экономически развитом и мощном в торговом отношении государстве, как Боспорское царство. Правда, во внешней торговле Боспора использовалась в основном не боспорская, а интерлокальная монета, но внутренний городской рынок, уже в течение нескольких столетий бесперебойно снабжавшийся сначала серебряной, а затем и медной монетой, должен был очень остро реагировать на расстройство местного денежного обращения.

Самым верным и радикальным выходом из этого тяжелого положения было бы возобновление полновесной чеканки серебряных монет, полное изъятие из обращения обесцененной и деградированной меди и ограничение дальнейшего ее выпуска. Но правительство, видимо, не обладало необходимым для этого количеством драгоценного металла. Поэтому оно вынуждено было пойти по другому пути. А. Н. Зограф предположил¹, повидимому, совершенно справедливо, что именно стремлением найти выход из денежного кризиса был продиктован выпуск первой на Боспоре царской монеты Левконом II.

Этот боспорский правитель, царствование которого датируется лишь приблизительно началом третьей четверти III в. до н. э., предпринимает небывалый до этого на Боспоре выпуск

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 182.

медной монеты от собственного имени: на монетах обозначается уже не обычный *δημοτικόν*, не название городской общины, а имя царя и его титул — *βασιλεὺς Λεύκωνος*.

Этот акт следует прежде всего расценивать с точки зрения политической. До этого царская монета на Боспоре не выпускалась, и местный боспорский рынок в течение трехсот лет знал только автономную монету, чеканившуюся сначала различными боспорскими городами, а затем — только Пантикапеем. Правда, в греческом мире после Александра Великого царская чеканка была распространена весьма широко, были известны царские монеты и на Боспоре: здесь имели хождение золотые статыры Александра и Лисимаха, главным образом уже посмертные их выпуски¹, но в монетном деле самого Боспора до второй половины III в. продолжали строго придерживаться, по крайней мере внешне, старой традиции автономной городской чеканки. Начав выпуск медной монеты от собственного имени, Левкон тем самым формально присвоил себе право чеканки, которым обладали уже многие эллинистические династии, но которое на Боспоре до этого момента все еще продолжало принадлежать лишь городской общине пантикапейцев.

О большом политическом значении этого акта свидетельствует то обстоятельство, что после Левкона II каждый боспорский правитель стремился подтвердить свое право обладания монетной регалией путем выпуска в свет какой-нибудь монеты от своего имени. Это право уравнивало боспорских правителей с другими эллинистическими государями и в вопросах монетной политики.

Но выпуск царской монеты Левконом II имел и другую сторону. На Боспоре, в отличие от других эллинистических государств, таких как Фракия Лисимаха или птолемеевский Египет, царская чеканка особого значения не получила. Автономная городская чеканка продолжала господствовать и составляла основу всего денежного обращения Боспора вплоть до времени Митридата VI и его преемников, редкие же монеты боспорских правителей конца III и II в. до н. э. (Гигзионта, Спартока, нескольких Перисадов) выпускались лишь от случая к случаю. В области монетной политики они выполняли только роль символического подтверждения права царя на выпуск монеты, но большого значения в денежном обращении играть не могли. Медные монеты Левкона II, наоборот, прежде всего были рассчитаны на выполнение определенных функций на денежном рынке и на удовлетворение потребностей этого рынка. Таким

¹ А. Н. Зограф. Статыры Александра Македонского из керченских и таманских находок. ТОАМГЭ, I, 1945; е го же. Статыры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках. Бюллетень Керченской конференции археологов СССР, 1926, вып. 3.

образом, серия монет Левкона в известном смысле выпадает из всего развития монетного дела Боспора домитридатовского времени, являясь единственным выпуском царской монеты, не только предназначавшейся для рыночного обращения, но и призванной сыграть большую роль в организации этого обращения.

Беспрецедентность и обособленность выпуска царских монет Левконом II заставляет видеть в этом эпизоде результат каких-то чрезвычайных обстоятельств и предполагать определенное целевое направление этого мероприятия, независимо от весьма вероятного желания Левкона II закрепить за собой право выпуска монеты. Если учесть состояние боспорских финансов к моменту воцарения Левкона и невозможность для него выйти из денежного кризиса путем возобновления чеканки автономного серебра, то весьма убедительным представится предположение А. Н. Зографа о связи этого первого в истории Боспора опыта царской чеканки со стремлением преодолеть кризисное состояние боспорского денежного рынка. Выпуск монеты, подтвержденной авторитетом боспорского правителя, противопоставлялся деградированной городской меди, удерживать которую от дальнейшего обесценивания правительство не было в состоянии. Предположение это еще выиграет, если вспомнить, что в III в. на Боспоре были хорошо известны золотые статыры Александра и Лисимаха, выпущенные от их имени и являвшиеся очень устойчивой валютой. Имея их перед глазами, Левкон II мог надеяться, что выпущенная им монета, хотя — по необходимости — и медная, но снабженная царским именем, избежит того обесценивания, которому тотчас же подвергалась городская медь. С этим связано, вероятно, и заимствование Левконом для своей чеканки типов александровских монет.

Серия монет Левкона II включает три номинала меди со следующими типами:

	Лицевая сторона	Оборотная сторона
I	Безбородая голова Геракла вправо	Лук и палица
II	Голова Афины в коринфском шлеме вправо	Молния
III	Овальный щит и копье	Меч-акинак

Надпись на всех монетах βασιλέως Λεύκωνος помещена на реверсе в две строки выше и ниже эмблемы¹. Типология всей серии была нами подробно рассмотрена в специальной статье, посвященной монетным мероприятиям Левкона II². Там же разбирались и предположение А. Н. Зографа о военном характере чеканки Левкона II. Здесь важно обратить внимание на другую сторону этих мероприятий, на то, в какой степени они содействовали изжитию денежного кризиса и нормализации денежного обращения на Боспоре.

Судить об успешности мероприятий Левкона II мы можем лишь по косвенным признакам — по некоторым весовым и фактурным данным его монет. Все они чеканены на плотных и довольно толстых кружках, следов отрубца литников по краям монеты, как правило, не наблюдается, что свидетельствует об индивидуальной чеканке каждой из них. Особенно важно отметить полное отсутствие надчеканок и перечеканок на этой царской меди, которое указывает на то, что монеты Левкона в процессе обращения не подверглись обесцениванию и не потребовали подтверждения или изменения своего курса путем наложения нового штемпеля. Все это резко отличает царскую медь Левкона от предшествующей и от современной ей пантикапейской автономной монеты и заставляет нас видеть в ней первый симптом упорядочения и нормализации денежного обращения на Боспоре.

Но в то же время ряд черт в чеканке этих монет сближает их с городской пантикапейской медью середины III в.: некоторая небрежность и расплывчатость изображений, скошенный турт — очень характерные признаки чеканки периода кризиса. Следует отметить также, что вес крупнейшего номинала левконовской меди колеблется довольно значительно: наиболее тяжелые монеты достигают 13—14 г, тогда как отдельные экземпляры вполне хорошей сохранности имеют вес не выше 8—9 г. Повидимому, полностью избежать деградации в весе не удалось и для этих монет Левкона. Но уже тот факт, что колебание в весе в этих монетах не выходит за рамки пропорции 1 : 2, в то время как городская медь предшествующего периода пережила неоднократные падения веса в четыре-пять раз, говорит об известном успехе всего мероприятия Левкона. Нужно также иметь в виду, что весовые нормы для медной монеты в древности никогда не были особенно жесткими и колебание веса монет одного номинала в 1,5—2 раза и даже более не было необычным даже для периодов вполне устойчивой и нор-

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLII, 15, 16, 17; Д. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXIV, 1—3, 8—10.

² Д. Б. Шелов. Денежная реформа Левкона II. ВДИ, 1953, № 4.

мальной чеканки, хотя, правда, столь значительное колебание веса чаще допускалось в мелких номиналах.

Сравнение медных монет Левкона II с городской пантикапейской медью периода кризиса заставляет признать, что поставленная им цель в значительной степени была достигнута: Левкону удалось добиться для своей монеты относительно устойчивого курса, что позволило этой царской меди стать одним из факторов стабилизации всего денежного обращения на Боспоре.

Чеканка царской медной монеты при Левконе II была мерой исключительной и временной, основу же денежного обращения на Боспоре и в рассматриваемый период, во второй половине III и во II в. до н. э., составляла пантикапейская автономная монета, серебряная и медная.

В тот момент, когда Левкон II начал денежную реформу, выпустив медные монеты царской чеканки, денежный рынок Боспора был заполнен большим количеством обесцененной городской меди, выпущенной в первой половине и в середине III в. Последним по времени выпуском этой автономной пантикапейской меди были сравнительно крупные медные монеты с типами головы Посейдона на лицевой стороне и корабельной проры — на оборотной¹ (табл. VI, 74). А. Н. Зограф установил, путем сравнения типов этих монет с типами македонских тетрадрахм с именем Антигона, что чеканка их должна относиться к третьей четверти III в. до н. э.² Таким образом, эти монеты были выпущены либо непосредственно перед воцарением Левкона II, либо в его правление.

Одновременно с этой крупной медью в обращении находились и выпущенные ранее, еще в середине III в., деградированные медные монеты иных типов. Хорошее представление о том, из каких монетных единиц формировалось в этот период денежное обращение, дает небольшой клад, найденный в 1934 г. при строительных работах в районе Мирмекия и детально изученный А. Н. Зографом³. Основную массу клада составляли мелкие монеты с изображением головы бородатого сатира на аверсе, лука и стрелы — на реверсе⁴ (табл. VI, 72, 73). Совместное нахождение в одном кладе большого количества этих монет и нескольких монет с изображением Посейдона и проры, безусловно, свидетельствует об одновременности, по крайней мере, условно, обращения какого-то периода времени, их обращения⁵. На этом основании А. Н. Зограф даже предположил одновремен-

¹ Б. XXII, 153.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 179.

³ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г., МИА, № 4.

⁴ З. XLI, 6; Б. XIX, 38, 51; XXII, 161.

⁵ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад. ... стр. 154.

ный выпуск обеих этих групп монет в качестве различных номиналов одной серии¹.

Представляется однако вероятной несколько более ранняя датировка выпуска монет с бородатой головой сатира, луком и стрелой. Огромное большинство их представляет собой перечеканки на монетах середины III в. (типов Б. XX, 79—80, 94—95; XXI, 123—126; XXII, 165—167) (табл. VI, 73). По стилю и фактуре они тесно примыкают ко всей предыдущей чеканке, заметно отличаясь от гораздо более аккуратно и четко выполненных монет с головой Посейдона и пророй. Типологически они также никак не связаны с этой последней группой монет, так что нет никаких оснований включать их в одну серию, основываясь только на одновременности их обращения.

Выпуск монет с головой сатира (вернее, перечеканка этим типом уже находившихся в обращении монет), и чеканка серии медных монет с головой Посейдона были, повидимому, разновременными, но быстро следовавшими друг за другом операциями, имевшими место на протяжении середины и третьей четверти III в. до н. э. Именно эти две группы монет составляли основную массу денежных знаков, обращавшихся на боспорском рынке к моменту реформы Левкона II. Обращение наряду с этой медью отдельных выпущенных ранее монет первой половины и середины столетия не исключено, но, вероятно, количество таких неперечеканных монет, оставшихся на рынке, было невелико, как о том свидетельствуют лишь единичные находки их в составе мирмекийскогоклада.

Пантикапейские монеты с изображением головы Посейдона и проры в своей технике и фактуре обнаруживают ясные следы не изжитого еще кризиса, хотя чеканка их в отношении стиля значительно более аккуратно, чем чеканка монет предыдущих серий. Скошенный гурт и следы обрубка литников свидетельствуют о массовом одновременном изготовлении монет этого типа. Колебание в весе довольно значительно: у большинства монет вес держится в пределах 5—6 г, но в отдельных экземплярах падает до 4 и даже 3,5 г или поднимается до 9 г. В то же время у нас нет оснований предполагать постепенное падение веса этой монеты в процессе длительного выпуска. По всей вероятности, выпуск этого сорта монеты, хотя и был довольно интенсивным, но длился недолго, а разница в весе отдельных монет целиком зависит от небрежности чеканки. В пользу этого предположения говорит то, что разбрасываемые монеты не претерпели никакой стилистической деградации, почти обязательной в эту эпоху для монет, чеканившихся длительный период времени, и то, что мирмекийский клад, период накопления которого

не мог быть значительным, содержит в своем составе монеты самого различного веса¹.

Повидимому, очень скоро после того, как монеты с головой Посейдона были выпущены, курс их был подтвержден наложением надчеканки, а затем потребовалась вторичная их аппробация путем наложения нового штемпеля. Первая надчеканка представляет голову Афины в коринфском шлеме (табл. VI, 75), вторая — голову бородатого сатира². Изображение головы Афины первой надчеканки разительно похоже на такую же голову, украшающую средний номинал царской монеты Левкона II³. Это позволило нам высказать предположение о том, что указанная надчеканка была также наложена Левконом II одновременно с выпуском им царской монеты и что именно это мероприятие нашло свое отражение в одном из рассказов Полиена⁴.

Действительно, было бы странно, если бы Левкон II, предпринявший выпуск царской монеты с целью стабилизации денежного обращения, не попытался привести курс автономной пантикапейской монеты, заполнявшей денежный рынок, в какое-то соответствие с выпущенной им царской монетой. В единстве типов среднего номинала царской меди и надчеканки на пантикапейских монетах можно усматривать попытку Левкона II приравнять курс старшего номинала городской меди, подвергшегося надчеканке, к курсу среднего номинала его царского выпуска. Этому предположению не противоречит и сравнение весовых данных: вес левконовских царских монет с изображением головы Афины и молнии составляет обычно 5—6 г, что соответствует весу большинства пантикапейских монет с головой Посейдона и пророй.

Обращает на себя внимание также сравнительная редкость монет Левкона среднего номинала: крупные монеты царской чеканки с типами головы Геракла, лука и палицы встречаются значительно чаще. Не было ли ограничение выпуска монет с головой Афины обусловлено тем, что в обращении они могли заменяться пантикапейскими монетами с надчеканкой? Если это наше сопоставление правильно, то мы можем отгresti монеты

¹ МНА, № 4, стр. 156.

² З. XLI, 13; Б. XXII, 154—158. Все известные нам монеты этого типа подучали надчеканки именно в такой последовательности — первую с головой Афины, вторую — с головой сатира. Но в некоторых старых нумизматических сочинениях имеются рисунки монет, надчеканенных как будто бы в обратном порядке — сначала штемпелем с головой сатира, а затем — с головой Афины (см. Н. К. Köhler. Serapis, II, 1850, табл. IX, 29, 30).

³ З. XLII, 16; Б. XXIV, 8—9.

⁴ Д. Б. Шедов. Пантикапейские монеты 3-й четверти III в. до н. э. с надчеканками. КСНММК, XLIII; СР. ВДИ, 1953, № 1, стр. 37.

¹ А. Н. Зограф. Мирмекийский клад..., стр. 155.

средней величины левконовской чеканки к тому же II номиналу, что и монеты с головой Посейдона и пророй и предположительно считать их тетраخالками. Тогда старший номинал царских монет Левкона скорее всего является оболлом, а младший — дихалком. Сравнение монет Левкона с боспорской медной чеканкой времени Митридата Евпатора как будто бы подтверждает такое предположение. По крайней мере все боспорских оболлов и тетраخالков, чеканенных в первой половине I в. до н. э., довольно точно соответствует весу рассмотренных монет Левкона.

2. Чеканка Пантикапея и других городов Боспора

Вероятно еще на протяжении третьей четверти III в. до н. э. была восстановлена в Пантикапее чеканка серебра. А. Н. Зограф относит к этому времени группу серебряных монет, объединяемых общими фактурными и стилистическими данными. К ней принадлежат монеты двух номиналов, битые по аттической весовой системе, которая отныне становится единственной используемой в боспорской чеканке системой.

На лицевой стороне всех этих монет помещено изображение головы Аполлона в лавровом венке вправо, реверсные типы у них различны. Старший номинал — драхма — представлен двумя типами монет: на оборотной стороне первого помещена протома орлиноголового грифона влево, под ней колос¹ (табл. VII, 79), на реверсе второго — орел, сидящий с распушенными крыльями вправо² (табл. VII, 80). Этим драхмам соответствуют два типа триоболов (гемидрахм): оборотная сторона одного из них занята головой льва вправо, держащего в зубах меч или кинжал³ (табл. VII, 82), на реверсе другого типа — колос⁴ (табл. VII, 81). Все эти монеты объединяются в одну группу единством фактуры, стиля, формы надписи и некоторыми метрологическими особенностями. Датировка их второй половиной III в. до н. э. оправдывается тесной связью их типологии с типологическими мотивами III и даже еще IV в. до н. э. (лев, грифон, колос, орел). Форма надписи ΠΑΝ, также не позволяет передвигать всю эту серию во II в., для серебряной чеканки которого характерна уже полная форма надписи — ΠΑΝΤΙΚΑΠΙΤΩΝ.

Чеканка этих монет производилась из весьма плохого серебра довольно небрежно и в стилистическом, и в весовом отношении. Стиль изображений несколько плоскостный и расплывчатый, очень напоминает стиль медных монет середины III в. до н. э.

Все эти признаки говорят о том, что чеканка этой группы монет производилась тогда, когда не были еще окончательно изжиты финансовые трудности, столь ясно выразившиеся в монетном кризисе первой половины III в. до н. э. Присутствие в рассматриваемой группе монет «несколькох одноименных номиналов с различными типами оборота, но стоящих на той же ступени веса и пробы металла» позволило А. Н. Зографу предположить длительный выпуск этих монет в течение всей второй половины III в. и наличие в этой чеканке нескольких серий¹. Видимо, здесь имел место выпуск двух серий, каждая из которых объединяла два номинала серебра, но для определения состава и последовательности этих выпусков у нас пока нет никаких данных.

Повидимому, к концу III в. до н. э. следует относить и замечательные пантикапейские тетрадрахмы — единственные за всю историю пантикапейской чеканки. На лицевой стороне их помещена голова Аполлона, увенчанного лавровым венком, влево, на обороте — изображение пасущейся лошади и надпись ΠΑΝΤΙ² (табл. VII, 85). Определить место этой серии серебряных тетрадрахм в истории пантикапейской чеканки весьма затруднительно. А. Н. Зограф датирует ее последней четвертью III в. до н. э. только на том основании, что в это время начинается чеканка тетрадрахм в ряде городов Понта — в Херсонесе, Калхедоне, Византии³. Однако нам представляется, что само по себе это сопоставление еще не может служить достаточным основанием для датировки пантикапейских тетрадрахм. Кроме того, следует отметить, что ни по сюжетам, ни по стилю изображения пантикапейские тетрадрахмы не имеют ничего общего с нумизматическими памятниками указанных городов. Четкий и изысканный, хотя и несколько суховатый рисунок, трактовка некоторых деталей изображения (особенно волос Аполлона), форма букв надписи (например, Π) скорее заставляют сблизить эти тетрадрахмы с пантикапейскими монетами еще конца IV в. до н. э. Рассматриваемые тетрадрахмы и по стилю, и по качеству чеканки стоят особняком среди выпусков пантикапейского серебра второй половины III—II вв. до н. э., так как и предшествующее и следующее за ними серебро значительно уступает им по всем отношениям. Эти соображения лишают нас уверенности в правильности предложенной А. Н. Зографом датировки. С другой стороны изображение на этих тетрадрахмах головы Аполлона, а главное, тот факт, что чеканены они по аттической, а не по этнической весовой системе, не позволяет

¹ Б. XX, 98; 3. XLI, 18.

² Б. XXI, 102; 3. XLI, 16.

³ Б. XX, 99; 3. XLI, 17.

⁴ Б. XXII, 145—146; 3. XLI, 19.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 180.

² Б. XXI, 103; 3. XLI, 15.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 180.

датировать выпуск их более ранним временем¹. Поэтому приходится пока остановиться на датировке, данной А. Н. Зографом, лишь оговорив те сомнения, которые при этом возникают. Положение еще более запутывают опубликованные А. Л. Бертье-Делагардом² две серебряные монеты с тем же типом пасущейся лошади на реверсе, но с головой безбородого сатира на аверсе. Объяснение Бертье-Делагардом их типологии и их оригинального веса неудовлетворительно. Не имея возможности судить об их подлинности, мы вынуждены воздержаться от какого-либо их комментирования.

Серебряная пантикапейская чеканка II в. до н. э. представлена одной весьма многочисленной группой монет. Основу группы составляют серебряные драхмы, на лицевой стороне которых помещена все та же голова Аполлона в венке, а на оборотной — лук в горите и надпись ΠΑΝΤΙΚΑ | ΠΑΙΤΩΝ³ (табл. VII, 86—88). Количество известных драхм этого типа довольно велико и они значительно различаются между собой по стилю и тщательности чеканки, что, несомненно, свидетельствует о продолжительности выпуска этого сорта монеты. Кроме надписи и изображения горита в поле оборотной стороны обычно помещаются еще отдельные буквы или монограммы, иногда же добавочные изображения (палица, меч). При просмотре ряда крупнейших монетных собраний и соответствующей литературы нам удалось установить существование следующих монограмм, сокращений и эмблем на этих драхмах:

1. Эмблема отсутствует (табл. VII, 86)	6. ΠΡΑ	11. ΚΤ	15. Π и палица
2. ΕΥ	7. ΒΥ	12. ΚΤΗ (или ΜΤΗ)	16. Π и меч
3. Π (или ΠΙ)	8. ϣ	13. Ϝ	17. Меч (табл. VII, 87)
4. Κ	9. ΠΥ	14. Π (табл. VII, 88)	
5. Δ	10. ΑΑ		

Не может быть никакого сомнения в том, что буквы и монограммы должны быть расшифрованы как сокращенные обозначения личных имен, тем более, что надписи ΕΥ, Π, ΠΡΑ и другие легко могут быть истолкованы как начальные буквы

¹ См. Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, 33, 1954, стр. 66. А. Л. Бертье-Делагард относил пантикапейские тетрадрахмы даже ко II в. до н. э. Нум. сб. I, стр. 10.

² ЗООИД, XXX, стр. 53—54, табл. I, 11, 12.

³ В. XXI, 106—112; 3. XLI, 22; XLII, 1—3.

имен, очень часто встречающихся в пантикапейской просопографии.

Вряд ли можно сомневаться и в том, что имена эти принадлежат монетным магистратам, ответственным за чеканку монеты в тот или иной момент. Выше уже говорилось о том, что на Боспоре не было принято отмечать на монете имя магистрата. Рассматриваемая серия представляет в этом отношении почти единственное исключение во всей истории боспорского монетного дела домитридатовской эпохи.

Наличие сокращенных магистратских имен и эмблем на пантикапейских монетах позволяет судить хотя бы приблизительно о количестве выпусков этих монет и об их последовательности. У нас нет никаких данных ни о характере, ни о продолжительности отправления одним лицом той должности, которая давала ему право и обязанность следить за монетной чеканкой в Пантикапее. Поэтому магистратские эмблемы и монограммы ничего не дают нам для абсолютной хронологии выпусков. Недостаточно данных пока и для определения строгой последовательности выпусков, но все же кое-что об этом уже можно сказать.

Изображения на драхмах очень различны по манере исполнения: на одних монетах они исполнены тщательно и детально, на других — более небрежно, схематично¹. Этой стилистической деградации соответствуют и изменения палеографических признаков. На более ранних монетах и надпись выполнена более тщательно, буквы имеют одинаковые размеры и обычно все умещаются в монетном поле. На более поздних экземплярах строчки надписи часто неровны, буквы непропорционально широки и вырезаны так, что на монете умещаются лишь средние буквы в обеих строчках или даже буквы только одной строчки. На этих же экземплярах наблюдается иногда появление в надписях буквы Λ со сломанной внутренней черточкой и омеги, открытой сверху — Ω, тогда как на первых монетах этой группы эти буквы всегда имеют форму Λ и Ω.

На основании всех этих признаков к началу чеканки драхм этого типа можно отнести драхмы без всяких магистратских обозначений (табл. VII, 86), монеты с буквами ΕΥ² и некоторые другие. К позднейшим выпускам принадлежат, несомненно, драхмы с магистратскими буквами ΚΤ, ΚΤΗ³. Стилистической деградации здесь соответствует поздняя форма буквы Ω и небрежное исполнение магистратской надписи (ΜΤΗ). Может

¹ Х. Х. Гиль. ЗРАО, V, табл. V, 37—44.

² Х. Х. Гиль. ЗРАО, V, табл. V, 38; ЗРАО, VII, табл. XIX, 51.

³ ЗРАО, V, табл. V, 43, 44.

быть этому же выпуску принадлежат и драхмы с монограммой Γ , поскольку последняя скорее всего допускает чтение КТ.

Наибольший интерес представляют драхмы самой обильной серии, носящие на себе монограмму Π , иногда одну, иногда сопровождаемую добавочными эмблемами в виде палицы или меча, иногда же одну эмблему — меч (табл. VII, 87, 88). Очевидно, вся эта серия выпущена при одном магистрате, довольно долго осуществлявшем свои функции, связанные с чеканкой монеты и поэтому введенной для обозначения выпусков добавочные эмблемы. Может быть это лицо, скрывающееся под монограммой Π , несколько раз переизбиралось в ту же магистратуру и каждый раз обозначение его на монетах несколько видоизменялось. Разумеется, все это можно лишь предполагать. Зато совершенно несомненно, благодаря указанной постепенной деградации, последовательность выпусков в этой серии: за монетами с одной монограммой Π следуют драхмы с монограммой Π и палицей, затем — с монограммой и мечом и, наконец, — с одним мечом. Последние драхмы уже в полной мере отражают стилистическое вырождение всей серии, которому соответствуют также и некоторое уменьшение размера и веса монет. В этом последнем выпуске иногда встречаются монеты, перечеканенные из какого-то другого более раннего серебра.

Определить хронологические рамки, в которых производилась чеканка описанных драхм, очень трудно. А. Н. Зограф предполагал что выпуск их, начавшийся в первые годы II в. до н. э., продолжался до конца эпохи Спартокидов, а обращение их на рынке имело место даже уже во времена владычества Митридата Евпатора на Боспоре¹. Приведенный выше разбор одной из серий пантикапейских драхм, выпущенной при участии одного магистрата Π , говорит как будто бы против такого предположения. Дело в том, что этой серии принадлежит значительно более половины всех известных драхм II в. до н. э., во время ее чеканки совершается полная деградация этих драхм и вполне естественно предположить, что выпуск ее занимал по времени львиную долю всего отрезка времени, в который происходит чеканка драхм. Между тем выпуск этой серии ограничен хронологически продолжительностью деятельности одного человека в качестве магистрата. Это позволяет думать, что и вся чеканка рассмотренных драхм продолжалась не более 50 лет и вряд ли пережила середину II в. до н. э.

Помимо разобранных серебряных драхм с изображением лука в горите в Пантикапее во II в. до н. э. чеканили известные в несравнимо меньшем числе экземпляров драхмы другого типа, имеющие на аверсе изображение головы Аполлона,

на реверсе — треножник и надпись $\Pi\Lambda\tau\iota\kappa\alpha\iota\alpha\iota\omega\nu$ ¹ (табл. VIII, 89). На них также встречаются магистратские обозначения в виде двух-трех букв или монограмм в поле реверса под треножником. Составить список этих магистратских обозначений очень трудно, так как на многих экземплярах монет они не вышли полностью или даже вовсе не попали в поле монеты. Следует однако отметить, что ни одно из известных обозначений не совпадает с магистратскими монограммами разобранной выше серии драхм. Это ясно свидетельствует о разновременной чеканке обеих серий. Выпуск драхм с треножником скорее всего следовал за чеканкой драхм с горитом. В пользу этого предположения говорят небрежность самой чеканки, употребление в надписях поздних форм букв Λ и Ω , а также некоторые метрологические наблюдения. Таким образом, выпуск драхм с треножником следует датировать примерно серединой и третьей четвертью II в. до н. э.

Всей этой обильной чеканке драхм соответствовал выпуск более мелких номиналов пантикапейского серебра. Сюда относятся следующие монеты:

Тетрабол: Av. — голова Аполлона вправо; Rv. — протомы коня вправо, надпись $\Pi\Lambda\tau\iota\kappa\alpha\iota\alpha\iota\omega\nu$ ² (табл. VIII, 90).

Диобол: Av. — голова Аполлона вправо; Rv. — лира, надпись $\Pi\Lambda\tau\iota\kappa\alpha\iota\alpha\iota\omega\nu$ ³ (табл. VIII, 91).

Тригемиобол: Av. — голова Аполлона вправо; Rv. — маяк, надпись $\Pi\Lambda$ ⁴ (табл. VIII, 92).

Обол: Av. — звезда; Rv. — рог изобилия, надпись $\Pi\Lambda\Omega$ ⁵ (табл. VIII, 93).

Типология этой чеканки не представляет чего-либо замечательного за исключением реверсного типа тригемиобола. Изображение на монетах маяка, очень редкое в античной нумизматике вообще и почти беспрецедентное в эту эпоху, следует, вероятно, связывать с другими монетными типами, имеющими отношение к мореплаванию, периодически появляющимися на пантикапейских монетах III и II вв. до н. э.

Чеканка этого мелкого серебра производится довольно небрежно и в стилистическом и в весовом отношении. Металлы тоже очень плохой, что особенно сказывается в мелких номиналах. Монетки самого младшего номинала биты даже не из

¹ Б. XXI, 119; 3. XLII, 4.

² Б. XXI, 104; 3. XLII, 6.

³ Б. XXI, 105; 3. XLII, 5.

⁴ Б. XXIII, 1a; 3. XLII, 7.

⁵ Б. XXIII, 186.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 181, 186.

серебра, а из такого плохого биллона, что часто принимаются за медные¹.

Определить точные хронологические рамки рассматриваемой серебряной чеканки пока не представляется возможным. Нужно думать, что серебро выпускалось вплоть до последних лет спартокидовского времени. По крайней мере, самый младший номинал серии с изображением звезды и рога изобилия по своим типам не только связывается с серией медных пантикапейских монет, хорошо датированных предпоследним десятилетием II в. до н. э., но и имеет некоторые аналогии в чеканке уже митридатовой эпохи (монеты со звездой и треножником первой четверти I в. до н. э.). Реверсный тип тригемииобла — маяк — также можно связать, как уже говорилось выше, с «морскими» типами, пророй и трезубцем, появляющимися на последнем выпуске пантикапейских медных монет спартокидовского времени.

Определение медной монеты, соответствующей по времени разобранному выше пантикапейскому серебру второй половины III и II вв. до н. э., представляет значительные трудности, так как данных для датировки этой меди почти нет.

А. Н. Зограф, признавая весьма длительное обращение в надчеканенном виде монет, выпущенных в середине III в.², считал в то же время возможным относить к последней четверти III и к началу II вв. до н. э. чеканку еще одной серии медных монет³, имеющих на лицевой стороне изображение головы бородатого или безбородого сатира, а на оборотной — изображение шапок Диоскуров и надпись ΓΑΝΤΙ⁴ (табл. VIII, 100, 101). Именно эта форма надписи и послужила для А. Н. Зографа поводом к отнесению чеканки этих монет еще к концу III в. до н. э. Нам уже приходилось возражать против такой датировки этой серии и указывать на ее значительно более позднее происхождение, исходя как из данных стиля и фактуры самих монет, так и из аналогий в чеканке городов Понта и Пафлагонии и из анализа совместных находок⁵. Новые наблюдения, произведенные К. В. Голенко над перечеканками пантикапейских монет III — II вв. до н. э., полностью подтвердили отнесение всей этой серии ко второй половине II в. до н. э.⁶. Подробнее эта чеканка будет

рассмотрена ниже, при разборе монетных серий II в. до н. э.

Ко второй половине III в. до н. э. принято относить чеканку еще одной группы медных пантикапейских монет, очень интересной необычной типологией. На лицевой стороне этих монет помещено изображение головы быка, на оборотной — плуга и колоса; надпись ΓΑΝ¹ (табл. VII, 83). Это единственное на Боспоре и одно из немногих в античном мире вообще изображение на монете важнейшего сельскохозяйственного орудия имеет большое значение для изучения истории сельского хозяйства в античных государствах Северного Причерноморья и потому точная датировка монет этого типа особенно желательна. А. В. Орешников датировал их временем «ближайших преемников Полемона I», т. е. рубежом I в. до н. э. и I в. н. э.², никак не аргументировав своей датировки. А. Н. Зограф отнес чеканку этой серии меди к III в. до н. э. и именно ко второй его половине, ко времени «вновь устанавливающегося нормального денежного обращения»³. Действительно типологические мотивы (голова быка, колос), форма и расположение надписи связывают рассматриваемые монеты с пантикапейскими пумизматическими памятниками III и даже IV вв. до н. э. В то же время перечеканка этих монет позднейшими типами, относящаяся уже к началу I в. до н. э.⁴, и находки их в поздних археологических комплексах свидетельствуют о том, что монетки этого типа находились в обращении по крайней мере еще во второй половине II в. до н. э. Это заставило нас сомневаться в правильности предложенной А. Н. Зографом датировки их выпуска⁵.

Однако теперь сомнения эти должны отпасть. К. В. Голенко, изучавший монеты с плугом в различных собраниях, пришел к выводу, что они не только имели хождение, но и чеканились в течение долгого времени и в процессе чеканки как фактура, так и стиль их подверглись значительным изменениям. Не подлежит сомнению, что выпуск поздних экземпляров монет этого типа, чеканенных на тонких плоских кружках, уходит далеко во II в., тогда как ранние выпуски, битые на плотных пухлых кружках и имеющие высокий рельеф, относятся, повидимому,

¹ А. Orëshnikow. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosphorus, стр. 20, XV, табл. I, 12; МИА, № 4, стр. 171, № 258; МИА, № 25, стр. 373, № 2389.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 180.

³ Там же; ср. МИА, 4, стр. 161.

⁴ Б. XIX, 55—56; З. XLI, 20; Б. XX, 81; XXI, 137; З. XLI, 21.

⁵ Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954, стр. 67.

⁶ Ср. также мнение П. О. Карышковского, ВДИ, 1953, № 1, стр. 108—109.

¹ Б. XXIII, 187 и сл.; З. XLI, 12.

² А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, VII, М., 1887, стр. 69.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 178, ср. МИА, № 4, стр. 161.

⁴ МИА, № 4, стр. 161; МИА, № 16, стр. 178—179.

⁵ Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954, стр. 68.

еще ко второй половине III в. до н. э.¹. Начало чеканки монет с плугом еще в пределах III столетия до н. э. подтверждается также и тем, что из этих монет бывают перечеканены монетки с типами головы Аполлона и лука в горите² (табл. VIII, 95), начало выпуска которых относится к первой четверти II в. до н. э.³.

Вероятно, к концу III в. до н. э. следует отнести чеканку мелких медных монеток, имеющих на одной стороне изображение крыла грифона, на другой — треножника⁴ (табл. VII, 84). А. Н. Зограф датирует их уже началом I в. до н. э.⁵, а А. В. Орешников — даже концом I в. до н. э.⁶. Серьезным, по нашему мнению, препятствием для такой поздней датировки, служит находка этих монеток в составе небольшого клада из Керчи вместе с монетами, твердо датруемыми серединой III в. (перечеканки с треножником Аполлона и монетки с луком и стрелой)⁷. Предполагать, что обращение этих последних затянулось до начала I в., невозможно. С другой стороны, в кладе не обнаружено ни одной монеты, заведомо относящейся к столь позднему времени, в том числе нет и медных монет с типами треножника и звезды, связываемых А. Н. Зографом в одну серию с разбираемыми мелкими монетками и известными в очень большом количестве. Все это заставляет предположительно датировать указанный клад, а с ним вместе и монетки с крылом грифона, не позднее конца III в. до н. э. Типологический анализ этих монеток не противоречит такой датировке. Типы их тесно связаны с традициями III и даже IV в. (крыло грифона). Обращает внимание тождество трактовки треножника на этих монетах с треножником на перечеканках середины III в.⁸, а также одинаковый прием размещения надписи сбоку треножника. Фактура, стиль этих монет и форма надписи ΠΑΥ также не препятствуют отнесению их еще к III в. В таком случае они могли бы быть выпущены как раз в конце III в., так как в период кризиса для этой мелкой монеты места не может быть найдено. Типологически эти мелкие медные монетки примыкают к серебряным

драхмам с типами головы Аполлона и грифона, о которых мы уже говорили. Связывать их, как это обычно делается, в одну серию с гораздо более поздними монетами, имеющими на реверсе звезду, а на аверсе — треножник¹, нам кажется, нет оснований, так как объединяет их только наличие на тех и на других типах треножника, а тип этот был очень распространен в пантикапейской и вообще боспорской нумизматике в течение по крайней мере трех столетий (III—I в. до н. э.). О том, что эти монеты со звездой и треножником не встретились в составе керченского клада, мы уже говорили.

Обильному выпуску пантикапейского серебра во II в. до н. э. соответствует обильный выпуск медных монет различных типов. Впрочем почти вся эта медь — совсем мелкие монетки, исключение составляет лишь одна группа сравнительно крупных медных монет. Этот выпуск невелик по числу известных экземпляров, и по типологии своей тесно примыкает к разобранному выше серебряным драхмам II в. до н. э. На лицевой стороне этих монет изображена голова Аполлона, увенчанная лаврами, вправо, а на оборотной — лук в горите и надписанная лаврами, вправо, а на оборотной — лук в горите и надписанная в две строки ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ² (табл. VIII, 94). Таким образом, эта медь в точности повторяет один из типов пантикапейских драхм. Магистратская монограмма ΑΑ, неизменно присутствующая в поле оборотной стороны этих медных монет, также известна на серебряных драхмах³. Поскольку другие монограммы, столь разнообразные на пантикапейском серебре II в., на медных монетах не встречаются совсем, следует думать, что весь выпуск этой медной монеты был произведен одним магистратом и представлял сравнительно кратковременный эпизод в боспорской чеканке. Этому соответствует и сравнительно небольшое количество известных экземпляров таких медных монет.

Для точной датировки этого выпуска у нас нет достаточных данных. Совершенно несомненно, что он произведен был тогда же, когда выпускались серебряные драхмы с такой же монограммой. Выпуск этих драхм предположительно можно отнести к концу чеканки серебра с типами головы Аполлона и горита, т. е. уже к середине II в. до н. э. Такая датировка соответствует и тому, отмеченному А. Н. Зографом, факту, что рассматриваемая медь была встречена в составе клада, состоявшего в основном из тетрахаплов митридатского времени, и что, следовательно,

¹ К. В. Голенко. Датировка медных монет Пантикапейского конца III—II вв. до н. э. КСИИМК, 58, 1955, стр. 135.

² Б. XXI, 114; 3. XLII, 9.

³ К. В. Голенко. Указ. соч., стр. 135.

⁴ Б. XXI, 131; 3. XLII, 19.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 187. Впрочем А. Н. Зограф был сам, видимо, очень неуверен в такой датировке. При описании монетных находок из Тиритаки и Мирмекии за 1935—1940 гг., он в разных случаях дает самые различные даты монетам этого типа: начало I в. до н. э. (№ 2370), II в. до н. э. (№ 168), 2 четверть II в. до н. э. (№ 86), 2 половина II в. до н. э. (№ 2605, 2607) — МИА, 25, стр. 365 и сл.

⁶ Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, стр. 68—69.

⁷ ИАР, 47, стр. 6, № 10.

⁸ 3. XLI, 8—9.

¹ Б. XXI, 130; 3. XLII, 18.

² Б. XXI, 113; 3. XLII, 8.

³ А. М. Подшивалов. Московский Публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет, вып. I. Каталог монет. М., 1884, стр. 24, № 191.

обращение двух этих групп монет должно было хронологически соприкасаться¹.

Гораздо более постоянна во II в. до н. э. чеканка мелких медных монеток той же серии, имеющих те же типы лицевой и оборотной сторон, но — надписи в форме ΠΑΝ (табл. VIII, 95). Никаких монограмм на этой мелкой меди, разумеется, нет². Эти монетки составляют одну из самых многочисленных групп боспорских монет и почти соперничают в отношении числа находок с пантикапейскими перечеканками первой половины III в. до н. э.³ Уже огромное количество этих монет в находках заставляет предполагать большую длительность их выпуска. О том же говорит и отмеченная К. В. Голенко постепенная стилистическая и весовая деградация их⁴.

Надо думать, что чеканка этой мелкой меди началась еще в начале II в. одновременно с выпуском серебра соответствующих типов. К этому периоду восходят наиболее тяжелые и аккуратно битые экземпляры, имеющие вес около 3 г (встречаются отдельные экземпляры и с еще большим весом, достигающим 4,5 г). Но затем в процессе чеканки эти монетки переживают постепенную деградацию как в отношении стиля и фактуры, так и в весовой норме. Плотный и толстый монетный кружок заменяется тоненькой, небрежно обрубленной пластинкой, резко ухудшается и качество изображений — они становятся очень грубыми и схематичными; вес монет падает до 1,5 г и даже ниже. Очевидно, уже после того, как началась деградация монет этого выпуска, их стали бить на ранее выпущенных медных монетках с изображением головы быка и плуга⁵. До какого времени продолжалась чеканка этих мелких монеток сказать трудно, но, во всяком случае, они продолжали находиться в обращении в третьей четверти II в. до н. э., когда их стали употреблять для чеканки на них монет новых типов.

Одновременно с выпуском мелких медных монет рассмотренного вида в Пантикапее производится чеканка мелкой меди с иными типами. На лицевой стороне всех этих монеток неизменно присутствует все та же увенчанная лаврами голова Аполлона, обращенная вправо; на оборотной — различные изображения: лук и стрела (табл. VIII, 96), дельфин (табл. VIII, 97),

колос (табл. VIII, 98), венок (табл. VIII, 99); надпись всегда ΠΑΝ¹. Все эти монетки не представляют большой редкости, но все же встречаются далеко не так часто, как рассмотренные выше мелкие монеты с изображением лука в горите. Чеканены они довольно небрежно; небрежность эта проявляется как в весе их, так и во внешнем виде. Изредка встречаются перечеканки их на каких-то других монетках. Принадлежность всей этой чеканки II в. до н. э. совершенно очевидна из анализа фактуры, типологии и стиля монет, но для более точного определения времени чеканки и последовательности или одновременности выпусков у нас нет никаких данных. Можно только предполагать, что вся эта чеканка не заходит в последнюю четверть II в. до н. э., так как к этому времени должен быть отнесен выпуск целой серии медных монет уже с совершенно новыми типами.

Новая серия состоит из монет двух номиналов. Лицевая сторона монет большего номинала украшена изображением головы бородатого сатира в плющевом венке, влево, на оборотной стороне помещен рог изобилия между шапками Диоскуров и надпись ΠΑΝΤΙ (табл. VIII, 100)². На монетах меньшего номинала изображена голова безбородого сатира вправо и те же шапки Диоскуров, но без рога изобилия между ними³ (табл. VIII, 101).

Монеты обоих номиналов были выпущены в очень большом количестве и весьма часто попадают при раскопках боспорских поселений и некрополей. Вся группа монет чеканена весьма небрежно. Особенно показателен в этом отношении выпуск монет младшего номинала, часто являющихся перечеканками из ранее выпущенной мелкой меди. При этом перечеканка производилась так спешно и небрежно, что прежние типы были ясно видны из-под новых⁴. Та же небрежность чеканки сказывается и в крайней схематизации и грубости изображений на монетах⁵, в частых несовпадениях штемпеля с монетным кружком и т. п.

Датирована эта серия может быть довольно точно и твердо. А. Н. Зограф, как уже говорилось выше, относил ее к концу III или началу II в. до н. э. на том основании, что сокращение надписи ΠΑΝΤΙ характерно как раз для III в. до н. э., позднее же демотикон на пантикапейских монетах пишется полностью⁶.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 181.

² Б. XXI, 114; З. XLII, 9.

³ МИА, № 4, стр. 161, 165 сл.; № 25, стр. 359, 363 сл.; ВДИ, 1952, № 3, стр. 153, № 35; СА, XV (1951), стр. 265 сл.

⁴ К. В. Голенко. Монеты из случайных раскопок в Патрае. ВДИ, 1952, № 3, стр. 149.

⁵ Такие перечеканки были обнаружены К. В. Голенко. КСИИМК, 58 (1955), стр. 135.

¹ Б. XXI, 115; З. XLII, 11; Б. XXI, 116, 117; З. XLII, 10; Б. XXII, 147; Б. XXII, 151.

² Б. XIX, 55, 56; З. XLI, 20.

³ Б. XX, 81; XXI, 137; З. XLI, 21.

⁴ Б. XXI, 136; XXII, 174.

⁵ Напр., З. XLI, 20.

⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 180. Ср. МИА, № 4, стр. 161.

Однако с такой датировкой согласиться совершенно невозможно. Уже самый стиль и фактура рассматриваемых монет резко отличаются от стиля и фактуры монет III в. и гораздо больше напоминают чеканку II—I вв. до н. э. Э. Миннз именно на основании стилистических сопоставлений считал возможным датировать выпуск этих монет уже митридатовским временем¹. В археологических комплексах эти монеты никогда не встречаются с вещами или монетами III в., а всегда с более поздними. Неопровержимым доказательством принадлежности изучаемых монет второй половине II в. до н. э. является указание К. В. Голенко на то, что перечеканенные монеты с изображением шапок Диоскуров всегда биты на мелких монетках с луком в горите, выпускавшихся, как мы видели, в течение всей первой половины II в. до н. э.² Для датировки серии имеют значение и наблюдения П. О. Карышковского над составом металла, из которого чеканены эти монеты³.

Но, несомненно, основой для хронологического определения пантикапейских монет с шапками Диоскуров и рогом изобилия должно послужить почти полное совпадение типа оборотной стороны этих монет с типами монет городов Понта и Пафлагонии. Это совпадение было отмечено и самим А. Н. Зографом, но он почему-то не придал ему должного значения и считал случайным⁴. Между тем соответствие реверсных типов пантикапейских монет и монет Амасии, Амиса, Синопы настолько полное даже в деталях (число лучей в звездах, изгиб рога, членение надписи и т. д.)⁵, что говорить о случайном совпадении, конечно, невозможно.

Чеканка указанных монет городов Понта и Пафлагонии относится обычно ко времени Митридата Евпатора⁶. На основании аналогий с понтийскими монетами А. В. Орешников

приписывал рассматриваемые пантикапейские монеты с рогом изобилия и шапками Диоскуров уже митридатовскому времени, связывая их появление с прямым подчинением Пантикапея Понтийскому царству¹. Ф. Имхоф-Блумеру в его сочинении о медных монетах царства Митридата удалось чрезвычайно убедительно доказать, что интересующие нас понтийские монеты с изображением рога изобилия и шапок Диоскуров чеканились в городах Амасе, Синопе и Амасии в первые годы царствования Митридата VI, т. е. в предпоследнем десятилетии II в. до н. э.² Этим же временем должна быть датирована и совершенно аналогичная понтийским монетам по типу оборотной стороны рассматриваемая пантикапейская медь. Помимо типологических аналогий следует отметить совпадение в номиналах, так как пантикапейские монеты с бородатой головой сатира на аверсе, рогом изобилия и шапками Диоскуров на реверсе как по величине, так и по весу соответствуют большему номиналу I серии понтийских монет Ф. Имхоф-Блумера, а монеты с безбородой головой сатира и одними шапками Диоскуров — младшему номиналу той же серии. Разница заключается лишь в том, что в городах Понта и Пафлагонии эти монеты чеканились очень аккуратно и тщательно в весовом отношении, а на Боспоре — весьма небрежно, благодаря чему на Боспоре колебания в весе были очень велики.

Датировать рассматриваемую пантикапейскую медь несколько более поздним временем и считать ее, как это делает А. В. Орешников, битой уже после подчинения Боспора Митридату, нам кажется, невозможным, потому что на лицевой стороне соответствующих понтийских монет помещена голова ребенка, очень удачно истолкованная Ф. Имхоф-Блумером, как голова самого Митридата VI³. Если бы пантикапейские монетарии начали чеканить монету подобного типа уже в период подчинения Боспора Митридату, они вряд ли имели бы возможность и основания заменять голову этого правителя на монетах головой сатира, а в предпоследнем десятилетии II в., перед присоединением Боспора к державе Митридата, это было вполне естественным.

Медная чеканка Пантикапея спартокидовского времени завершается серией совсем мелких монеток с новыми типами — головы Афины на лицевой стороне и проры или трезубца — на оборотной, надпись ΠΑΝ⁴ (табл. VIII, 102, 103). А. Н. Зо-

¹ E. Minns. Указ. соч., стр. 629.

² К. В. Голенко, КСНМК, 58 (1955), стр. 136.

³ П. О. Карышковский. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». ВДИ, 1953, № 1, стр. 108—109.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 180, ср. МИА, № 4, стр. 161.

⁵ W. Wroth. BMC, Pontus, Paphlagonia etc. London, 1889, стр. 6, 19, 100, табл. I, 13; III, 13; E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, I, 1, Paris, 1904, табл. IV, 7; VII, 28; XXVI, 10. Fg. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung des Mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens, NZS, XLV (1912), табл. I, 1, 3, 5. Интересно отметить, что значительно ранее подобный тип получает применение на монетах Берингии II и под их воздействием на острове Мелосе. Но характер изображений и трактовки деталей на этих монетах совершенно иной, чем на монетах Понта или Боспора.

⁶ W. Wroth. Указ. соч., стр. 6 и др.; E. Babelon, Th. Reinach, Указ. соч., I, 1, стр. 28 и др.

¹ Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII, стр. 56.

² Fg. Imhoof-Blumer. Указ. соч., стр. 169 и сл., 183; с датировкой Ф. Имхоф-Блумера согласен и А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 186.

³ Fg. Imhoof-Blumer. Указ. соч., стр. 172.

⁴ Б. XXII, 176; 3. XLI, 14; Б. XXII, 177; 3. XLIII, 4.

граф разделял эти два вида монеток и датировал их различно: монеты с трезубцем — концом II — началом I в. до н. э., а монеты с пророй — второй половиной III в. до н. э., сопоставляя их в одной серии с крупной медью, имеющей тоже изображение проры на реверсе и голову Посейдона на аверсе¹ (табл. VI, 74). От последней датировки следует решительно отказаться². Встречаемые мелкие монетки с изображением проры, перечеканенные из монет с типом шапок Диоскуров на реверсе³ (табл. VIII, 101), которые сами относятся, как мы только что видели, к предпоследнему десятилетию II в. до н. э. Близость обоих видов монет хорошо засвидетельствована совместной находкой их, в количестве более десятка, в погребении, вместе с краснолаковой чашкой⁴. Кроме того, часто встречаются перечеканки монет с головой Афины и пророй новыми типами — звездой и треножником⁵, относящиеся уже к началу I в. до н. э.⁶. Все эти данные, а также полное тождество изображений головы Афины на монетах с пророй и на монетах с трезубцем заставляют сопоставлять обе эти группы монет в единой серии и датировать их концом II в. до н. э., вероятно, еще тем же предпоследним десятилетием этого века.

Указанные монеты являлись, повидимому, выпуском пантикапейской меди, непосредственно предшествующим бурным событиям конца II в. — восстанию Савмака и присоединению Боспора к Понтийской державе Митридата VI. Об этом свидетельствует перечеканка их новыми типами в начальный период правления Митридата на Боспоре — в первой четверти I в. до н. э.

Кроме Пантикапея во второй половине III и во II в. до н. э. эпизодически производится чеканка и в некоторых других центрах Боспора.

В самом начале рассматриваемого периода, в третьей четверти III в. до н. э. делает попытку выпустить собственную монету Феодосия. Именно к этому времени относятся медные монеты этого города, имеющие на лицевой стороне изображение головы Афины в коринфском шлеме, а на оборотной — лука в горите и палицы; надпись ΘΕΥ⁷ (табл. IX, 110). Датировка этой феодосийской меди достаточно надежно удостоверяется

полным тождеством головы Афины на лицевой стороне ее с таковой же головой на среднем номинале царского выпуска Левкона II (табл. VII, 77). С меньшей уверенностью, на основании данных фактуры и стиля, к этому же времени можно отнести чеканку известной лишь в одном экземпляре серебряной монеты, на лицевой стороне которой помещено изображение головы Геракла, а на оборотной — палица и надпись ΘΕΥΔΟ¹ (табл. IX, 111). Указанная феодосийская чеканка совпадает по времени с царствованием на Боспоре Левкона II и с борьбой этого правителя против Гераклеи Понтийской. Это обстоятельство заставляет нас видеть в эпизодической феодосийской чеканке III в. до н. э. так же, как и в попытке Феодосии выпускать монету в аналогичных условиях столетием раньше, своеобразный политический акт, свидетельствующий о сепаратистских тенденциях этого города по отношению к спартокидовскому Боспору². Количественная незначительность феодосийской чеканки не позволяет придавать ей какого-либо серьезного значения в истории экономической жизни Боспора и в истории его денежного обращения.

Совершенно иной характер имеет возобновившаяся в рассматриваемый период чеканка монеты Фанагорией. Чеканка эта не была кратковременным эпизодом, она осуществлялась на протяжении всего II в. до н. э. и продолжалась позднее уже во времена Митридата Евпатора и его преемников.

Во II в. в Фанагории выпускают главным образом мелкую медную монету с традиционными пантикапейскими типами: голова бородатого сатира, увенчанного плющем, лук и стрела, надпись ΦΛ³ (табл. IX, 112). Монеты эти известны в довольно большом количестве и неизменно встречаются, хотя и единичными, при раскопках боспорских городов.

Относительно датировки описанных фанагорийских медных монет существуют различные мнения. Э. Миннз помещает их чеканку во II или I вв. до н. э.⁴ А. В. Орешников⁵ и вслед за ним Ю. С. Крушкел⁶ датируют их I в. до н. э., А. Н. Зограф⁷ и Л. П. Харко⁸ — концом III — началом II вв. до н. э. Послед-

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 179, МИА, № 4, стр. 161.

² См. нашу статью в МИА, № 33; стр. 62—63, ср. мнение К. В. Голенко, ВДИ, 1952, № 3, стр. 149 и П. О. Карышковского, ВДИ, 1953, № 1, стр. 108.

³ Б. XXII, 175.

⁴ ИАК, 25, стр. 65, № 213 (33).

⁵ Б. XXI, 130; 3. XLIII, 18.

⁶ Например, Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 369.

⁷ Б. XVIII, 8—9; 3. XXXIX, 5.

¹ А. Л. Бертъе - Деллагард. Монетные новости древних городов Тавриды, ЗООИД, XXX, 1912, стр. 52, табл. I, 10.

² Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3.

³ Б. XXIII, 8 и сл.; 3. XLII, 13.

⁴ E. Minns. Указ. соч., стр. 629.

⁵ Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, VII, стр. 54.

⁶ Ю. С. Крушкел. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Гос. Историч. Музея. СА, XV, стр. 270—271.

⁷ МИА, № 4, стр. 162; Античные монеты, стр. 181.

⁸ Л. П. Харко. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг., МИА, № 25, стр. 360.

няя датировка, наиболее распространенная, исходит из типологических сопоставлений фанагорийских монет с монетами Пантикапея, имеющими те же изображения. Однако типологические аналогии в данном случае недостаточны для обоснования датировки. Базируясь на этих аналогиях, мы должны были бы отнести фанагорийскую чеканку еще к первой половине III в. до н. э., когда типы головы сатира и лука со стрелой господствовали в пантикапейском монетном деле; во второй половине III в. и в начале II в. эти типы на пантикапейских монетах уже отсутствуют. Между тем, столь надежный критерий, как перечеканки говорят о значительно более позднем происхождении по крайней мере части фанагорийских монет с луком и стрелой. Чеканка их продолжалась весьма длительный срок, об этом свидетельствуют постепенная деградация стиля и падение веса фанагорийских монет, хорошо прослеживаемые в любой коллекции.

Совершенно прав К. В. Голенко в своем предположении, что эти монеты чеканились в продолжение всего II в. до н. э.¹ Это подтверждается не только внешними данными многих из этих монет, имеющих разительное стилистическое и фактурное сходство с пантикапейскими монетами второй половины II в. до н. э., но и многочисленными перечеканками. Судить о том, когда в точности начался выпуск фанагорийской монеты, мы не можем. Однако надо думать, что если это событие имело место еще в III в. до н. э., то не ранее самого конца его, так как в монетныхкладах III в. фанагорийские монеты никогда не встречаются.

Вероятно к рубежу III и II вв. можно отнести первые выпуски фанагорийских монет, битых на новых монетных кружках² хорошего веса (около 4—5 г). Более поздние фанагорийские монеты с теми же типами (голова сатира — лук и стрела) имеют гораздо меньшую величину, меньший вес и в огромном большинстве своем являются довольно небрежной перечеканкой из мелких медных пантикапейских монет³. Материалом для этих перечеканок служили уже известные нам монетки с типами головы быка, плуга и колоса⁴ (табл. VII, 83), монеты с головой Аполлона с горитом⁵ (табл. VIII, 95) и, наконец, наиболее поздние монеты с безбородой головой сатира на аверсе

и шапками Диоскуров на реверсе¹ (табл. VIII, 101). Поскольку последние серии пантикапейских монеток, послужившая материалом для фанагорийских перечеканок, сама была выпущена уже в 120—110 гг., не может быть сомнения в том, что чеканка фанагорийских монет с луком и стрелой продолжалась до самого конца спартокидовского времени.

Датировать хотя бы часть этих фанагорийских монет уже I в. до н. э. нам кажется невозможным, так как денежное обращение Боспора времени Митридата Евпатора складывалось из совершенно других денежных единиц, и фанагорийская чеканка этого времени нам хорошо известна. Характерно и то, что фанагорийские монеты с луком и стрелой никогда не бывают биты не только на пантикапейских монетах со звездой и треножником, относящихся к началу I в. до н. э., но и на монетах с головой Афины и пророй или с головой Афины и трезубцем (табл. VIII, 102, 103), выпуск которых был предпринят в конце II в. до н. э., вероятно, непосредственно перед восстанием Савмака. И эти пантикапейские монеты с головой Афины и последние выпуски фанагорийских монет с луком и стрелой бывают перечеканены из одних и тех же пантикапейских монеток с шапками Диоскуров; можно думать, что и время их выпуска одно — конец предпоследнего десятилетия II в. до н. э.

Значительно реже чем вышеописанные монетки с луком и стрелой, попадаются медные фанагорийские монеты другого типа. Они имеют на лицевой стороне изображение безбородой головы вправо, на оборотной — виноградную гроздь и надпись $\Phi\Lambda\Lambda$ ² (табл. IX, 113). Выпуск их датируется А. Н. Зографом так же, как и выпуск разобранных уже фанагорийских монет концом III — началом II в. до н. э.³ Вероятно, чеканка этих монеток была начата на рубеже III и II вв. одновременно с чеканкой монет с луком и стрелой, с которыми они составляют одну серию, представляя, судя по весу, младший номинал. Известны перечеканки этих фанагорийских монет на пантикапейских медных монетках с головой быка, плугом и колосом (табл. VII, 83), но на более поздних пантикапейских монетах с луком в горите или с шапками Диоскуров они никогда не бы-

¹ К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрзе. ВДН, 1952, № 3, стр. 149.

² Б. XXIII, 8, 9.

³ Б. XXIII, 10, 11.

⁴ К. В. Голенко. Указ. соч., стр. 149, 154, № 50.

⁵ Там же. № 51; Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, VII, стр. 54, 71, № 499.

¹ Н. К. Кёбле. Serapis, II, 1850, табл. X, 4; Г. Спасский. Боспор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846, стр. 21, № 14; его же. Археолого-нумизматический сборник. М., 1850, табл. 1, 27; Б. Кёне. Указ. соч., I, стр. 401.

² Б. XXIII, 22. Рисунок у П. О. Бурачкова ошибочно представляет голову на лицевой стороне монеты во фригийском колпаке. А. Н. Зограф полагает, что голова эта принадлежит Дионису (МИА, 4, стр. 162, пр. 1), но не исключена возможность видеть в ней и голову Аполлона — господствующую в то время типологический мотив.

³ МИА, № 4, стр. 162; Античные монеты, стр. 181.

вают перечеканены, что свидетельствует о сравнительно недолгом их выпуске, ограничивающимся, вероятно, первой половиной II в. до н. э. Не переживают они и стилистической и весовой деградации, отмечаемой для монет с луком и стрелой.

Фанагория во II в. до н. э. выпускает наряду с мелкими медными монетками и одну серию серебряных монет. На лицевой стороне их помещено изображение женской головы вправо, на оборотной — цветок граната и надпись $\Phi \Lambda \Nu \Gamma \omicron$ | $\Pi \tau \omega \Nu$ ¹ (табл. IX, 114). По стилю и фактуре монеты эти, несомненно, принадлежат II в. до н. э., но оснований для более точной датировки они сами по себе не дают. Нам представляется возможным более определенно датировать их путем сопоставления с единственным выпуском серебряной монеты другого боспорского города — Горгиппии. Выпуск представлен всего одной, известной нам, серебряной монетой, лицевая сторона которой украшена изображением лучезарной головы Гелиоса вправо, а на оборотной помещены рог изобилия между двумя звездами и надпись $\Gamma \omicron \rho \Gamma \iota \pi \pi \iota$ (табл. IX, 115).

Весьма примечателен самый факт начала чеканки серебряной монеты во II в. до н. э. двумя городскими общинами Боспора, одна из которых — Горгиппия — вообще до этого времени монеты никогда не чеканила, а другая — Фанагория — на протяжении почти трех предшествующих столетий либо была лишена права чеканки, либо вынуждена была ограничиваться выпуском мелкой разменной меди. Вряд ли можно сомневаться в том, что начало выпуска серебряной монеты в обоих городах азиатского Боспора стимулировалось одними и теми же условиями и совпало по времени. Синхронность этих двух выпусков подтверждается и полным совпадением стиля монет обоих городов и главное очень интересной типологической связанностью их, о которой речь будет дальше.

Оборотная сторона горгиппийской серебряной монеты аналогична разобранному выше медным монетам Пантикапея и понтийских городов предпоследнего десятилетия II в. до н. э. (табл. VIII, 100). Точно так же расположен рог изобилия между звездами, также разрезает он надпись, также сокращена самая надпись. Различие состоит в том, что увенчанные звездами шапки Диоскуров, присутствовавшие на понтийских и пантикапейских монетах, на горгиппийской драхме заменены одними лишь звездами, принадлежность которых тем же Диоскурам совершенно несомненна. Эта аналогия позволяет более точно датировать горгиппийскую, а вместе с ней и фанагорийскую серебряную чеканку, отнеся ее к самому последнему десятилетию правле-

ния Спартокидов. Об условиях возникновения этой чеканки во второстепенных городах Боспора будет сказано ниже, сейчас же необходимо рассмотреть весовую систему городской чеканки Боспора во второй половине III и во II в. до н. э.

3. Весовая система городской чеканки

Вся чеканка серебряной боспорской монеты в конце III и во II вв. до н. э. производилась по аттической весовой системе, причем постоянно выпускаемым номиналом являлась драхма.

Можно составить таблицу, отражающую серебряную чеканку на Боспоре в рассматриваемый период (см. табл. на стр. 179).

Определение номиналов всей этой чеканки произведено А. Л. Бертъе-Делагардом, им же выведены и средние веса для каждого номинала каждой серии¹.

Рассмотрение весовых данных боспорского серебра III и II вв. до н. э. позволяет сделать некоторые, не лишние интереса, наблюдения.

Драхмы обеих серий второй половины III в. до н. э. имеют, согласно вычислениям А. Л. Бертъе-Делагарда, почти одинаковый средний вес 3,11 и 3,13². Обращает на себя внимание крайняя небрежность этой чеканки, выражающаяся в частности в огромной терпимости веса. Наиболее тяжеловесные экземпляры этих драхм достигают почти 4 г (3,93), тогда как некоторые монеты весят около 2 г и даже меньше³. Нормальный вес этого номинала на Боспоре был, вероятно, значительно выше указанного А. Л. Бертъе-Делагардом среднего веса и составлял что-нибудь около 3,75, но вследствие небрежной чеканки действительные веса большинства монет сильно отставали от нормы. В аттическом серебре нормальный вес драхмы составлял теоретически 4,37 г, а фактически в это время аттическая драхма весила менее 4,20 г⁴. Таким образом, и в этой чеканке наблюдаются особенности, характерные для боспорского серебра V и IV вв., — значительное его отставание, даже в нормальных, т. е. «указных» весах, не говоря уже об индивидуальном весе монет, от соответствующих весовых норм, применяемых в собственно Греции. В сериях второй половины III в. до н. э. это отставание особенно велико, что, несомненно, свидетельствует о не изжитых еще финансовых затруднениях, связанных с деженным кризисом первой половины III в.

¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы..., стр. 87 № 141 и сл.

² Там же, стр. 88, №№ 143, 145.

³ Там же.

⁴ Нум. сб. I, стр. 26—27.

¹ Б. XXIII, 6; 3. XLII, 12.

² 3. XLII, 14.

Время	Номиналы					
	тетрадрахмы	драхма	тетрабол	трибол	диобол	тригемнобол
Последняя треть III в. до н. э.	Б. XXI, 103 (З. XLI, 15)	Б. XX, 98 (З. XLI, 18) Б. XXI, 102 (З. XLI, 16)		Б. XX, 99 (З. XLI, 17) Б. XXII, 145—146 (З. XLI, 19)		
Первая половина II в. до н. э.		Б. XXI, 106—112 (З. XLI, 22; XLI, 1—3)	Б. XXI, 104 (З. XLI, 6)		Б. XXI, 105 (З. XLI, 5)	Б. XXIII, 1a 186 (З. XLI, 7)
Вторая половина II в. до н. э.		Б. XXI, 119 (З. XLI, 4)				
		Горгиппия З. XLI, 14	Фанагория Б. XXII, 6 (З. XLI, 12)			

Дело не ограничивается здесь понижением веса монеты. Весьма характерен для этой чеканки и очень плохой состав серебра. Огромная лигатура неблагородных металлов, присутствующая в этих монетах, фактически еще более понизжала реальное содержание в них серебра. Все сказанное в полной мере относится и к выпущенным одновременно с рассмотренными драхмами двум сериям триоболов.

Совершенно иную картину представляют пантикапейские тетрадрахмы аттической системы: они чеканены очень тщательно из хорошего серебра и не обнаруживают следов деградации ни в весе, ни во внешнем облике. А. Л. Бертъе-Делагард выводит для них средний вес 15,59, который, вероятно, очень близок к весовой норме этого номинала¹. Такая тщательность чеканки, как и самый факт выпуска крупной серебряной монеты, свидетельствует о полном преодолении кризисных явлений в боспорском монетном деле.

Пантикапейских тетрадрахм известно очень немного — всего восемь экземпляров. Их выпуск был, повидимому, непродолжителен и не очень велик.

Гораздо более обильны выпуски серебряных драхм с изображением лука в горите, датируемые примерно первой половиной II в. до н. э. Выше говорилось о том, что эти драхмы распределяются по выпускам в соответствии с имеющимися на них магистратскими дифферентами. А. Л. Бертъе-Делагард указал их веса все вместе без учета дифферентов и вывел общий средний вес — 3,62². Этот средний вес показывает значительное улучшение чеканки по сравнению с серебром второй половины III в. до н. э., когда средний вес драхм составлял всего 3,11—3,13 г. Колебание в весе этих драхм все же очень велико — от 4,41 до 2,39, но следует отметить, что не все выпуски дают такое резкое колебание. При просмотре монетных собраний можно заметить, что монеты с наиболее низкими весами чаще содержат те серии, которые определены выше на основании стилистического анализа, как позднейшие — с дифферентами в виде монограммы П и палицы, П и меча, одного меча, надписи КТН.

Таким образом, ясно устанавливается, что чеканка всей этой группы драхм, начатая около рубежа III и II вв. до н. э. довольно тщательно, затем постепенно приобретает черты не только стилистической, но и весовой деградации. Правда, в позднейших выпусках встречаются иногда и более тяжелые монеты, но, вероятно, это объясняется не только небрежностью чеканки, но и большим содержанием в них лигатуры, примесь которой со временем становится все заметнее.

¹ Нум. сб. II, стр. 87, № 141.

² Там же, стр. 87—88, № 142.

Эти наблюдения над постепенной весовой деградацией драхм первой половины II в. до н. э. находят себе подтверждение в весовых нормах следующей по времени серии драхм, на оборотной стороне которых красуется треножник. Чеканка этих, весьма редких, драхм относится, по всей вероятности, к третьей четверти II в. до н. э. Средний вес их, выведенный А. Л. Бертъе-Делагардом, правда всего из весов четырех экземпляров — 3,30. Ни одна из них в весовом отношении не поднимается выше 3,53¹, чем и подтверждается дальнейшее падение веса этого основного номинала в серебряной чеканке Пантикапея II в. до н. э.

Младшие номиналы чеканки, представленные в большинстве своем немногими экземплярами монет, характеризуются весьма небрежной чеканкой, большой терпимостью веса и очень плохим качеством металла, доходящим в самых маленьких монетах до биллона.

А. Л. Бертъе-Делагард дает следующие средние веса для младших номиналов пантикапейского серебра II в. до н. э.²:

Тетробол	— 2,59
Двобол	— 1,26
Тригемибол	— 0,91
Обол	— 0,55

Эти цифры, повидимому, довольно близки к нормальным весам соответствующих номиналов, которые и здесь как всегда были, вероятно, немного выше средних весов. Этим же весовым нормам отвечают и фанагорийские тетроболы (средний вес 2,57). Говорить о весе горгиппийской драхмы на основании единственного известного экземпляра невозможно.

Определение номиналов медной пантикапейской чеканки конца III—II вв. до н. э. очень затруднено все той же крайней весовой небрежностью в чеканке. Ценность мелкой меди была условна в еще большей степени, чем ценность крупной меди, и, естественно, что вес мелких монет одного и того же номинала мог колебаться очень значительно. Уже в момент чеканки монеты допускалось колебание в весе отдельных экземпляров в два-три раза, как о том свидетельствуют редкие экземпляры, дошедшие до нас в состоянии *flour de coin*. Но подавляющее большинство медных монет дошло до нас в очень плохом состоянии, сильно испорченными коррозией и утратившими значительную часть первоначального веса, что еще более затрудняет какие-либо метрологические сопоставления.

Учитывая все эти оговорки, можно лишь очень предположительно говорить о номиналах медной монеты II в. до н. э. Повидимому, один и тот же номинал в разных сериях, последовательно сменявших друг друга, представляли пантикапейские монеты с изображением бычьей головы и плуга¹, головы Аполлона и лука в горите², головы Аполлона и лука со стрелой³, головы Аполлона и дельфина⁴, головы сатира и шапок Диоскуров⁵, головы Афины и проры⁶, головы Афины и трезубца⁷ (табл. VII, 83; VIII, 95, 96, 97, 101, 102, 103). Предположение о том, что всеми этими монетами представлен один номинал, находит себе оправдание не только в сравнительно одинаковом колебании весов этих монет (обыкновенно от 1,5 до 2,5 г в экземплярах хорошей сохранности), но и в том, что монеты эти неоднократно перечеканивались друг из друга. Какое название следует дать этому номиналу, сказать очень трудно. Во всяком случае, он меньше того номинала, который представлен самыми мелкими из медных парских монет Левкона II и который выше был предположительно определен как дихалк. Таким образом, все только что перечисленные монеты II в. до н. э. могут быть либо халком, либо его фракциями. Более вероятно кажется первое.

Еще более мелкую единицу представляют собой медные монетки с изображениями крыла грифона и треножника⁸, головы Аполлона и колоса⁹, головы Аполлона и венка¹⁰ (табл. VII, 84; VIII, 98, 99). Вес их колеблется обычно в пределах от одного до полутора грамм.

Медные монеты более крупного размера встречаются во II в. до н. э. в Пантикапее только в двух сериях. Известные в не-большом количестве крупные монеты с изображением лука в горите и магистратской монограммой $\Delta\Delta$ ¹¹ (табл. VIII, 94), А. Н. Зограф считает тетрахалками на том основании, что они были встречены в кладе монет митридатского времени, состоявшего сплошь из тетрахалков¹². Весовые нормы этих монет и их размер также отвечают принятым на Боспоре для тет-

¹ Б. XXIII, 187—189; 3. XLI, 12.

² Б. XXI, 114; 3. XLII, 9.

³ Б. XXI, 115; 3. XLII, 11.

⁴ Б. XXI, 116, 117; 3. XLII, 10.

⁵ Б. XX, 81; XXI, 137; 3. XLI, 21.

⁶ Б. XXII, 176; 3. XLI, 14.

⁷ Б. XXII, 177; 3. XLIII, 4.

⁸ Б. XXI, 131; 3. XLIII, 19.

⁹ Б. XXII, 147.

¹⁰ Б. XXII, 151.

¹¹ Б. XXI, 113; 3. XLII, 8.

¹² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 181.

¹ Нум. сб. II, стр. 88, № 144.

² Там же, стр. 88 сл.

рахалков нормам (7—8 г в экземплярах хорошей сохранности) времени Митридата VI.

Гораздо труднее определить номинал весьма распространенных медных монет последней четверти II в. с изображением бородатого сатира и рога изобилия между шапками Диоскуров¹ (табл. VIII, 100). Они являются старшим номиналом в серии, более мелкий номинал которой был предположительно определен выше как халк. Вес их, колеблющийся в пределах от 3,5 до 5,5 г, значительно ниже весовых норм тетрахалков близкой по времени митридатовой эпохи и приближается к весу младшего номинала царских монет Левкона II, в которых скорее всего нужно видеть дихалки. Однако представляется очень вероятным, что к концу спартокидовского времени, когда выпускались рассматриваемые монеты с рогом изобилия, обычный вес тетрахалка значительно понизился и в таком случае именно этот номинал скорее всего может быть представлен монетами с рогом изобилия.

Фанагорийские медные монеты конца III и II вв. до н. э. с изображением лука и стрелы по величине и весу довольно резко распадаются на две группы, составляющие, по видимому, два номинала, младший из которых соответствует большинству пантикапейских медных монет II в. до н. э. (халк?), а старший представляет скорее всего дихалк. Монеты Фанагории с изображением виноградной грозди все принадлежат к младшему номиналу. Впрочем, определение номиналов фанагорийских медных монет может быть лишь весьма условным, так как эта медь, подобно пантикапейской меди, пережила в течение II в. известную весовую и стилистическую деградацию.

Если попытаться сопоставить чеканку пантикапейской меди второй половины III и II вв. до н. э. в единой таблице, обозначив в ней приблизительную длительность чеканки (но не обращения) каждого вида монет, получается картина, отраженная в таблице на стр. 183.

При рассмотрении этой таблицы следует учитывать, с одной стороны, те оговорки, которые приходилось делать в отношении датировки отдельных видов медной монеты, с другой — условность деления всего рассматриваемого отрезка времени по четвертям столетия. Тем не менее таблица ясно показывает изменения, произошедшие в медной пантикапейской чеканке II в. до н. э., по сравнению с предыдущим периодом.

Если в конце IV и первой половине III в. до н. э. основными номиналами меди были обол и тетрахалк, то теперь первый из них отсутствует совсем, а второй чеканится лишь эпизодически. Зато систематически и достаточно обильно выпускаются мел-

кие номиналы меди, причем иногда один и тот же номинал представлен несколькими видами монет. Таким образом, медная монета в конце III и во II в. до н. э. выполняет свою основную функцию, являясь разменной монетой к соответствующим выпускам серебра; ею не пытаются заменить серебряные деньги, как это было в первой половине III в.

Длительный выпуск одного и того же вида монеты в течение многих десятилетий говорит об известной устойчивости чеканки. В то же время постепенная стилистическая и весовая деграда-

время чеканки		номиналы												
		тетрахалк		дихалк		халк (?)				дробная чеканка				
III в. до н.э.	3-я четверть													
	4-я четверть													
II в. до н.э.	1-я четверть													
	2-я четверть													
	3-я четверть													
	4-я четверть (до 110 г.)													
Типы		6. ХХХ 163	6. ХХХ 113 = 3. ХХХ 8	6. ХХХ 55 = 6 = 3. ХХХ 20	6. ХХХ 107 = 9 = 3. ХХХ 12	6. ХХХ 114 = 3. ХХХ 9	6. ХХХ 115 = 3. ХХХ 11	6. ХХХ 116 = 3. ХХХ 10	6. ХХХ 81 = 3. ХХХ 27	6. ХХХ 178 = 3. ХХХ 14	6. ХХХ 177 = 3. ХХХ 4	6. ХХХ 131 = 3. ХХХ 18	6. ХХХ 147	6. ХХХ 161

ция пантикапейской меди (так же как и серебра) на протяжении II в. до н. э., понижение веса номиналов в сериях последней четверти этого столетия, быстрая смена типов и многочисленные переиздания монет предпоследнего десятилетия II в. — все эти явления позволяют предполагать новое ухудшение экономического положения Боспора к концу эпохи Спартокидов.

4. Царская чеканка Спартокидов

Наш очерк о монетной чеканке Боспора второй половины III—II вв. до н. э. был бы неполным, если бы мы не коснулись немногочисленных, но во многих отношениях весьма интересных золотых и серебряных царских монет, битых от имени архонтов и царей Боспора — Спартокидов. Помимо медных монет Левкона II, рассмотренных выше, до нас дошли царские монеты с

¹ Б. XIX, 55, 56; 3. ХLI, 20.

именами Спартока, Перисада, Гигзионнта¹. Ниже мы попытаемся выяснить, какое место занимали эти монеты в денежном обращении Боспора, сейчас же рассмотрим самые монеты.

Наиболее ранними (не считая монет Левкона II) из царских спартакидовских монет являются монеты с именем архонта Гигзионнта. В науке известен всего один золотой статер и две серебряные драхмы с этим именем. Статер Гигзионнта имеет на лицевой стороне портретное изображение самого архонта с непокрытой головой вправо, на оборотной стороне — изображение сидящей влево Афины с копьем и щитом, держащей в правой руке Нику с венком; под этим изображением помещен трезубец и два дельфина; надпись в две строки справа и слева от Афины $\text{APXONTOS} | \text{GIGAIONNTOS}$; в поле монограмма — H , под креслом Афины другая монограмма N^2 (табл. IX, 104). Тип оборотной стороны статера полностью повторяет реверсный тип статеров с именем Лисимаха, чеканившихся в Византии уже после смерти Фракийского царя и имевших широкое распространение на Боспоре (об этом ниже); заменены только надпись и монограммы. Этот тип стал исходным пунктом для позднейшей золотой чеканки Спартокидов: все золотые статеры с именем Перисада имеют тот же тип реверса; меняются только надпись и монограммы.

Гораздо оригинальнее типы серебряных монет Гигзионнта. Обе известные серебряные драхмы с этим именем имеют одинаковые типы: Av. — голова архонта вправо, Rv. — скачущий влево всадник, с копьем в руке и с развеваящимся плащом за плечами; надпись под изображением $\text{APXONTOS} | \text{GIGAIONNTOS}$; монограммы H и N^3 (табл. IX, 105). Изображение головы на лицевой стороне драхм совершенно точно соответствует портрету Гигзионнта на золотом статере, можно предполагать, что штемпеля для обоих видов монет

¹ Относимый ранее к боспорской нумизматике золотой статер царя Ака, теперь, после находки второго такого же экземпляра на Кавказе и после подробного изучения этих монет Д. Г. Капанадзе и Л. П. Харко, должен быть решительно отнесен к нумизматическим памятникам Грузии. См. Д. Г. Капанадзе, ВДИ, 1948, № 1, стр. 150 и сл.; 1949, № 1, стр. 161 и сл.; его же, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 36; Л. П. Харко, ВДИ, 1948, № 2.

² А. В. Орешников. Золотой статер архонта Гигзионнта. ТМНО, II, 1901, стр. 36, рис. 1; его же, Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. Нум. сб. II, табл. I, 1; В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Гигзионнта. Сб. статей в честь гр. А. А. Бобринского. СПб., 1911, стр. 37, табл. I, 1; E. M i n n s. Указ. соч., табл. VI, 19; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLII, 48.

³ Е. M u g e t. Monnaies inédites. BCH, VI, 1882, стр. 211—212; А. В. Орешников. Золотой статер архонта Гигзионнта, ТМНО, II, стр. 37, рис. 2; В. В. Шкорпил. Указ. соч., табл. I, 2; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLII, 19.

были изготовлены одной рукой. Это обстоятельство и наличие на драмах и на статере одной и той же монограммы H , в которой скорее всего надо видеть имя монетного магистрата, позволяет думать, что выпуск золота и серебра был произведен одновременно.

Тип оборотной стороны серебряных драхм Гигзионнта совершенно оригинален и несколько необычен для эллинистического Боспора. Изображенный всадник, надо думать, — сам архонт, и подобное изображение скорее всего намекает на какие-то воинские доблести или подвиги, о которых нам ровно ничего неизвестно. Это первый по времени случай прямого отражения на боспорских монетах каких-то исторических событий, если не считать специфически «военных» типов царских монет Левкона II. Позднее, особенно в первых веках нашей эры, обычай изображать на царских монетах военные подвиги царя широко войдет в практику монетного дела Боспора.

В. В. Шкорпил¹ и вслед за ним А. Н. Зограф² приписывают Гигзионнту еще одну мелкую медную монету с изображением безбородой головы на аверсе и шапок Диоскуров на реверсе; в нижней части реверсного типа они читают буквы YIA . Подобная атрибуция этой монеты кажется нам очень неудовлетворительной³. Надпись на монете читается так плохо, что никакой уверенности в правильности чтения В. В. Шкорпила быть не может. В то же время отнесение монеты к Гигзионнту вызывает ряд недоуменных вопросов. Почему на лицевой стороне монеты помещен не известный уже нам по статеру и драхам портрет архонта, а совершенно иное лицо, ничем Гигзионнта не напоминающее? Почему на оборотной стороне обозначено только имя архонта без упоминания титула, да и само имя дано в сильном сокращении? Зачем понадобилось Гигзионнту выпускать от своего имени столь мелкую медную монету в совершенно незначительном количестве, когда на рынке было достаточно городской меди, а свое право монетной чеканки он мог подтвердить выпуском прекрасных золотых статеров и серебряных драхм? Самый стиль и типология указанной монеты заставляют относить ее к более позднему времени — к концу II в. до н. э. Поэтому представляется более правильным воздержаться от приписывания этой медной монетки Гигзионнту впредь до находки новых более сохранных экземпляров

¹ В. В. Шкорпил. Указ. соч., стр. 38, табл. I, 3.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 183, табл. XLII, 20.

³ В принадлежности этой монетки Гигзионнту сомневался А. Л. Бертье-Делагард — см. E. M i n n s. Указ. соч., стр. 585; А. В. Орешников также нигде не упоминает о ней в связи с монетами Спартокидов.

Время правления архонта Гигиэонта определялось различно. Первый издатель его драхмы и, главным образом, западноевропейские ученые (Э. Мюре, Ф. Имхоф-Блумер, Б. Хэд, Т. Рейнак, К. Брандис) считали его современником Митридата Евпатора, основываясь лишь на параллелизме титулатуры Гигиэонта и Асандра¹. Однако стиль монет Гигиэонта и вес его золотого статера заставили А. В. Орешникова усомниться в правильности подобной датировки и определить время правления Гигиэонта «не позже II века»². Еще дальше пошел В. В. Шкорпил; в специальной статье, посвященной определению времени правления архонта Гигиэонта, он сопоставил все известные данные, не только нумизматические, но и эпиграфические (клейма на черепице), а также принял во внимание находку черепиц с именем Гигиэонта в археологическом комплексе и пришел к выводу о том, что Гигиэонт правил на Боспоре еще в III в. до н. э.³ А. В. Орешников принял датировку В. В. Шкорпила⁴. К тому же выводу пришел и А. Н. Зограф на основании сравнения статера Гигиэонта со статерами Византия лисимаховского типа, послужившими для него прототипом⁵. В результате этих исследований можно считать окончательно установленным, что время правления Гигиэонта и выпуска его монет падает на последнюю треть III в. до н. э.

К более позднему времени относится появление единственной серебряной монеты с именем царя Спартока. На лицевой стороне ее изображена голова царя в диадеме вправо, на оборотной — лук в горите, надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ | [Σ]ΠΑΡΤΟΚΟΥ и монограмма ♂⁶. (табл. IX, 106). Эта монета приписывалась исследователями различным царям Боспора, носившим имя Спартока, но она, несомненно, должна быть сопоставлена с пантикапейскими серебряными драхмами и с крупными медными пантикапейскими монетами, имеющими то же изображе-

ние на оборотной стороне¹. На сходство дидрахмы Спартока с указанными пантикапейскими нумизматическими памятниками обратил внимание уже первый издатель ее Г. Кёлер². Особенно близко напоминает эта дидрахма крупные медные пантикапейские монеты, чеканка которых, как мы выше видели, производилась около середины II в. до н. э. Сходство дидрахмы Спартока с пантикапейской медью выражается не только в общности типа оборотной стороны, но и в деталях: в положении и трактовке горита, в расположении и членении надписи, даже в характере изображения головы на лицевой стороне³. Совершенно очевидно, что серебряную монету Спартока нужно датировать тем же временем, что и крупную пантикапейскую медь, т. е. примерно серединой II в. до н. э.

Наибольшие разногласия вызывает атрибуция золотых статеров с именем Перисада. Их известно всего 11 экземпляров. На лицевой стороне они имеют изображение головы царя, украшенной диадемой, на оборотной — изображение сидящей Афины с Никой в вытянутой правой руке, с копьем и щитом, как на статере архонта Гигиэонта; под Афиной — трезубец и два дельфина, по сторонам надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ | ΠΕΡΙΣΑΔΟΥ, в поле монеты и под креслом Афины обычно помещены монограммы⁴ (табл. IX, 107, 108).

Все исследователи, занимавшиеся статерами с именем Перисада, направляли свои усилия главным образом на то, чтобы выяснить, какому боспорскому правителю, из нескольких, носивших это имя, можно приписать тот или иной статер. Особенно упорно возвращался к этому вопросу А. В. Орешников, посвятивший ему несколько этюдов⁵. В результате

31—32, табл. I, 234; его же. Монеты царей Босфора Киммерийского династии Спартокидов и Ахеменидов. ЗООИД, XV, 1889, стр. 18, табл. I, 4; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLII, 26.

¹ Б. XXI, 106—113; 3. XLI, 22, XLII, 1—3, 8.

² Г. Спасский. Археолого-нумизматический сборник, стр. 140.

³ Ср. 3. XLII, 8 и 26.

⁴ Монеты эти многократно издавались, важнейшие издания: П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXIV, 6, 7 (№ 5 — фальшивая); А. М. Подшявалов. Монеты царей Боспора Киммерийского династии Спартокидов и Ахеменидов. ЗООИД, XV, 1889, табл. I, 1—3; II, 15; А. Огесников. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus, табл. I, 1—5; E. Minns. Указ. соч., табл. VI, 20, 21; X. X. Гилье. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, V, табл. VI, 52, 53; OAK, 1880, атлас, II, 4—7; А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, табл. II, 4—7; А. В. Орешников. Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. Тр. VI AC, т. II, 1889; его же.

5 А. Oreschnikow. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus, М., 1883; А. В. Орешников. Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. Тр. VI AC, т. II, 1889; его же.

¹ См. В. В. Шкорпил. Указ. соч., стр. 38.

² А. В. Орешников. ТМНО, II, стр. 40; Мнению А. В. Орешникова следует Э. Миннз. Указ. соч., стр. 586.

³ В. В. Шкорпил. Указ. соч., стр. 43; ср. Б. Н. Граков. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. ИГАНМ, в. 104 (1934), стр. 207.

⁴ А. В. Орешников. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. Нум. сб. II, стр. 41.

⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 184.

⁶ Н. К. Köhler. Description d'une médaille des Spartocus, roi du Bosphore Cimmérien, Serapis, II, стр. 45 сл.—Г. Спасский. Археолого-нумизматический сборник. СПб., 1850, стр. 137 сл., табл. I, 1; Б. Кёлер. Указ. соч., II, стр. 31; П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXIV, 4; А. М. Подшявалов. Московский Публичный и Румянцевский музеи. Нумизматический кабинет. Каталог монет, в. I. М., 1884, стр.

большой проделанной работы теперь можно уже считать приблизительно установленным время чеканки каждого из 11 статов с именем Перисада.

Наиболее ранние экземпляры статов (монеты из бывшего собрания А. А. Сибирского, из Артюховского кургана и из бывшего собрания Академии наук), несомненно, чеканены еще в конце III в. до н. э. (табл. IX, 107). Об этом свидетельствует как стиль изображений этих статов, так и условия находки одного из них в погребении, явно относящемся еще к III в.¹ Следующая группа статов, включающая пять или шесть экземпляров (монеты из собраний в Париже, Глазго, Эмсе, из собрания Х. Х. Гиля и, вероятно, обе монеты из бывшего собрания А. И. Терлецкого), по стилю своему должна относиться к первой половине II в. до н. э. Наконец, две монеты, найденные в Северском кургане, несомненно, являются наиболее поздними образцами этого типа (табл. IX, 108). Стилистические сопоставления и условия находки их с комплексом вещей конца II — начала I вв. до н. э.² заставили всех исследователей датировать два этих статера уже концом II в. до н. э. и отнести их к последнему Перисаду, правившему на Боспоре до восстания Савмака. Примерно к такому же хронологическому распределению золотых статов с именем Перисада пришел и А. Н. Зограф путем сопоставления их с византийскими статерами лисимаховских типов, чеканившимися в тот же период³, хотя статеры из Артюховского кургана и из бывшего собрания Академии наук он выделяет в особую группу, датируя их самым началом II в. до н. э.

Что касается вопроса о том, скольким царям принадлежат рассматриваемые статеры с именем Перисада, то решить его вряд ли возможно на основе имеющихся данных, так как нам неизвестно ни количество боспорских правителей конца III — II вв. до н. э., ни их имена, ни продолжительность их царствований. А. В. Орешников считал возможным приписывать золотые статеры перисадов сначала четырем, а затем даже пяти царям этого имени⁴. В то же время Э. Миннз считал все ста-

теры с именем Перисада, за исключением двух более поздних из Северского кургана, принадлежащими одному царю, носившему это имя и правившему в конце III — первой половине II в. до н. э.¹ Кроме того, следует учитывать и предусмотренную А. Н. Зографом возможность применения на Боспоре обычной помещать на монетах имя одного какого-нибудь выдающегося представителя династии, которым мог быть один из Перисадов². В этом случае все попытки выводить из царской чеканки генеологию Спартокидов, естественно, оказались бы тщетными. Таким образом статеры не дают достаточно твердой опоры для определения имен Спартокидов, правивших на Боспоре в конце III и во II в. до н. э.

Однако для наших целей этот вопрос и не является столь важным. Гораздо существеннее установление самого факта довольно постоянного выпуска золотой и реже серебряной царской монеты правителями Боспора в течение последней трети III и всего II в. до н. э.

Чеканка спартокидовских статов происходила, несомненно, на пантикапейском монетном дворе. На оборотной стороне почти всех статов под креслом Афины, так же как и на реверсе серебряных монет Гигизонта, помещена монограмма из букв Π и Α, которую все исследователи, вполне основательно, принимают за обозначение монетного двора — Пантикапея³. Предположение это оправдывается тем, что на статерах лисимаховского типа, чеканенных в городах Западного Понта, на том же месте реверса, под креслом Афины ставились инициальные буквы места чеканки: ΒΥ — Византий, ΙΣ — Истрия, ΚΑΛ — Каллатий и т. п.⁴. Особенно показательно в этом отношении сокращенное обозначение города Одесса, которое, как и обозначение Пантикапея, давалось в виде монограммы ΘΗ или Η под тронем Афины⁵.

Шенно необычное совпадение типов золотой и серебряной чеканки настолько странно, что заставляет сомневаться в подлинности тетрадрахм, имеющей к тому же довольно непонятный вес — 14, 10 г.; А. Н. Зограф выделяет эту тетрадрахму в число подделок (Античные монеты, стр. 183).

¹ E. Minns. Указ. соч., стр. 585.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 185. Ср. мнение Л. П. Харко. Существовал ли царь ΑΚΗΣ? ВДИ, 1948, № 2, стр. 137.

³ А. В. Орешников. Тр. VI AC, II, стр. 96; его же. ТМНО, II, стр. 41—42; А. М. Подшивалов, ЗООИД, XV, стр. 17; E. Minns. Указ. соч., стр. 585. Мнение П. О. Бурачкова (Указ. соч., стр. 213) о том, что монограмма под креслом содержит эпитет богини Афины, совершенно неверно.

⁴ B. Pick, K. Regling. Die antiken Münzen von Dacien und Mösien, т. I, ч. 1. Berlin, 1898, стр. 91, 105 и сл.; 154, 170, табл. II, 27; ч. 2, Berlin, 1910, стр. 606, 649.

⁵ Там же, ч. 2, стр. 521, 532—533.

Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Птолема II Понтийского. Нум. сб. II, 1913; см. также А. М. Подшивалов. Тр. VI, А. С., т. II; его же, ЗООИД, XV; E. Minns. Указ. соч., стр. 584—585; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 184 и сл.

¹ OAK, 1880, стр. 13 сл.

² К. Ф. Смирнов. Северский курган. М., 1953, стр. 16, 40.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 184—185.

⁴ А. В. Орешников. Тр. VI AC, т. II, стр. 99; его же. Нум. сб., II, стр. 37; шестому Перисаду А. В. Орешников приписывал опубликованную им серебряную тетрадрахму, имеющую те же типы и те же надписи, что и золотые статеры (Нум. сб. II, стр. 39, рис. 13); это совер-

Что касается других монограмм или букв, помещенных в поле оборотной стороны статоров перед изображением Афины¹, то А. В. Орешников и вслед за ним А. М. Подшивалов либо видели в них числовые обозначения (год царствования), либо расшифровывали их в отчество царя, чеканившего монету². Оба эти предположения решительно ничем оправданы быть не могут; второе из них противоречит всей практике эллинистической чеканки, для которой подобное обозначение отчества совершенно необычно и даже невероятно; в то же время такие монограммы как ΕΡ, Ω, Η (статор Гигианонта) не могли иметь числового значения. В этих монограммах, как и в буквах Δ, Κ, Λ, несомненно, следует усматривать обозначение имен монетных магистратов, ответственных за выпуск. Именно так расшифровываются подобные монограммы и надписи на монетах лисимаховского типа, битых в городах Западного Понта³.

5. Денежное обращение на Боспоре при поздних Спартокидах

Если теперь от изучения отдельных серий боспорских монет мы перейдем к рассмотрению денежного обращения Боспора в конце III и во II в. до н. э., то получим довольно сложную картину. После реформы Левкона II и возобновления выпуска пантикапейского серебра в третьей четверти III в. до н. э. внутреннее обращение на Боспоре вновь складывается из двух категорий городской монеты — полноценного серебра и разменной меди. Во внешнем торговом обороте и при крупных сделках внутри страны продолжают употребляться главным образом иностранные золотые монеты, но наряду с ними, вероятно, получают некоторое распространение и редкие золотые статоры, выпускавшиеся царями Боспора от своего имени.

Медная боспорская чеканка рассматриваемого периода количественно не очень значительна. Бросается в глаза скромный характер ее по сравнению с поистине колоссальной эмиссией медной монеты в первой половине III в. до н. э., во время денежного кризиса. Правда, и во II в. до н. э. выпускается довольно большое количество мелкой меди, являющейся разменной

монетой по отношению к одновременному серебру. Но выпуск крупной медной монеты не производится почти совсем, что А. Н. Зограф объясняет вполне «естественной реакцией на злоупотребление выпуском медной монеты в III в.»¹. Впрочем, уже в последней трети III в. с возобновлением чеканки серебра прекращается, как мы видели, выпуск крупной меди и чеканятся только мелкие пантикапейские монетки с изображением плуга и еще более мелкая медь с типами крыла грифона и треножника.

В течение всей второй половины III в. до н. э. на боспорском денежном рынке, повидимому, продолжали обращаться медные монеты, выпущенные в середине и в третьей четверти указанного столетия. Это уже известные нам крупные пантикапейские медные монеты с головой Посейдона на лицевой стороне и с пророй на оборотной, снабженные двумя последовательными надчеканками, а также еще ранее выпущенные монеты с головой Аполлона или с головой сатира на аверсе, т. е. те же монеты, которые составляли основное содержание денежного обращения при Левконе II. Предполагать длительное обращение царской медной монеты Левкона II у нас нет оснований ввиду специфического характера самого выпуска этих царских монет, а также и потому, что находки их известны в сравнительно небольшом количестве.

Мы вынуждены предполагать столь длительное обращение медной монеты, выпущенной в последние годы денежного кризиса на Боспоре, не только потому, что они часто бывают снабжены повторными надчеканками, но и потому еще, что нам неизвестны никакие крупные или средние медные пантикапейские монеты, выпуск которых можно было бы отнести ко второй половине III в. до н. э.; с большей или меньшей уверенностью можно говорить о чеканке в это время лишь мельчайших медных монеток. Между тем, очень маловероятно, чтобы в денежном обращении этого времени участвовало только серебро, тем более, что предшествующий период денежного кризиса приучил население к обращению именно медной монеты и что позднее, во II в. до н. э., медные деньги выпускаются непрерывно.

Серебряные монеты, чеканившиеся на Боспоре во второй половине III в. до н. э. и ходившие наряду с только что разобранной медью, принадлежали к двум сериям, одинаково имеющим на аверсе голову Аполлона в венке вправо, а на оборотной стороне — различные типы и надписи ΠΑΝ. Небрежность чеканки, плохой состав металла этих монет и наличие

¹ Сводка этих монограмм дана Э. Миниазом. Указ. соч., стр. 584.

² А. В. Орешников. Тр. VI АС, т. II, стр. 96—97, 99—100; А. М. Подшивалов. Там же, стр. 76; ЗООИД, XV, стр. 16—18.

³ В. Риск, К. Реглинг. Указ. соч., I, ч. I, стр. 91, 105 и сл., 154, 170; ч. 2, стр. 521, 606.

только двух номиналов меди являлись следствием все еще переживаемых Боспором финансовых затруднений и в какой-то степени соответствовали обращению на боспорских рынках медной деградировавшей монеты времени конца денежного кризиса и реформы Левкона II.

Трудно установить, какую роль в денежном обращении играли пантикапейские тетрадрахмы с изображением коня. Не исключена возможность того, что они были выпущены в расчете не столько на внутреннее, сколько на внешнее обращение. Но при всех условиях этот выпуск не мог играть значительной роли: известное нам число экземпляров тетрадрахм слишком невелико и свидетельствует о кратковременности всего выпуска.

Во II в. до н. э. пантикапейское серебро, как мы видели, выпускается регулярно и в довольно обширном ассортименте номиналов, начиная с драхмы и ниже. Но отмеченная уже стилистическая, техническая и весовая деградация пантикапейских серебряных монет в течение II в. совершенно ясно указывает на постепенное, но неуклонное ухудшение экономического состояния Боспора. Выпуск серебряной монеты, по крайней мере в младших номиналах, повидимому не прекращается до конца эпохи Спартокидов; обильная чеканка меди не приобретает того самостоятельного значения, которое она имела в первой половине III в. во время денежного кризиса. Это свидетельствует о том, что экономический упадок державы Спартокидов во II в. до н. э. происходил постепенно, без резких кризисов. Тем не менее упадок этот все же ощутим в сфере монетного дела и не только в ухудшении серебряной монеты. Очень показательными являются многочисленные и многократные перечеканки медной монеты. Даже золотые царские статыры претерпевают заметную эволюцию в сторону снижения веса и ухудшения техники и стиля чеканки.

Вопрос о том, какое место занимали царские монеты в денежном обращении Боспора и каково было соотношение между городской и царской чеканкой, никем из прежних нумизматов не был даже поставлен. Только А. Н. Зограф задал себе вопрос об участии царских монет Спартокидов в денежном обращении и дал на него отрицательный ответ. Он предполагал, что все монеты, выпущенные от имени Спартокидов, за исключением медной монеты Левкона II, являлись донативами и выпускались «не для широкого обращения на рынке, а для раздачи приближенным царя»¹. Эта точка зрения получила признание у некоторых советских исследователей и отразилась в ряде работ по истории Боспора, в том числе и в более ранних ста-

тьях автора настоящей работы¹. Однако ближайшее рассмотрение вопроса показывает, что он решается совсем не так просто.

Единственным основанием для определения царских монет Спартокидов, как донативов, является их исключительная редкость, свидетельствующая о количественно незначительном выпуске их. Однако небольшое число известных нам экземпляров монет какого-нибудь определенного типа само по себе еще недостаточно для того, чтобы отрицать обращение монет этого типа на денежном рынке. Имеются многие группы античных монет, в том числе и боспорских, известные только по нескольким, а иногда и по одному экземпляру. Даже если статыры с именем Перисада чеканены несколькими царями, все же четыре из них биты, повидимому, одними штемпелями² и принадлежат одному царю, а это не так уж мало. Кроме того, в отношении статов с именем Перисада имеются данные, прямо говорящие против предположения об исключительно донативном их назначении.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что как эти статыры, так и статыр Гигиэнонта композиционно повторяют очень распространенные и хорошо всем известные на Боспоре статыры лисимаховского типа. Хотя изображение головы Александра Македонского в виде бога Аммона заменялось на боспорских статах портретом боспорского правителя, а вместо имени Лисимаха ставилось соответствующее боспорское имя, все же общая типологическая схема неизменно сохранялась вплоть до деталей — трезубца с дельфинами, формы кресла и пр.

Следование боспорских статов византийским образцам было настолько полным, что А. Н. Зографу удалось для всех групп золотых статов с именем Перисада и Гигиэнонта найти соответствующие аналогии в византийской чеканке³.

Уже простое типологическое сопоставление ясно показывает, что боспорские Спартокиды, осуществляя свое право монетной чеканки и утверждая эту прерогативу царской власти помещением на статах своего портрета и имени, в то же время стремились максимально приблизить свои монеты к общераспространенному типу «византийско-лисимаховской» монеты. Такое стремление станет понятным только в том случае, если

¹ Л. П. Харко. Существовал ли царь АKNΣ? ВДИ, 1948, № 2, стр. 137; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 580; Д. Б. Шелов. Денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, стр. 65; его же. Денежная реформа Левкона II, ВДИ, 1953, № 1, стр. 35.

² Х. Х. Гиль. ЗРАО, V, стр. 352; ср. Л. Стефани, ОАК, 1880, стр. 63.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 184—185.

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 183.

признать, что спартокидовские статеры должны были обращаться на рынке наравне с лисимаховскими. Для монет, выпускаемых только с целью раздачи приближенным, не было никакого смысла использовать тип лисимаховского статера; наоборот гораздо естественнее было бы изобрести для таких случаев совершенно оригинальные типы, отражающие местные, боспорские события или представления.

Весьма показательно также изучение боспорской царской чеканки в метрологическом отношении. Статер Гигизонта весит 8,38, а наиболее ранние из статеров с именем Перисада 8,48—8,44. В более поздних группах вес статеров несколько понижается; вес двух наиболее поздних монет из Северекого кургана составляет 8,25 и 8,15. Как самая весовая норма, так и постепенное ее понижение в более поздних экземплярах в точности соответствуют тем метрологическим данным, которые имеются у нас относительно лисимаховских статеров византийской чеканки¹. Вес же серебряных драхм Гигизонта и дирахмы Спартока хорошо согласуется с разобранными выше весовыми нормами пантикапейского серебра соответствующего времени. Это строгое соблюдение весовых норм в царской Спартокидовской чеканке также говорит о вполне реальном денежном характере этой чеканки.

Но наиболее показательны в вопросе об обращении спартокидовского золота условия находок этих монет. Все статеры с именем Перисада, об обстоятельствах находки которых сохранились сведения, были найдены в курганах в тех же условиях, в которых неоднократно находились и статеры лисимаховского типа. Особенно любопытна в этом отношении находка в Артюховском кургане. Золотой статер с именем Перисада был обнаружен при погребении мужчины во второй гробнице. Совершенно в аналогичном положении в той же гробнице при погребении женщины был найден золотой статер лисимаховского типа². Не может быть никакого сомнения в том, что людьми, производившими захоронение умерших, обе монеты воспринимались совершенно одинаково и что им не приходило в голову делать между ними какого-либо различия. Таким образом, указанный факт, по нашему мнению, свидетельствует о параллельном обращении на равных правах византийских статеров лисимаховского типа и золотых монет боспорских Спартокидов.

Подобное явление параллельного обращения на Боспоре местного золота с интерлокальной золотой монетой мы уже на-

блюдали в IV в. до н. э.: тогда это были кизикий и пантикапейские золотые статеры. Однако имеется и существенная разница между этими двумя периодами. В IV в. золотые пантикапейские статеры выпускались в довольно большом количестве (известно более 80 экземпляров), и выпуск их имел вполне реальное экономическое значение: они чеканились для того, чтобы служить платежным средством при крупных коммерческих операциях не только на боспорском, но и на припонтийском рынке вообще.

Смысл чеканки спартокидовских царских золотых статеров был совершенно иным: они хотя и поступали в обращение и принимались рынком наравне со статерами лисимаховского типа, но не играли сколько-нибудь заметной роли в хозяйственной жизни. Выпуск этих статеров предпринимался Спартокидами, вероятно, в основном лишь для того, чтобы таким путем подтвердить свое право чеканки монеты, право, которым обладали все эллинистические династии и реализация которого была необходима боспорским правителям для утверждения своего царского достоинства. Это легко могло быть выполнено при помощи количественно весьма небольших выпусков золотой или серебряной монеты, не претендовавшей на самостоятельную роль в денежном обращении, но достаточно красноречиво подтверждавшей авторитет боспорских правителей. Именно в этом, повидимому, причина малочисленности спартокидовских царских монет.

Поскольку золотая чеканка от имени города после IV в. до н. э. на Боспоре никогда уже не возобновляется, можно думать, что уже в III в. до н. э. исключительное право выпуска золотой монеты было присвоено боспорскими правителями. Показателен в этом отношении тот факт, что Гигизонт, не ставший басилевсом и довольствовавшийся титулом архонта Боспора, все же выпускал золотые статеры от своего имени. Можно полагать, принимая во внимание пережитый Боспором в III в. денежный кризис, что осуществить золотую чеканку ему было не легко. Это обстоятельство еще раз подчеркивает демонстративный политический характер выпуска золотых статеров с именами правителей Боспора.

Остается только упомянуть о чужеземной монете, обращавшейся на Боспоре в рассматриваемый период. Такой монетой были золотые статеры лисимаховского типа, чеканившиеся главным образом в Византии.

Хотя статеры Лисимаха появились на Боспоре впервые, как мы видели, еще в конце IV или в первой половине III в. до н. э., но огромное большинство найденных в Причерноморье монет этого типа принадлежит к более поздним выпускам, осуществлявшимся в Византии, начиная с середины III в. вплоть

¹ Cp. A. Zograph. The Thasos hoard. Num. Chr., 1925.

² ОАК, 1880, стр. 15, 17, Атлас, табл. II, 4, 5, 17, 18.

до митридатовской эпохи. Отличительными признаками этих статов являются изображение трезубца в нижней части типа оборотной стороны и буквы ВΥ, указывающие место чеканки.

Подробное изучение этих монет до сих пор еще никем не произведено, поэтому датировка отдельных экземпляров и групп очень затруднена. А. Н. Зограф, несколько раз обращавшийся к находкам статов лисимаховского типа в Северном Причерноморье¹, выделил три хронологические группы лисимаховских статов византийской чеканки, относящиеся соответственно к середине III в. до н. э., к концу III — первой половине II в. до н. э. и к митридатовскому времени². По наблюдениям А. Н. Зографа подавляющая часть всех находок статов лисимаховского типа в Северном Причерноморье относится ко второй хронологической группе, т. е. датируется последним столетием правления Спартокидов на Боспоре³. Очень важен и тот отмеченный А. Н. Зографом факт, что именно северо-восточный угол Причерноморья, т. е. территория Боспорского царства и прилегающие к ней области Кавказа, был районом преимущественного распространения лисимаховских статов византийской чеканки.

Дальнейшее подробное изучение византийских статов лисимаховского типа в соответствии с той программой, которая была выдвинута А. Н. Зографом в докладе на Керченской конференции археологов 1926 г., позволит не только уточнить наши представления о месте, занимаемом этими статерами в денежном обращении Боспора, но и точнее классифицировать и датировать золотую чеканку боспорских правителей III—II вв. до н. э., подражавшую статерам лисимаховского типа⁴.

Рассмотрение боспорской чеканки и денежного обращения за вторую половину III и II вв. до н. э. позволяет поставить и некоторые общие вопросы политического положения Боспора в период поздних Спартокидов.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этот период на Боспоре более или менее регулярно производится выпуск царской монеты. Осуществление права царской чеканки Спартокидами свидетельствует о том, что эти правители полностью сознавали себя эллинистическими царями, обладающими всеми prerogative царской власти,

приемищими монархам того времени. Поскольку начало чеканки царских монет на Боспоре относится к третьей четверти III в. до н. э. и связано с именем Левкона II, закономерен вопрос: можно ли именно к этому времени относить превращение Спартокидов в монархов эллинистического типа и установление полного приоритета царской власти (τά βραχέα) над традициями гражданского самоуправления и полисной автаркии?

Скудость и отрывочность источников, особенно касающихся рассматриваемого периода, не позволяют сколько-нибудь определенно выяснить взаимное политическое положение городов и царской власти, граждан и административных учреждений на Боспоре, но все же отдельные косвенные факты и свидетельства дают возможность высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Выше уже говорилось о том, что городская автономная чеканка Пантикапей, единственная, существовавшая на Боспоре в IV и первой половине III в. до н. э., находилась, по видимому, под известным контролем со стороны Спартокидов¹. Если боспорские правители IV в. не держали сами начать выпуск монеты от своего имени, а поддерживали городскую пантикапейскую чеканку, то это делалось не потому, что они не имели практической возможности такую монету выпустить, а потому, что они все еще считались архонтами Боспора, т. е. боспорских городов, и титул *басилевса* носили только по отношению к варварским племенам, что нашло яркое отражение в эпиграфических памятниках². Сами боспорские города, видимо, ревностно оберегали *τὴν πατρίαν πολιτείαν*, что вполне естественно для доэллинистического греческого мира, частью которого являлся и Боспор. Хотя черты эллинистического государства проявились на Боспоре раньше, чем в других местах³, все же юридическое оформление новых прав боспорских царей не могло произойти раньше конца IV в. до н. э.

К началу III в. положение резко изменилось. Возникновение эллинистических монархий в восточной части Средиземноморья, создание фракийского царства Лисимаха, обильная и претенциозная монетная чеканка Лагидов, Селевкидов и пред-

¹ Ср. мнение Н. С. Беловой. Политическое положение боспорских городов в IV в. до н. э. Автореферат диссертации. М.—Л., 1954, стр. 9, 15.

² В. В. Латышев. ПОНТИКА. СПб., 1909, стр. 84 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 62—63; Д. П. Канлистов. Очерки..., стр. 168; К. М. Колбова. Политическое положение городов в Боспорском государстве, ВДИ, 1953, № 4, стр. 50 сл.

³ См. В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 34.

¹ А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках. Бюллетень Керченской конференции археологов СССР, № 3, 1926; е го же. Античные золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, в. 110.

² А. Zo graph. Num. Chr., 1925, стр. 49 и сл.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Бюллетень Керченской конференции археологов СССР, № 3, 1926, стр. 3—4.

ставителей других династий не могли не отразиться на положении Спартокидов на Боспоре. Со времени Спартока III, сына Евмела (304—284 гг. до н. э.), боспорские правители перестают именовать себя архонтами Боспора в официальных документах и применяют единый титул *басилевса*, который относится теперь одинаково ко всем подданным и к грекам, и к варварам¹. С этого же времени боспорские правители начинают именоваться царями и в иноземных официальных документах, как например в декрете афинян в честь Спартока III, 288 г. до н. э.² Этой, казалось бы, внешней, перемене Спартокиды придавали, повидимому, большое значение: об этом можно судить хотя бы по тому, что тот же Спарток III включает свой титул в клейма, применяющиеся на царских черепичных заводах, тогда как до этого на царских черепицах обозначалось только имя правителя³. Вскоре царские керамические предприятия стали просто клеймить свою продукцию словами ΒΑΣΙΛΙΚΗ или ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ⁴.

Именно в этот момент естественнее всего было бы ожидать и выпуска первой царской монеты. Невозможно себе представить, чтобы одновременно с принятием единого царского титула у Спартокидов не возникла мысль и о собственной царской чеканке: вся практика других эллинистических государств должна была натолкнуть их на такую мысль. Однако чеканка эта в тот момент осуществлена не была. Причиной этого, как нам представляется, было отмечавшееся выше кризисное состояние боспорских финансов в первой половине III в. до н. э. У Спартока и его ближайших преемников не было возможности осуществить подобно другим эллинистическим династиям выпуск золотых статеров или серебряных тетрадрахм от своего имени, так как запас драгоценных металлов в казне был, видимо, полностью исчерпан. Выпускать же от своего имени только медную монету, вероятно, казалось им недостойным царского звания. Только таким образом (если не допустить, что немногочисленные золотые или серебряные царские монеты первой половины III в. до н. э. могли не дойти) можно объяснить тот факт, что царская чеканка на Боспоре возникла значительно позже, чем принятие новой титулатуры Спартокидами.

Жестокая экономическая необходимость, потребность каким-то образом стабилизировать денежную систему выпу-

дила все-таки, как мы видели, Левкона II предпринять выпуск царской медной монеты. Об исключительности этой меры говорилось выше. Как только представилась возможность еще в последней трети III в. до н. э. боспорские цари стали выпускать от своего имени золотые статеры.

Присвоив право монетной чеканки, Спартокиды отнюдь не стремились лишить этого права столицу Боспора — Пантикапей. На протяжении рассматриваемого периода в Пантикапее от имени городской общины продолжают выпускаться серебряные и медные монеты. Более того, — именно эти городские монеты и служили основным платежным средством на внутреннем боспорском рынке. Они в больших количествах встречаются при раскопках любого боспорского города¹, так что совершенно несомненно значение их как средства платежа в применении к любому пункту Боспора. Начавшаяся в самом конце III или в начале II в. до н. э. чеканка медной монеты в Фанагории имела несравненно меньшее значение. Некоторое количество медных фанагорийских монет всегда попадает при раскопках Пантикапея, Тиритаки, Мирмекия, что доказывает обращение их на всей территории Боспора наравне с пантикапейской медью. Но количество их по сравнению с последней совершенно ничтожно². Несколько чаще встречаются фанагорийские монеты на азиатской стороне Боспора — в Патрее и в самой Фанагории³. Но и здесь общее количество находок их не может идти ни в какое сравнение с находками пантикапейских медных монет.

Данных о находках пантикапейского серебра и фанагорийских серебряных монет конца II в. у нас немного, но не может быть никакого сомнения в том, что и это серебро имело хождение на всей территории Боспора в качестве общегосударственной монеты.

Вне пределов Боспора пантикапейские и фанагорийские медные и серебряные монеты конца III—II вв., как правило, совершенно не встречаются. Даже среди находок в других греческих городах Причерноморья эта категория монет почти полностью отсутствует. В Ольвии последней по времени боспорской монетой домитридовского времени является монета Левкона II⁴. В Херсонесе, правда, иногда встречается пантикапейские и фанагорийские монеты конца III—II вв. до н. э., но количество их весьма незначительно и, можно думать, что они

¹ В. В. Латышев. ПОЛТИКА. СПб., 1909, стр. 85 сл.

² Б. И. Граков. МНС, стр. 241 сл., № 4; В. В. Латышев, там же.

³ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАНМ, 104, стр. 266 сл.

⁴ Там же, стр. 276 и сл.

¹ МНА, № 4, стр. 157—172; № 25, стр. 357—386; СА, XV, стр. 256 сл.; ВДИ, 1952, № 3, стр. 147—155.

² МНА, № 4, стр. 162; № 25, стр. 360, 385.

³ ВДИ, 1952, № 3, стр. 149, 153—154, СА, XV, стр. 256 и сл.

⁴ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935—1936 гг. «Ольвия». I, Киев, 1940, стр. 216.

попали туда случайно при заездах боспорских купцов в Херсонес.

Неизвестно и проникновение боспорских монет вглубь причерноморских степей. Найденные на Каменском городище на Днепре боспорские монеты все относятся к IV и началу III в. до н. э.¹ В других местах пантикапейские монеты конца III—II вв. до н. э. также не встречаются². Таким образом можно довольно уверенно говорить о том, что за пределы Боспорского государства автономная пантикапейская и фанагорийская монета конца III—II вв. до н. э. почти совсем не проникала.

Возобновление фанагорийской чеканки на рубеже III и II вв. до н. э. после почти двухсотлетнего перерыва требует некоторых комментариев. Мы видели, что в начале IV в. прекращается, вероятно, не без нажима со стороны центральной власти, всякая чеканка в боспорских городах, за исключением Пантикапея. В IV и III вв. пантикапейский монетный двор является единственным поставщиком монеты для нужд боспорского внутреннего рынка, если не считать двукратные, но достаточно эфемерные попытки Феодосии чеканить собственную монету в моменты, когда она пыталась возратить себе независимость по отношению к Боспору. Казалось бы, что конец III в. до н. э., когда установился обычай царской золотой чеканки, был наименее благоприятным моментом для возрождения автономной чеканки Фанагории. На деле однако оказалось не так. Конец III и начало II в. до н. э. явились, повидимому, временем какого-то возрождения полисных традиций на Боспоре вообще. Мы находим здесь не только возобновление автономной чеканки Фанагории, но и появление в керамическом производстве Боспора черепичных клейм с надписью ΓΑΝΤΙ, свидетельствующей о принадлежности черепичных предприятий общине пантикапейцев³. На пантикапейских монетах начала II в. впервые появляются обозначения монетных магистратов, столь характерные для греческой городской автономной чеканки. Может быть именно с этим возрождением некоторых полисных традиций связан и тот факт, что Гигиэонт довольствовался скромным званием архонта, не принимая титула басилевса. Что касается собственно сферы монетной чеканки, то Спартокиды тем легче могли допустить возобновление автономной чеканки Фанагории, что прерогативы центральной власти

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 147; монета № 14, отнесенная Б. Н. Граковым к концу III в., на самом деле датируется началом IV в. до н. э.

² А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг., стр. 216.

³ Д. Б. Шелов. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, стр. 122.

в этой области достаточно подтверждались выпуском царских золотых монет. Чем было вызвано такое внезапное оживление городской автономии и насколько глубоки были реальные изменения в положении царской власти и городов, отразившиеся в указанных внешних признаках, сказать невозможно. Можно лишь предположить, что явления эти связаны с известным ослаблением центральной царской власти¹, ослаблением, которое, надо думать, все прогрессировало в течение II в. до н. э. и было одной из причин конечного краха династии Спартокидов в конце этого столетия. В этом отношении любопытен и факт возникновения уже не только медной, но и серебряной чеканки в Фанагории, а также в Горгииппии, в самые последние годы правления Спартокидов, когда последний представитель этой династии уже не имел и возможности помешать возросшей активности городов.

Тот факт, что Фанагория и Горгииппия в предпоследнем десятилетии II в. до н. э. оказались в состоянии выпустить довольно хорошую серебряную монету, превосходящую по качеству одновременное серебро царской резиденции — Пантикапея, еще недавно пользовавшейся монопольным правом чеканки, и при этом снабдили свою монету совершенно необычными типами, свидетельствует о значительной экономической обособленности городов азиатского Боспора и об известном стремлении с их стороны противопоставить себя центральной власти.

Обращает на себя внимание и необычная типология серебряных монет, вышущенных городами азиатского Боспора в последнее десятилетие правления Спартокидов. Женскую голову на фанагорийских серебряных монетах обычно считают либо головой Артемиды (Б. В. Кёне, А. М. Подшивалов, В. Росе, Б. Хэд, Э. Миннз), либо головой Афродиты (П. О. Бурачков, А. Л. Бертье-Делагард, А. Н. Зограф). Первое мнение основывается на том, что на хороших экземплярах монет за плечами у богини виден колчан со стрелами. Второе мнение ни когда и никем обосновано не было. Тип оборотной стороны — гранатовый цветок — обычно никак не объясняется. Только А. Н. Зограф считал его атрибутом Афродиты и связывал его с лицевым типом, видя в последнем первое по времени изображение Афродиты-Урании (Апатуры) на боспорских монетах².

Решающим аргументом в вопросе отождествления женской головы фанагорийских монет с тем или иным божеством могло бы быть определение предмета, помещенного у богини за плечами. Однако предмет этот виден всегда настолько плохо,

¹ Ср. К. М. Колобова. Указ. соч., стр. 63, примечание.

² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 181.

что точное определение его весьма затруднено. Показательно в этом отношении, что Л. П. Харко, который ранее считал его колчаном и соответственно определял божество фанагорийских монет как Артемиду¹, в последнее время переменял точку зрения и видит в предмете, изображенном за плечами у богини, скипетр, пытаясь подтвердить этим мнение А. Н. Зографа об изображении на фанагорийских монетах Афродиты. Таким образом, атрибут, помещенный за изображением богини, не может содействовать ее идентификации. Тем не менее, нам представляется гораздо более правильным по иконографическим соображениям связывать изображение фанагорийских монет с Артемидой, а не с Афродитой.

Следует отметить, прежде всего, что изображение головы Артемиды часто встречается на фанагорийских монетах последующей митридатской эпохи, тогда как первые изображения, которые можно определенно связать с Афродитой-Уранией, появляются в боспорской нумизматике не ранее самого конца I в. до н. э. (на монетах Агриппы и Кесария). Обращает на себя внимание также то, что голова на рассматриваемых фанагорийских монетах представлена непокрытой, в повязке, с волосами, собранными валиком, т. е. так, как обычно изображается голова Артемиды на боспорских монетах, тогда как голова Афродиты-Урании, как о том свидетельствуют более поздние монеты, изображается всегда в калафе и покрывале. Все это как будто бы говорит в пользу признания женской головы рассматриваемой серии фанагорийских монет головой Артемиды; если это так, то отпадает и возможность связывать гранатовый цветок на реверсе тех же монет с культом Афродиты, тем более, что никаких других источников, которые говорили бы о цветке граната, как об атрибуте Афродиты-Урании, у нас нет, хотя другие атрибуты ее известны².

С другой стороны бросается в глаза сходство изображения цветка на фанагорийских монетах с подобным же изображением современных им монет и керамических клейм Родоса, для которого этот тип являлся постоянным гербом. Важно отметить, что вообще на греческих монетах изображение цветка граната помещается весьма редко. Часто встречается оно лишь в городах Карии — Афродисии и Пларесе, Астире, Мегиете и других, — тесно связанных с тем же Родосом. Несомненно, под родосским же влиянием изображение этого цветка появляется во II—I вв. до н. э. на медных монетах

острова Китноса. Независимо от Родоса, этот тип применялся видимо только в македонском городе Трагиле в медной чеканке IV в. до н. э., причем там цветок граната сопоставлялся с головой Гермеса. Совершенно естественно напрашивается мысль о заимствовании фанагорийскими монетариями этого типа с родосских монет. Правомочность подобной догадки становится очевидной при рассмотрении горгиппийской серебряной монеты. На лицевой ее стороне изображена голова Гелиоса в профиль с лучами в виде короны, т. е. совершенно так же, как изображалась она на родосских монетах второй половины II в. до н. э.¹.

Таким образом, оба постоянных типа родосских серебряных монет, и лицевой и оборотный, оказались одновременно воспроизведенными в нумизматических памятниках азиатского Боспора: лицевой тип — голова Гелиоса — на лицевой стороне горгиппийского серебра, оборотный — цветок — на оборотной стороне фанагорийских монет. Вряд ли это явление можно считать случайным, особенно если принять во внимание, что оба изображения для Боспора не характерны и никогда, кроме указанных случаев, на боспорских монетах не встречаются. Трактовка обоих типологических сюжетов на монетах Фанагории и Горгиппии полностью совпадает с манерой изображения на родосских монетах, вплоть до деталей (пышные локоны Аполлона, веточка с бутоном справа от цветка). Конечно не случайно в Фанагории и Горгиппии при чеканке серебра применяются типы, заимствованные из родосской нумизматики. Трудно сказать, в какой степени такое заимствование могло отражать политическую ориентацию Горгиппии или Фанагории на могущественнейшую морскую державу того времени — Родос. Но возможность такой ориентации в условиях прогрессирующего ослабления государства Спартокидов и надвигающегося социально-политического кризиса совершенно не исключена.

Достойны упоминания в этой связи и типы одновременных пантикапейских медных монет, явно воспроизводящие нумизматические памятники Понта. Копирование понтийских монетных типов пантикапейскими монетариями еще за 10—12 лет до политического присоединения Боспора к державе Митридата Евпатора может свидетельствовать не только о развивавшихся торговых связях, но и о наличии определенной политической тенденции, понтийской ориентации в среде пантикапейской аристократии. Если эти догадки правильны, то передача последним Перисадам власти над Боспором понтийскому царю получит свою «предисторию». Это тем более вероятно,

¹ Ср. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 584, № 39.

² Ср. Ph. Lederer. Symbole der Aphrodite Urania. Z. f. N., XLI, 1931.

¹ BMC. Caria and Islands. London, 1897, табл. XL, 1—11.

что находившийся в аналогичных условиях Херсонес, вошедший в состав владений Митридата VI почти одновременно с Боспором, еще с 179 г. до н. э. был связан союзническим договором с понтийскими царями.

Политические события боспорской истории этого времени нам совершенно неизвестны, но можно предполагать, что по мере ослабления царской власти и нарастания социального кризиса правящие круги рабовладельческой аристократии на Боспоре должны были обращать свои взоры к каким-то внешним силам, которые могли бы защитить их интересы и против увеличивающейся угрозы движения социальных низов, и против растущего нажима со стороны окружающих варваров. Чеканка пантикапейских монет с понтийскими типами за десять лет до прекращения династии Спартокидов может указывать на то, что именно в среде высшего пантикапейского гражданства зародилась мысль о передаче Боспора под высокую руку понтийского царя и что именно эти силы несколько позднее заставили Перисада осуществить такую передачу.

В то же время в городах азиатской стороны Боспора могла существовать иная ориентация не на понтийское царство, а на Родос, что также нашло свое выражение в типологии монет этого времени. Основанием для такой ориентации могли быть более тесные экономические связи с Родосом, поддерживаемые столицей азиатского Боспора — Фанагорией. Свидетельством этих связей являются особенно частые в Фанагории находки обломков родосских амфор. При подсчете родосских амфорных клейм, найденных при раскопках Фанагорийского городища в 1936—1950 гг., оказалось, что они составляют 49,3% всех находок керамических клейм; в то же время в Пантикапее родосские амфорные клейма составляют лишь 26% общего количества клейм, в Тиритаке и Мирмекии — 10%¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что родосские амфорные клейма, которые никогда почти не выходят за пределы побережных городов, и не встречаются обычно во внутренних районах страны, в Прикубаньи как раз попадают нередко². В этом отношении периферия азиатского Боспора составляет исключение и в этом нельзя также не видеть результатов особенно тесных связей Родоса с городами азиатской стороны Боспора.

¹ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956.

² Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма, как источник для истории производства и торговли. Рукопись в архиве ИИМК, № 538, стр. 266 и сл. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, стр. 108—109.

Может быть с традициями различной внешнеполитической ориентации верхов пантикапейского и фанагорийского гражданства связана и позднейшая судьба этих городов при Митридате VI. Пантикапей стал последним оплотом понтийского царя, Фанагория же, наоборот, первой среди боспорских городов подняла против него знамя восстания.

Разобранные выше типологические особенности последних выпусков боспорских городских монет спартокидовского времени, равно как и все развитие монетного дела Боспора во II в. до н. э., конкретизируют представление об экономическом упадке и политическом ослаблении Боспора, приведшем в конечном счете к падению спартокидовского рабовладельческого государства и утрате Боспором политической независимости в конце II в. до н. э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История монетной чеканки боспорских городов и денежного обращения на Боспоре довольно полно отражает многообразные явления экономической и политической жизни боспорских городов до их объединения в рамках Боспорского государства, а затем самого этого государства в домитридатовское время. Сами по себе нумизматические памятники не в состоянии дать сколько-нибудь отчетливой картины экономического положения Боспора в ту или иную эпоху, но будучи сопоставлены с данными других источников — литературных, эпиграфических, археологических — они позволяют нам многое понять и осмыслить в истории Боспорского царства.

Начало чеканки монеты в Пантикапее еще в середине VI в. до н. э. и последующее преобладание пантикапейской серебряной монеты над небольшими по объему и сравнительно кратковременными эмиссиями серебра других боспорских городов в V в. хорошо подчеркивают то руководящее положение, которое с самого начала занял Пантикапей среди всех античных поселений в районе Керченского пролива и которое может быть прослежено и по археологическим данным. В то же время возникновение самостоятельной чеканки в ряде боспорских городов и в Синдике в последней четверти V в. свидетельствует о значительной степени экономического и политического развития, которое было достигнуто этими городскими общинами к концу V в. до н. э., вероятно, в значительной мере благодаря резкому усилению внешней торговли с городами греческой метрополии, с одной стороны, и с окружающими племенами — с другой.

Тот факт, что монетная чеканка во всех боспорских городах, политически независимых и придерживавшихся иногда различной политической ориентации, строилась на единой весовой основе и использовала одинаковую систему номиналов, свидетельствует о тесных экономических связях, существовавших между городами, о единстве их торговых ин-

тересов, об экономической зависимости второстепенных городов Боспора от Пантикапея еще в то время, когда города эти к Боспорскому государству не принадлежали. О том же говорит и отразившееся в находках распространение боспорского городского серебра, прежде всего пантикапейского, на всех рынках боспорских городов, за пределами той городской общины, которая данную серебряную монету выпускала. Таким образом вскрывается одна из существенных предпосылок объединения боспорских городов в единый политический организм.

Усиление централизации Боспора при первых Спартокидах приводит к утрате всеми боспорскими городами, кроме Пантикапея, права собственной чеканки монеты. Такая утрата воспринималась, видимо, как существенное ущемление прав отдельных полисов, если судить по тому, с каким упорством пытается враждебная Спартокидам Феодосия восстановить свою чеканку в те моменты, которые казались наиболее благоприятными для возрождения полисной самостоятельности. Чеканка Пантикапея IV—III вв. до н. э. по видимости вполне самостоятельная, не деле, вероятно, была подчинена существенному контролю со стороны Спартокидов и практически пантикапейская монета играла роль общегосударственной.

Урезав политические права боспорских полисов, Спартокиды в то же время позаботились об удовлетворении их экономических нужд в области денежного обращения. Регулярный выпуск пантикапейской серебряной и медной монеты в IV в. до н. э. полностью обеспечивал потребность боспорского внутреннего рынка в средствах денежного обращения. Выпуск золотых пантикапейских статов, обращавшихся преимущественно на внешнем рынке, наряду с кизикинами и по одному с ними курсу, свидетельствовал о возросшей экономической мощи Боспорского государства и о притязаниях Спартокидов в области международной торговли.

Однако уже в конце IV в. до н. э. в монетном деле Боспора появляются некоторые симптомы, свидетельствующие о приближении кризиса всей денежной системы. Кризис, выразившийся в полном прекращении чеканки золотой и серебряной монеты, в попытке замены полноценной монеты медной, имеющей лишь условную стоимость и требующей постоянного подтверждения своего принудительного курса, в полной мере проявился в начале III в. до н. э. и захватил всю первую половину этого столетия. Он явился следствием сложного переплетения экономических и политических затруднений, переживаемых Боспором в конце IV—начале III в. до н. э., и не может быть объяснен только неудачами монетной политики.

Преодоление кризисного состояния боспорских финансов и боспорского денежного рынка во второй половине III в. до н. э. стало возможно лишь в связи с некоторой общей стабилизацией боспорской торговли и с установлением регулярных торговых отношений с важнейшими экономическими центрами эллинистического мира. В области собственно монетной политики нормализации денежного обращения способствовала монетная реформа Левкона II, впервые на Боспоре выпустившего царскую монету.

В дальнейшем боспорские цари из династии Спартокидов более или менее регулярно выпускали монету от своего имени. Эта монета, хотя и получила хождение на боспорском денежном рынке наравне со статерами Лисимаха, никогда не играла существенной роли в торговом обороте: выпускаемая в очень небольшом количестве, она служила главным образом целям политического характера — подтверждала право боспорских правителей на чеканку золотой монеты. Практические потребности денежного рынка удовлетворялись попрежнему автономной городской монетой.

Постепенная деградация боспорских монет II в. до н. э. в весовом, техническом и стилистическом отношении соответствует постепенному экономическому ослаблению Боспора в это время. Тот факт, что во II в. до н. э., наряду с Пантикапеем, вновь начинает чеканить монеты Фанагория и осуществляет первый выпуск серебра Горгиппия, свидетельствует об известном возрождении тенденций полной независимости на Боспоре и об ослаблении центральной власти, которая не всегда может таким тенденциям противостоять.

Это явление, подтверждаемое и иными, не нумизматическими данными, было одной из сторон общего социального и политического кризиса державы Спартокидов, все углублявшегося на протяжении II в. до н. э. и закончившегося отречением от власти последнего Перисада и открытым революционным выступлением боспорских рабов.

Восстание боспорских рабов, руководимых Савмаком, является естественным завершением всей истории Боспора за предыдущие столетия. Боспорским рабовладельцам удалось ценой подчинения Боспора власти Митридата Евпатора спасти свои классовые позиции и подавить восстание, но независимое Боспорское государство перестало существовать.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Б. — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж.
- ДГС — Древности Геродотовой Скифии.
- ДП — Древности Приднепровья.
- З. — А. Н. Зограф. Античные монеты (МИА, № 16). М., 1951.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- ИАН ООИ — Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук.
- ИГАИМК (ИРАИМК) — Известия Государственной (Российской) академии истории материальной культуры.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИС — Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Малой Азии и Балканского полуострова (ВДИ, 1939, № 3).
- Нум. сб. — Нумизматический сборник.
- ОАК — Отчет Археологической комиссии.
- СА — Советская археология.
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
- СП — С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. Л., 1954.
- ТМНО — Труды Московского Нумизматического общества.
- ТОАМГЭ — Труды Отдела культуры и искусства античного мира Государственного Эрмитажа.
- ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
- Тр. VI АС — Труды VI Археологического съезда.
- ВСН — Bulletin de correspondance hellénique.

BMC
CAH
losPE
JHSt
Num. Chr.
NZ
P.—W. RE

RN
Z.f. N.

- British Museum's Catalogue of Greek coin.
- Cambridge Ancient History.
- Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
- Journal of Hellenic Studies.
- Numismatic Chronicle.
- Numismatische Zeitschrift.
- Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
- Revue numismatique.
- Zeitschrift für Numismatik.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

Таблица I

1. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат (quadratum incusum), разделенный на 4 отсека.
Сер. VI в. до н. э. \mathcal{R} 6,05. ГИМ.
2. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека; в каждом отсеке точка.
Вторая пол. VI в. до н. э. \mathcal{R} 1,71. ГЭ.
3. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека; в каждом отсеке точка.
Вторая пол. VI в. до н. э. \mathcal{R} 2,30. ГЭ.
4. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками внутри него.
Первая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,49. ГИМ.
5. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; на двух табличках звездочки.
Первая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,72. ГИМ.
6. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека; в двух отсеках по точке.
Первая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,29. ГИМ.
7. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; на табличках буквы П-А и две звездочки.
Вторая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 4,59. ГИМ.
8. Пантикапей.
Л. ст. — Голова льва впрямь.
Об. ст. — Углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; на табличках буквы П-А-Н и звездочка.
Третья четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,35. ГИМ.

9. Пантикапей.

Л. ст. — Голова льва вправо.

Об. ст. — Углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; на табличках буквы П-А-Ν-ΤΙ; в центре звездочка.

Третья четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,68. ГИМ.

10. Пантикапей.

Л. ст. — Голова льва вправо.

Об. ст. — Буквы П-А-Ν-ΤΙ в углубленном квадрате; в центре — звездочка.

Третья четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,31. ГИМ.

11. Пантикапей.

Л. ст. — Голова льва вправо.

Об. ст. — Голова барана вправо и надпись ΠΑΝΤΙ в углубленном квадрате.

Последняя четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,68. ГИМ.

12. Пантикапей.

Л. ст. — Голова льва вправо.

Об. ст. — Голова барана влево, под ней осетр влево; ΠΑΝΤΙ.

Конец V в. до н. э. \mathcal{R} ГЭ.

Таблица II

13. Аполлония (?)

Л. ст. — Голова льва вправо.

Об. ст. — Звездочка в углубленном квадрате.

Первая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,32. ГИМ.

14. Аполлония.

Л. ст. — Голова льва вправо.

Об. ст. — Углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека; в отсеках буквы Α-Ρ-Ο-Δ.

Вторая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,37. ГИМ.

15. Аполлония.

Л. ст. — Голова льва вправо.

Об. ст. — Углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; на табличках буквы Α-Ρ-Ο-Δ; в центре звездочка.

Третья четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,41. ГЭ.

16. Мирмекий.

Л. ст. — Муравей.

Об. ст. — Углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека; в двух отсеках по точке.

Первая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,13. ГЭ.

17. Мирмекий.

Л. ст. — Муравей.

Об. ст. — Звездочка в углубленном квадрате.

Первая четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,11. ГЭ.

18. Мирмекий.

Л. ст. — Муравей.

Об. ст. — Углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; на табличках буквы Π-Α-Ν-ΤΙ; в центре — звездочка.

Третья четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,18. ГИМ.

19. Мирмекий.

Л. ст. — Муравей.

Об. ст. — Углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека четырехлучевой звездой; в отсеках буквы Α-Ρ-Ο-Δ.

Третья четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,20. ГЭ.

20. Нимфей.

Л. ст. — Голова нимфы влево.

Об. ст. — Виноградная лоза и надпись ΝΥΝ в углубленном квадрате.

Последняя четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,53. ГИМ.

21. Феодосия.

Л. ст. — Безбородая голова вправо.

Об. ст. — Голова быка вправо и надпись ΘΕΟΔΕΟ в углубленном квадрате.

Последняя четв. V в. до н. э. \mathcal{R} ГЭ.

22. Феодосия.

Л. ст. — Голова Афины влево.

Об. ст. — Букракий, украшенный тениями; ΘΕ-ΟΔ-ΕΩ.

Рубеж V и IV вв. до н. э. \mathcal{R} 2,62. ГИМ.

23. Синдика.

Л. ст. — Голова Геракла вправо.

Об. ст. — Голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.

Последняя четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 0,26. ГИМ.

24. Синдика.

Л. ст. — Орлиноголовый грифон, сидящий вправо; перед ним зерно.

Об. ст. — Голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.

Последняя четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,33. ГИМ.

25. Синдика.

Л. ст. — Геракл, натягивающий лук, опустившись на одно колено.

Об. ст. — Сова вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.

Последняя четв. V в. до н. э. \mathcal{R} 1,26. ГИМ.

26. Фанагория.

Л. ст. — Безбородая голова в пилосе влево.

Об. ст. — Голова быка влево; сзади зерно.

ΦΑ. Рубеж V и IV вв. до н. э. \mathcal{R} 1,56. ГИМ.

27. Фанагория.

Л. ст. — Безбородая голова в пилосе влево.

Об. ст. — Протома бодающего быка влево; сзади зерно; ΦΑΝΑ.

Рубеж V и IV вв. до н. э. \mathcal{R} 1,05. ГИМ.

28. Фанагория.

Л. ст. — Безбородая голова влево.

Об. ст. — Зерно; ΦΑ.

Рубеж V и IV вв. до н. э. \mathcal{R} 0,26. ГИМ.

Таблица III

29. Пантикапей.

Л. ст. — Голова бородатого сатира влево.

Об. ст. — Львиноголовый грифон, идущий влево; под ним колос влево; Π-Α-Ν.

Ок. 375—360 гг. до н. э. \mathcal{A} 9,07. ГИМ.

30. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в три четверти влево.
Об. ст. — Львиноголовый грифон, идущий влево; под ним колос влево; P-A-N.
Ок. 360—340 гг. до н. э. \mathcal{A} 9,10. ГЭ.
31. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Львиноголовый грифон, идущий влево; под ним колос влево; P-A-N.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 9,08. ГЭ.
32. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Львиноголовый грифон, идущий влево; под ним колос влево; P-A-N.
Ок. 330—315 гг. до н. э. \mathcal{A} 9,07. ГИМ.
33. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Львиноголовый грифон, идущий влево; под ним колос влево; P-A-N.
Ок. 315—300 гг. до н. э. \mathcal{A} 9,07. ГЭ.
34. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Протома львиноголового грифона влево; под ней колос влево; P-A-N.
Ок. 315—300 гг. до н. э. \mathcal{A} 4,29. ГЭ.
35. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира влево.
Об. ст. — Лев, идущий влево; PANTI.
Ок. 400—375 гг. до н. э. \mathcal{A} 2,57. ГИМ.
36. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира вправо.
Об. ст. — Голова льва вправо; PANTI.
Ок. 400—375 гг. до н. э. \mathcal{A} 2,41. ГЭ.
37. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира влево.
Об. ст. — Протома льва влево; сзади подумесак; PANTI.
Ок. 400—375 гг. до н. э. \mathcal{A} 0,76. ГИМ.
38. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира вправо.
Об. ст. — Голова коня вправо; PANTI.
Ок. 400—375 гг. до н. э. \mathcal{A} 1,94. ГИМ.
39. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира вправо.
Об. ст. — Голова барана вправо; PANTI.
Ок. 400—375 гг. до н. э. \mathcal{A} 1,17. ГЭ.
40. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в три четверти вправо.
Об. ст. — Лев, идущий вправо; PANTI.
Ок. 375—360 гг. до н. э. \mathcal{A} 4,87. ГИМ.
41. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в три четверти влево.
Об. ст. — Лев, грызущий копьё, влево; PANTI.
Ок. 375—360 гг. до н. э. \mathcal{A} 2,07. ГИМ.
42. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в три четверти вправо.
Об. ст. — Лев, приготовившийся к прыжку вправо; PANTI.
Ок. 375—360 гг. до н. э. \mathcal{A} 2,64. ГЭ.
43. Пантикапей.
Л. ст. Голова безбородого сатира вправо.
Об. ст. — Протома орлиноголового грифона вправо; P-A-N.
Ок. 375—360 гг. до н. э. \mathcal{A} 0,58. ГЭ.
44. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в три четверти влево.
Об. ст. — Голова быка влево; P-A-N.
Ок. 360—340 гг. до н. э. \mathcal{A} 3,46. ГИМ.
45. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо.
Об. ст. — Лев вправо с головой, повернутой назад; PANTI.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 2,58. ГИМ.
46. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке в три четверти влево.
Об. ст. — Лев, терзающий оленя, вправо; PANTI.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 2,61. ГЭ.
47. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Голова барана влево; PANTI.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 1,45. ГЭ.
48. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо.
Об. ст. — Протома льва с повернутой назад головой вправо; сзади ветвь; PANTI.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 0,91. ГИМ.
49. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира вправо.
Об. ст. — Протома льва с повернутой назад головой вправо; сзади зерно; PAN.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 0,22. ГЭ.
50. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Голова рыбы вправо; PAN.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 1,30. ГИМ.
51. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира вправо.
Об. ст. — Голова быка влево; P-A-N.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 0,67. ГИМ.
52. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира вправо.
Об. ст. — Лук; PAN.
Ок. 340—330 гг. до н. э. \mathcal{A} 0,60. ГИМ.

Таблица IV

Таблица V

53. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира вправо.
Об. ст. — Лев, лежащий вправо; PANTI.
Ок. 330—315 гг. до н. э. А 2,49. ГИМ.
54. Пантикапей.
Д. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Лук и стрела вправо; PANTI.
Ок. 330—315 гг. до н. э. А 11,73. ГИМ.
55. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира вправо; вокруг точечный ободок.
Об. ст. — Лук в горите вправо; PAN-TI.
Ок. 330—315 гг. до н. э. А 2,16. ГИМ.
56. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира вправо.
Об. ст. — Протома пегаса вправо; P-A-N.
Ок. 330—315 гг. до н. э. А 3,16. ГИМ.
57. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира вправо.
Об. ст. — Протома орлиноголового грифона влево; внизу осетр влево; P-A-N.
Ок. 330—315 гг. до н. э. А 5,97. ГИМ.
58. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Голова быка влево; P-A-N.
Ок. 315—300 гг. до н. э. А 11,80. ГЭ.
59. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке в три четверти влево.
Об. ст. — Скальп льва вправо; PAN.
Ок. 315—300 гг. до н. э. А 2,51. ГИМ.
60. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Голова быка влево; P-A-N.
Ок. 315—300 гг. до н. э. А 18,02. ГИМ.
61. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Голова льва влево; внизу осетр влево; P-A-N.
Ок. 315—300 гг. до н. э. А 8,71. ГИМ.
62. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка в виде 12-лучевой звезды.
Об. ст. — Голова льва влево; внизу осетр влево; P-A-N; надчеканка в виде горита.
Нач. III в. до н. э. А 6,07. ГИМ.
63. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира влево.
Об. ст. — Голова быка влево; P-A-N;
Нач. III в. до н. э. А 4,09. ГИМ.
64. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира влево.
Об. ст. — Голова быка влево; P-A-N.
Первая пол. III в. до н. э. А 3,29. ГИМ.

Таблица VI

65. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Лук и стрела влево; PAN.
Первая пол. III в. до н. э. А 5,62. ГИМ.
66. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Лук и стрела влево; PAN.
Первая пол. III в. до н. э. А 2,62. ГИМ.
67. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; под типом видна прежняя надчеканка в виде двенадцатилучевой звезды.
Об. ст. — Лук и стрела влево; PAN; под типом видна прежняя надчеканка в виде горита.
Первая пол. III в. до н. э. А 7,10. ГИМ.
68. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Орел с распушенными крыльями вправо; PAN.
Середина III в. до н. э. А 4,03. ГЭ.
69. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Треножник; PAN.
Середина III в. до н. э. А 2,21. ГИМ.
70. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Лук и стрела вправо; PAN; надчеканка в виде треножника.
Середина III в. до н. э. А 3,51. ГИМ.
71. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо; надчеканка в виде треножника.
Об. ст. — Орел с распушенными крыльями вправо; PAN.
Середина III в. до н. э. А 3,54. ГИМ.
72. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира вправо.
Об. ст. — Лук и стрела вправо; PANTI.
Середина III в. до н. э. А 4,40. ГЭ.
73. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо.
Об. ст. — Лук и стрела вправо; PAN.
Середина III в. до н. э. А 2,59. ГИМ.
74. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Посейдона вправо.
Об. ст. — Корабельная прора влево; PANTI.
Нач. 3-й четв. III в. до н. э. А 6,93. ГИМ.
75. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Посейдона вправо.
Об. ст. — Корабельная прора влево; PANTI; надчеканка в виде головы Афины.
Третья четв. III в. до н. э. А 7,92. ГЭ.

Таблица VII

76. Левкоп II.
Л. ст. — Голова Геракла вправо.
Об. ст. — Лук и палица влево; ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ.
Третья четв. III в. до н. э. АЕ 12,20. ГИМ.
77. Левкоп II.
Л. ст. — Голова Афины вправо.
Об. ст. — Молния; ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ.
Третья четв. III в. до н. э. АЕ 3,93. ГИМ.
78. Левкоп II.
Л. ст. — Щит и копье.
Об. ст. — Акинак вправо; ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ.
Третья четв. III в. до н. э. АЕ 5,27. ГИМ.
79. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Протома орлиноголового грифона влево; внизу колос влево; Π-Α-Ν.
Последняя треть III в. до н. э. АР 2,82. ГИМ.
80. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Орел, сидящий вправо; ΠΑΝ.
Последняя треть III в. до н. э. АР 3,04. ГИМ.
81. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Колос.
Последняя треть III в. до н. э. АР 2,52. ГИМ.
82. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Голова льва с дротиком в зубах; ΠΑΝ.
Последняя треть III в. до н. э. АР 2,44. ГИМ.
83. Пантикапей.
Л. ст. — Голова быка в три четверти вправо.
Об. ст. — Плут влево, вверху колос влево; Π-Α-Ν.
Конец III — перв. пол. II в. до н. э. АЕ 3,38. ГИМ.
84. Пантикапей.
Л. ст. — Крыло.
Об. ст. — Треножник; ΠΑΝ.
Конец III в. до н. э. АЕ 1,30. ГИМ.
85. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона влево.
Об. ст. — Пасущаяся лошадь влево; ΠΑΝΤΙ.
Конец III в. до н. э. АР 15,67. ГЭ.
86. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Лук в горите влево; ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ.
Первая пол. II в. до н. э. АР 4,12. ГЭ.
87. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Лук в горите влево; внизу копыта влево; ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ.
Первая пол. II в. до н. э. АР 3,57. ГИМ.

88. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Лук в горите влево; внизу монограмма Π; ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ.
Первая пол. II в. до н. э. АР 3,48. ГИМ.

Таблица VIII

89. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Треножник; внизу монограмма Α; ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.
Третья четв. II в. до н. э. АР 3,20. ГЭ.
90. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Протома скачущего коня вправо; ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АР 1,25. ГИМ.
91. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Лира; ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АР 1,39. ГИМ.
92. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Маяк; ΠΑΝ.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АР 0,90. ГИМ.
93. Пантикапей.
Л. ст. — Восьмилучевая звезда.
Об. ст. — Рог изобилия; ΠΑ-Ν.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АР 0,53. ГИМ.
94. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Лук в горите вправо, внизу монограмма ΑΑ; ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ.
Вторая четв. II в. до н. э. АЕ 6,97. ГИМ.
95. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Лук в горите влево; ΠΑΝ.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АЕ 1, 82. ГИМ.
96. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Лук и стрела вправо; ΠΑΝ.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АЕ 2,36. ГИМ.
97. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Дельфин влево; ΠΑΝ.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АЕ 1,18. ГИМ.
98. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Колос влево; ΠΑΝ.
Первая пол. и сер. II в. до н. э. АЕ 1,14. ГИМ.
99. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Аполлона вправо.
Об. ст. — Венок; ΠΑ.

- Первая пол. и сер. II в. до н. э. **Æ** 1, 26. ГИМ.
100. Пантикапей.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
Об. ст. — Рог изобилия между звездоносными шапками Диоскуров; **ΠΑΝ-ΤΙ**.
Последняя четв. II в. до н. э. **Æ** 3, 85. ГИМ.
101. Пантикапей.
Л. ст. — Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо.
Об. ст. — Звездоносные шапки Диоскуров; **ΠΑΝΤΙ**.
Последняя четв. II в. до н. э. **Æ** 3, 06. ГИМ.
102. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Афины вправо.
Об. ст. — Корабельная прора вправо; **ΠΑΝ**.
Ок. 110 г. до н. э. **Æ** 1, 94. ГИМ.
103. Пантикапей.
Л. ст. — Голова Афины вправо.
Об. ст. — Трезубец влево; **ΠΑΝ**.
Ок. 110 г. до н. э. **Æ** 1, 20. ГИМ.

Таблица IX

104. Гигиэонт.
Л. ст. — Голова архонта Гигиэонта вправо.
Об. ст. — Сидящая Афина влево; на вытянутой правой руке — Ника с венком; у левой руки щит, в руке копье; внизу трезубец влево и два дельфина; монограммы **М** и **Π**; **ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΝΟΝΤΟΣ**.
Последняя четв. III в. до н. э. **Λ** 8, 49. ГИМ.
105. Гигиэонт.
Л. ст. — Голова архонта Гигиэонта вправо.
Об. ст. — Всадник, скачущий влево; монограммы **М** и **Π**; **ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΝΟΝΤΟΣ**.
Последняя четв. III в. до н. э. **Α** 3, 53. ГЭ.
106. Спарток.
Л. ст. — Голова царя Спартока в диадеме вправо.
Об. ст. — Лук в горите влево; монограмма **Α**; **ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ**.
Сер. II в. до н. э. **Α** 7, 78. ГИМ.
107. Перисад.
Л. ст. — Голова царя в диадеме вправо.
Об. ст. — Сидящая Афина влево; на вытянутой правой руке — Ника с венком; у левой руки щит, в руке копье; внизу трезубец влево и два дельфина; монограмма **ΕΡ**; **ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΡΙΣΑΔΟΥ**.
Конец III в. до н. э. **Λ** 8, 47. ГЭ.
108. Перисад.
Л. ст. — Типы те же, но вместо монограммы на оборотной ст. буква **Κ**.
Конец II в. до н. э. **Λ** 8, 20. ГИМ.
109. Феодосия.
Л. ст. — Безбородая голова влево.
Об. ст. — Бык, бодающий вправо; **ΘΕΟΣΟ**.
Сер. IV в. до н. э. **Æ** ГЭ.

110. Феодосия.
Л. ст. — Голова Афины вправо.
Об. ст. — Лук в горите влево, палица вправо; **ΘΕΥ**.
Третья четв. III в. до н. э. **Α** 4, 58. ГИМ.
111. Феодосия.
Л. ст. — Голова Геракла влево.
Об. ст. — Палица вправо; **ΘΕΥΔΟ**.
Третья четв. III в. до н. э. **Α**.
112. Фанагория.
Л. ст. — Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо.
Об. ст. — Лук и стрела вправо; **ΦΑ**.
II в. до н. э. **Æ** 1, 79. ГИМ.
113. Фанагория.
Л. ст. — Голова безбородого сатира вправо.
Об. ст. — Виноградная гроздь; **ΦΑΝ**.
Первая пол. II в. до н. э. **Æ** 1, 96. ГИМ.
114. Фанагория.
Л. ст. — Голова Артемиды вправо.
Об. ст. — Цветок граната; **ΦΑΝΑΓΟ-ΡΙΤΩΝ**.
Ок. 120—110 гг. до н. э. **Α** 2, 45. ГИМ.
115. Горгиппия.
Л. ст. — Голова Гелиоса вправо.
Об. ст. — Рог изобилия между двумя звездами; **ΓΟΡ-ΓΠ**.
Ок. 120—110 гг. до н. э. **Α** 3, 64. ГЭ.

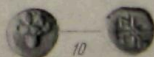
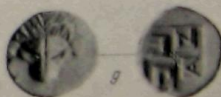
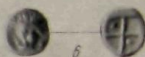

Таблица II

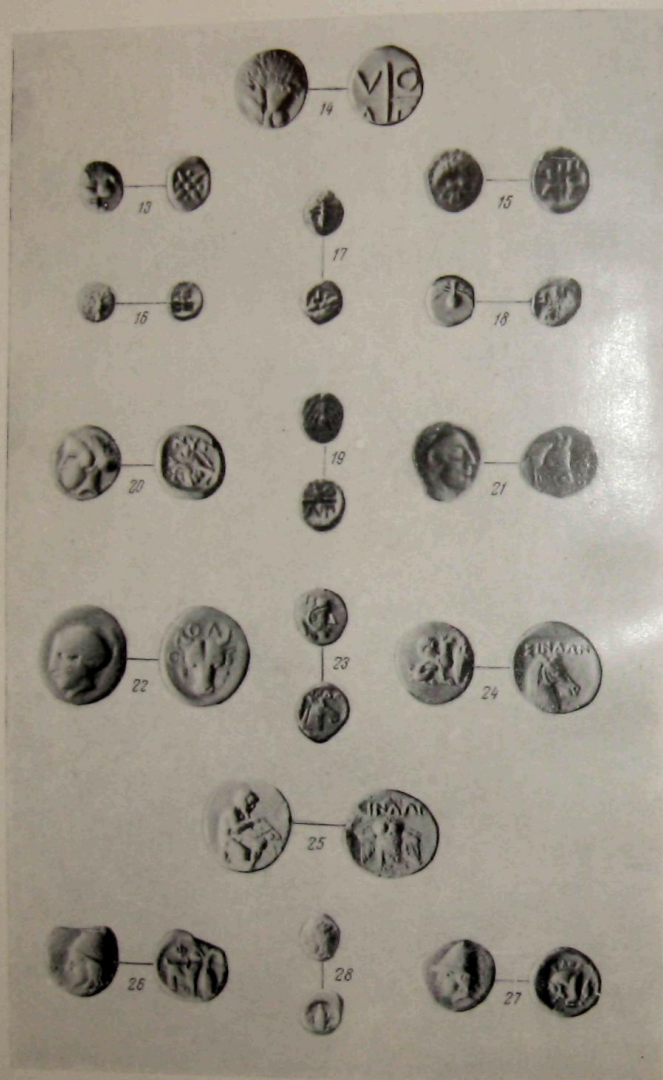

Таблица III

Таблица IV

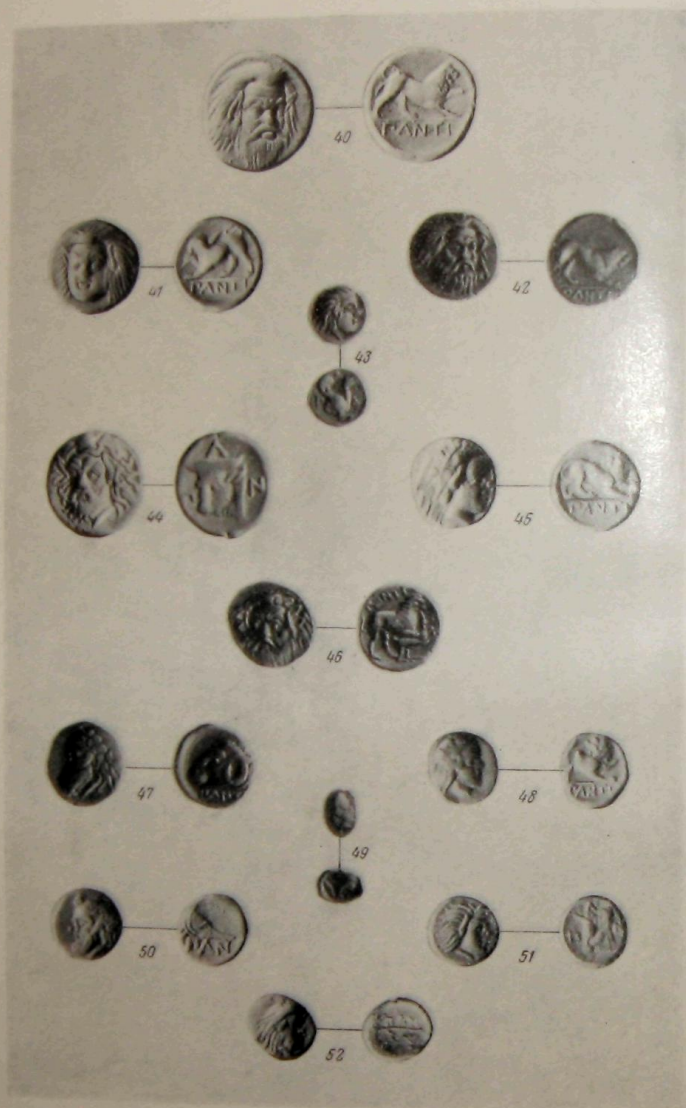

Таблица V

Таблица VI

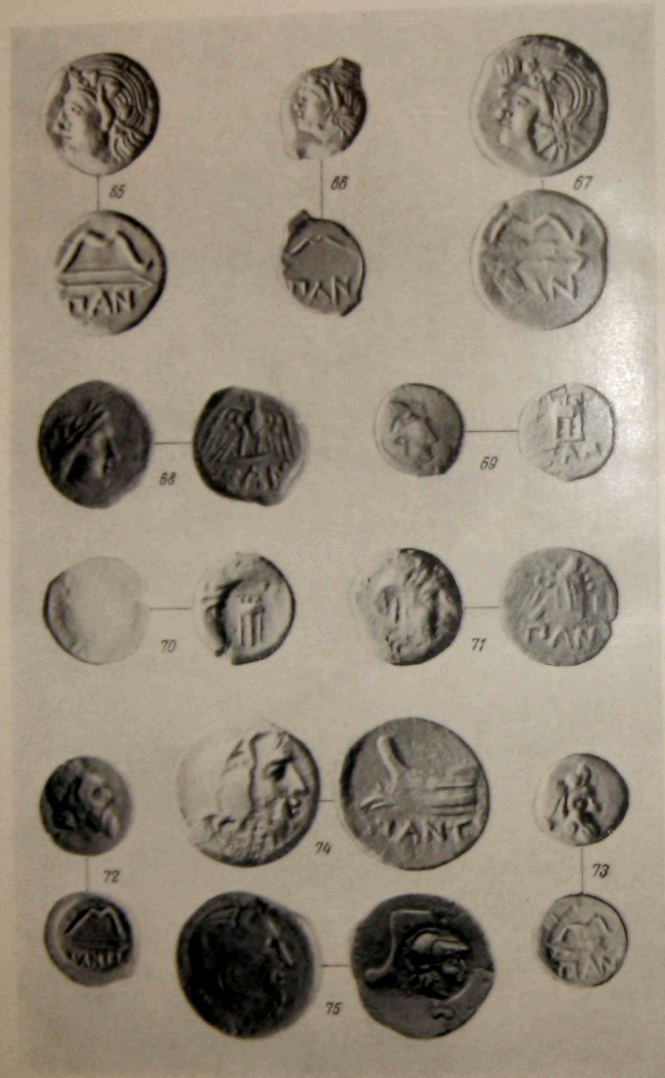

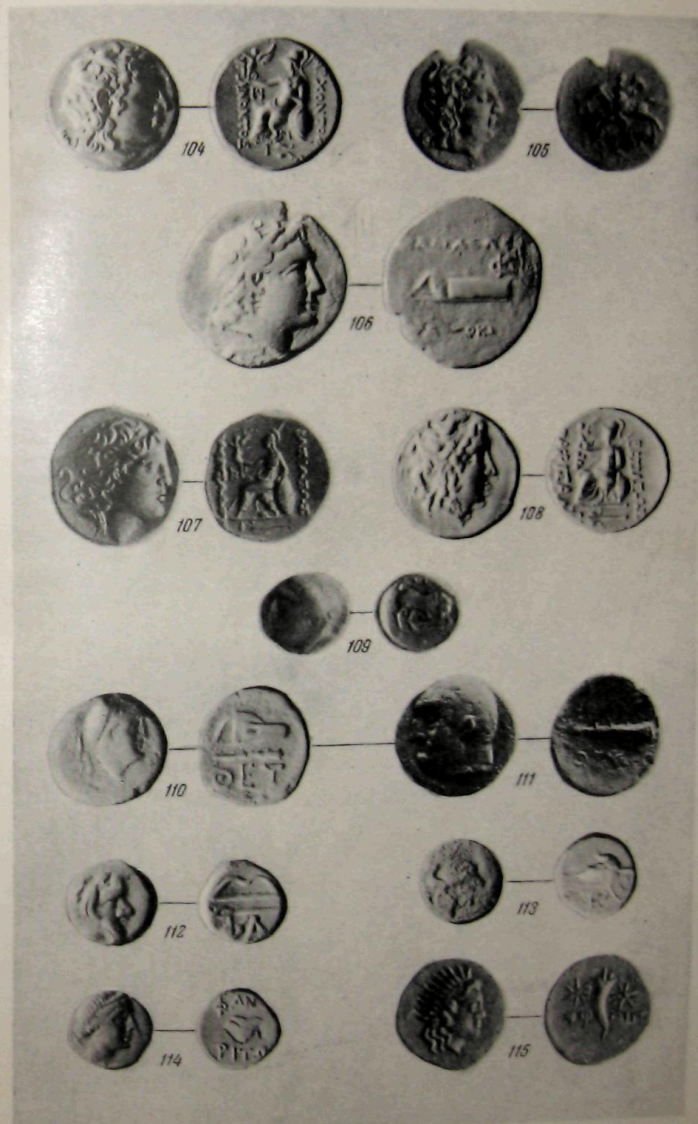
Таблица VII

Таблица VIII

Таблица IX

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	8
Глава. I. Монетное дело Боспора в VI—V вв. до н. э.	13
1. Монеты боспорских городов и синдвов	16
2. Весовая система монетной чеканки боспорских городов	52
3. Денежное обращение Боспора	77
Глава II. Монетное дело Боспора в IV и первой половине III в. до н. э.	86
1. Пантикапейская чеканка IV в. до н. э.	90
2. Пантикапейская чеканка периода денежного кризиса	108
3. Весовая система и система номиналов в пантикапейской чеканке IV—первой половины III в. до н. э.	114
4. Денежное обращение на Боспоре в IV—первой половине III в. до н. э.	126
Глава III. Монетное дело Боспора в эпоху поздних Спартокидов . .	151
1. Денежная реформа Левкона II	151
2. Чеканка Пантикапея и других городов Боспора	158
3. Весовая система городской чеканки	177
4. Царская чеканка Спартокидов	183
5. Денежное обращение на Боспоре при поздних Спартокидах .	190
Заключение	206